

Лилия Муромовна
Блудное
художество

Архаровцы

Даля Трускиновская

Блудное искусство

«Автор»

2006

Трускиновская Д. М.

Блудное художество / Д. М. Трускиновская — «Автор»,
2006 — (Архаровцы)

Четвертый роман из цикла «Архаровцы». Письмо от начальника парижской полиции о похищении дорогостоящего сервиза, следы которого ведут в Россию, не предвещало обер-полицейстеру Архарову ничего ужасного, кроме рутинной работы. Поначалу он и догадаться не мог, что за пропажей сервиза кроется заговор, предполагающий устранение от двора могущественного сановника Алехана Орлова и убийство его самого, Николая Архарова...

© Трускиновская Д. М., 2006

© Автор, 2006

Далия Трускиновская

Блудное художество

Письмо от начальника парижской полиции Габриэля де Сартина было получено Архаровым очень некстати – Саша Коробов отсутствовал четыре дня, Клаварош, как и прочие архаровцы, был беспредельно занят. Почты скопилось столько, что дай Бог управиться с петербургскими письмами – французские подождут. Апрель – а не на все мартовские послания отвечено.

То, что для всей Москвы было ожиданием великолепного праздника в честь победы над Турцией, для полицейских обернулось тяжким трудом. Еще зимой, в конце января, государыня Екатерина Алексеевна прибыла в Москву и поселилась в нарочно для того построенном деревянном дворце – сразу за Колымажным двором, кстати, по соседству с Архаровым. Дворец предполагался недолговечным – сразу же после отъезда царицы его собирались снести, оставив лишь то главное здание в голицынских владениях, кое, собственно, и облепили деревянными хоротами.

Здание это было для Архарова истинной карой Божьей. Поскольку он как обер-полицмейстер обязан был давать разрешение на все крупные строительные действия, то грядущий визит государыни, о коем стало известно еще осенью, сразу его озадачил: где селить все понаехавшее с ней общество? Ожидался «весь двор» – не в Кремле же его размещать, в тухлявых старинных покоях? Архитектор Баженов, еще до чумы получивший высочайшее приказание чуть ли не весь Кремль перестроить, год назад прекратил всякую деятельность. Екатерининский дворец на месте сгоревшего Головинского за Яузой, понятное дело, достроить не успели. Он был заложен почти два года назад на старых фундаментах летнего Анненгофского дворца по чертежам князя Макулова. Князь размахнулся – выдумал длинейший фасад в пятьдесят окон, необъятный парадный зал, множество маленьких покоев, но стройка не ладилась. С опозданием выяснилось, что старые фундаменты нехороши, кирпич поставлен такой, что, не дожив до употребления, портится прямо в стоящих на сырой земле «клетках».

Кремль государыня всегда считала плохо приспособленным для обычной жизни, и потому еще с осени приняла предложение князя Голицына остановиться в его доме.

Тут-то и началась суета. Архитектор Казаков взялся преобразовать голицынский дом в новоявленный Пречистенский дворец. За основу взял голицынский дом на углу Волхонки и Малого Знаменского переулка, там надлежало быть покоям государыни, к нему надумал присоединить старый дом Лопухиных и, прихватив под свое сооружение еще земли из владений князей Долгоруких, их дом на Волхонке. Мысль была разумная – все меньше придется строить, однако объединить три дома в один – немалая морока, и Архаров, глянув на привезенный ему план, только охнул. Саша, стоявший за спиной, нагнулся, хмыкнул и произнес два малопонятных слова: «Тезеев лабиринт». Но если спрашивать секретаря о всех известных ему диковинных словах – то и служить будет некогда.

Хитроумное здание было готово как раз к суду над Пугачевым, и Архаров мрачно сказал князю Волконскому:

– Помяните мое слово, ваше сиятельство, высушить не успеют. Ему бы все лето стоять, сохнуть, а государыне вот-вот въезжать.

Из чего следовало: столько лет позволяя или же запрещая москвичам строиться, обер-полицмейстер кое-каких знаний нахватался. Очевидно, следовало сразу наложить запрет на сие недоразумение, но архитектор божился, что действует по указу государыни. Ну, коли ее величеству угодно быть гостьей господина Голицына – что тут возразишь?

И Архаров оказался прав. Дворец оказался тесен, печки плохо его отапливали, люди мерзли, государыня изъявила свое неудовольствие. К тому же, от Колымажного двора и коню-

шен шла известная вонь – государыня, при всей своей любви к лошадям, нюхать сие амбре круглосуточно не желала. Наконец, прилаживая деревянные хоромы к каменным, Казаков перестарался по части переходов и коридоров – были они длинными, пересекались неожиданным образом, и в первый же день государыня едва ль не два часа не могла допроситься дороги в свой кабинет. За февраль кое-как обжились, светская жизнь была ключом – какое неудовольствие, когда каждую неделю маскарад, на каждом маскараде по три тысячи человек гостей – а там, глядишь, и Великий пост – время являть смирение, а там уж и долгожданный апрель!

Занятый куда более важными материями, чем французские грамоты, Архаров, когда Саша вернулся и прибыл после обеда прямо на Лубянку, велел не столько перевести длиннейшее послание парижанина, сколько изложить внятно своими словами – и покороче!

– Коли сделать экстракт – вот что выходит, – и Саша, заглядывая в большой лист плотной бумаги, довольно мелко исписанный, заговорил казенным голосом: – С изъяснением почтения и восхищения... и прочая, и прочая... вот тут он уже дело говорит. Некая высокопоставленная особа приобрела очень дорогой столовый сервиз – золотой, с ручками из красной яшмы... на две дюжины персон... Однако сервиз при перевозке был похищен. Следы ведут в Россию. Он, Сартин, имеет основание беспокоиться, что такая дорогая и неповторимая... тонкой работы посуда... посуда будет приобретена для подарка нашей государыне кем-то из московских аристократов...

– Так и выразился? – уточнил Архаров.

– Примерно так. А сервиз знаменитый во Франции... погодите... нет, с чего он вдруг стал знаменитым, не сказано... Коли будет преподнесен государыне, возникнет реприманд... получится, что она приняла ворованное... Воля ваша, Николай Петрович, либо я чего-то тут не понял, либо Сартин, экивоками изъясняясь, что-то важное упустил.

– Золотой сервиз с красными яшмовыми ручками, – повторил Архаров. – Я такого нигде не встречал. Любопытная затея. Хорош, должно быть, коли золото как следует отполировано.

– Что прикажете отвечать?

– А то и отвечай – премного благодарны, желательно поболее узнать про тот сервиз, количество предметов, общий вес, кому ранее принадлежал... Да, и какие следы ведут в Россию! Не забудь приписать про почтение и восхищение. Диковинно...

Архаров задумался.

Прежде всего, его смутило, что Сартин сразу адресовался к нему в Москву. Следы сервиза ведут в Россию – пускай, французу виднее. Но почему в Москву, а не в Санкт-Петербург? И насчет аристократов неувязка – есть человек, который смог бы приобрести этот сервиз и подарить государыне, так он – один такой. Что занятно – на ее же деньги... Вряд ли другие соберутся делать столь дорогие подарки. Скорее уж сервиз будет предложен кем-то из известных посредников для продажи государыне... и, опять же, посредники главным образом в Петербурге обретаются, вряд ли потащились следом за двором в Москву...

Тут Архарову пришло на ум, что Сартин, возможно, точно такое же письмо отправил и в Санкт-Петербург.

– Переведи письменно, отнеси в канцелярию, пусть снимут две... нет, три копии, – сказал он Саше. – Увидишь Костемарова – гони ко мне. И Скеса, и Хохлова.

Этими архаровцами обер-полицмейстер дорожил еще и потому, что они не порывали связи с тем потаенным миром, который снабжал работой полицейскую канцелярию. Всякое случалось – порой проще и разумнее было выкупить краденое, чтобы не упустить его вовсе. А несколько раз осведомители предупреждали о готовящейся краже.

Демку где-то носила нелегкая, пришли Михей Хохлов и Яшка-Скес, поклонились, встали смиренно, принялись ждать приказаний. Та еще была парочка – плотный краснощекий Михей, голубые глазищи навывкате, нос репкой, и бледный рыжий Яшка-Скес, сейчас, как ни странно,

чисто выбритый и оттого совсем бы похожий на болезненного подростка, кабы не широкие плечи.

Оба по происхождению своему были из шуров. Михай умел вскрывать замки, грабил дома, как-то и на церковь сдуру посягнул – да попался. Яшку воспитали для более тонкой работы – он на спор в толпе чистенько срезал у щеголей дорогие кружевные манжеты и золотые пуговицы.

Если Тимофей Арсеньев отрекся от прошлого раз и навсегда, если Федька Савин, угловивший в застенке за пьяную драку, вообще не имел прошлого, то Демка, Михай и Яшка, наоборот, за него держались. Архаров видел – они служат в полицейской конторе не от горячей любви к законности и порядку, а просто иного выхода им судьба не дала, опять же – круговая порука, связавшая всех бывших мортусов.

Глядя на них, Архаров медлил. Он решал, кто из них ему нужнее в Москве. Выходило, что Скес.

– Михай, поедешь в столицу. Пойдешь к вашей братии, к шурам. Разведаете – не слышно ли чего насчет золотого сервиза с красными ручками. Украден в Париже. Может, где объявился, может, кому предлагали – вещицы там приметные. Сейчас ступай домой, собирайся в дорогу, через час придешь за подорожной и за деньгами. А ты, Яша, расспроси про то же здешних шуров. Сейчас же и беги в «Негасимку»... стой!.. Загляни к Марфе, может, его по частям продавать решили, так не предлагал ли ей кто. Да только верши! Она кубасья пельми-стая, не остремайся.

Рыжий Скес кивнул.

Поскольку больше Архаров им ничего не сказал, то оба, поклонясь, вышли.

– Везет тебе, Михай Васильевич, в столицу поедешь, – с некоторой завистью поздравил Скес.

– Да чего там столица, она теперь вся к нам перебралась. Ломай теперь голову – как к тамошним шурам подойти...

– Так веселее ехать будет, пока доедешь – как раз придумаешь, – утешил Скес.

– Да уж...

Ехать было – коли не скакать во весь опор, как фельдъегеря, – дней шесть или семь.

Конечно же, Архаров мог просто написать в столичную полицейскую контору, Михай прекрасно это знал, так не раз раньше делалось. Видать, он почуял в деле о краже сервиза что-то столь значительное, что не захотел отдавать его столичной полиции, а решил все ниточки собрать в своих руках. Как бы оно ни было – спорить с обер-полицмейстером не стали.

Михай тут же смылся с Лубянки, а Яшка, прежде чем идти через Зарядье в «Негасимку», поискал Устина.

После того, как бывший дьячок изъявил желание служить, да не в канцелярии, а быть архаровцем, с ним произошло немало недоразумений. Кончились они тем, что за Устином стал присматривать Скес. Они были почти ровесники, Скес годом моложе, но уж такие разные – нарочно не подберешь. Устин, открытая душа, был вечно озабочен всякими высокими материями, долго и мучительно разбирался со своими внутренними сложностями, и рассказывал про то всякому, кто пожелал бы слушать. Яшка-Скес вырос в обстановке, отрицающей высокие материи, а что у него делалось внутри – никому не докладывал, занимал себе свою ступеньку на полицейской лестнице, да и ладно. Возможно, Устин показался ему неразумным младенцем, который без опеки пропадет. А, может, в обществе бывшего дьячка вечно настороженный молодой шур мог несколько расслабиться, не ожидая подвоха, кто его разберет – иной раз такие пустые глаза у него на роже, что не по себе делается, невольно охватывает беспокойство – в своем ли он уме...

Устин в общем был доволен переменой в своей жизни. Хотя и канцелярские труды имели свою прелесть. Сиди себе да возись с бумажками – в тепле, в приятном, коли не считать старика

Дементьева, обществе, никакой беготни, даже коли лень брести в трактир, можно попросить казенной каши в подвале у Фили-Чкаря. Но, с другой стороны, копиисты, подканцеляристы и канцеляристы являлись в присутствие в пять часов утра и сидели до двух часов дня. Затем, пообедав и вздремнув, они возвращались к своим столам и трудились до десяти часов вечера. Такой распорядок делал посещение храма Божия весьма затруднительным – кто же станет служить литургию нарочно для Устина в обеденное время?

Став настоящим архаровцем, он первым делом обнаружил неожиданную прореху в кошельке – подметки так и горели. Но, бегая по Москве, он всегда мог забежать в церковь, даже так рассчитать, чтобы надолго. Тем более, что Устин в Рязанском подворье имел свое постоянное занятие – как человек, хорошо знающий церковную жизнь, он заведовал осведомителями, приближенными к храмам, и вовремя извещал о всех крестных ходах. Это было, на архаровский взгляд, довольно обременительной обязанностью для полиции – присматривать, чтобы во время крестного хода не было поблизости шума и безобразий, чтобы оказались на его пути закрыты все лавки, кроме торгующих провиантом. Кроме того, Устин охотно исполнял еще одну полицейскую обязанность – следить за порядком в самих храмах. Тут он объединял служебное с душевспасительным. Тимофей выучил его ухваткам, позволяющим быстро извлечь на паперть пьяного крикуна, а Ваня Носатый преподавал хитрый тычок в грудь, лишаящий человека чувств, – но это уж на самый крайний случай.

Яшка-Скес перехватил Устина при выходе из канцелярии, где тот писал донесение. Оказалось, им по пути – Устин собирался во Всехсвятский храм, что у Варварских ворот. Пошли вместе.

Весна была во всем – даже лица москвичей посветлели. Архаровцы наслаждались теплом и солнцем – за зиму им осточертели тяжелые кафтаны и епанчи, смазные сапоги такой ширины, чтобы способно было намотать потолще портянки, а также рукавицы, сильно осложняющие всякую погоню и драку.

– Вот и Пасха скоро, – сказал Устин, жмурясь на солнышко. – Я на следующей неделе исповедаюсь, причащусь, буду каждый день в храм отпрашиваться...

– Так тебя и пустили.

– На Страстную отпустят. Хорошо как Евангелие слушать... вроде и знаешь в нем каждое словечко, а слушаешь – и так страшно делается... а то бы вместе сходили?

Яшкина отстраненность от божественных дел Устина смущала и беспокоила. Будь его воля – он бы все население Рязанского подворья утром и вечером в храм водил, потому что полицейские – народ грешный и о душе заботятся непозволительно мало. А именно Скес был ему теперь дороже прочих, потому что несколько раз выслушал горестную повесть о неудачной проповеди в доме Дуньки-Фаншеты и удержался от обычных в полицейской конторе соленых шуток.

Правда, глаза у бывшего шура при этом ровно ничего не выражали, как если бы он дремал, но сие могло означать и известный навык придавать лицу сонный вид, в то время как шустрые пальцы делают свою работу.

– Как кончится это столпотворение – так и сходим, – лениво пообещал Яшка.

– А ты знаешь ли, что значит – столпотворение?

И Устин, премного довольный, принялся растолковывать то место из Священного Писания, где жители Вавилона придумали строить башню до небес.

Он говорил вдохновенно, руками показывая высоту башни и вавилонскую суету вокруг нее, не обращая внимания на прохожих, которые уступали им дорогу по трем причинам зараз: буйный вид оратора, малоприятная рожа Скуса, а главное – репутация, которая влеклась за всеми архаровцами, как чересчур длинная епанча. Москва знала, что при наведении порядка эти господа церемоний не соблюдают и к галатонности не склонны.

– Ну так то ж оно и есть, – сказал Слес. – И смешение языков тут же. И вон дворец Пречистенский – чистое столпотворение. А на Ходынском лугу – тут и к бабке не ходи: столпов по всем кочкам понатыкано.

Ходынский луг был огромным пространством у Камер-Коллежского вала, весьма неровным, с оврагами и косогорами. Его большей частью занимали пахотные поля ямщиков Тверской слободы, хотя князь Волконский сильно желал устроить там место для летних военных лагерей. Именно неровность почвы и была удобна для устройства там народных увеселений в честь победы над турками – на горках могли стоять всевозможные храмы Славы, увитые лавровыми гирляндами, триумфальные ворота и прочие принадлежности торжества.

Торжество намечалось на десятое июля, и господин Баженов, сообразно личным указаниям государыни, строил на лугу нечто, в Европе до сих пор невиданное и неслыханное.

Он изображал на местности театр военных действий между Россией и Турцией, причем российские постройки имели то кремлевские зубцы, то купола-луковицы, турецкие же были снабжены минаретами. Низина была Черным морем, дорога – река Танаис, сиречь Дон, другая дорога – река Борисфен, сиречь Днепр. Там, где Дон впадал в Черное море, Баженов с Казаковым строили огромное здание столовой, которое уже носило название «Азов», в устье же Днепра ставили театр, именуемый «Кинбурн», таким образом географические подробности соблюдались почти безупречно. Холм посерединке меж ними был Крымском полуостров, с городами Керчью и Еникале. Посреди «моря» велено было ставить лодки и корабли, показывающие как бы морское сражение.

Все сие великолепие заранее уже внушало архаровцам великую неприязнь. Народные увеселения и гуляния – как раз такое место, где собираются шуры и мазурики всех мастей. Государыню, понятно, никто не обидит – а вот наутро после главного фейерверка и потянутся к Рязанскому подворью с «явочными» посланцы сильно огорченных господ: у которого золотую табакерку вытащили, у которого – кошелек, пока хозяин, разинув рот, любовался на огненные колеса и вензеля в небе.

У Всехсвятского храма Яшка-Слес простился с Устином и пошел к Марфе в Зарядье.

Он знал ее с детства – и был как-то нещадно дран за ухо при попытке, сблагодив ей краденые часы, у нее же стянуть со стола серебряную ложку. Теперь, когда сам он уже почти четыре года прослужил в полиции, а она не раз оказывала Архарову помощь в делах, оба про ту ложку вслух не вспоминали. Однако неприязнь осталась.

Пройдя через небольшой двор, Яшка заглянул в окно – догадаться, дома ли хозяйка, и увидел Марфин затылок, охваченный по-простому повязанным платком – узлом на лоб. Окно было приоткрыто, и он прекрасно слышал, что происходит в комнате.

Марфа была занята делом – перед ней за большим кухонным столом сидела зареванная молодая особа, судя по дородству – купчиха, а сводня колдовала над чашкой.

– Гляди, дура, вот я белок взбиваю... – и венчиком из ободранных прутьев она шустро вздымала пену, – и туда, в белок, лимонный сок лью, и туда же, да ты гляди, французской водки две ложки. Все это между собой перемешается... руки отведи!..

Яшка из любопытства вытянул шею и увидел красную физиономию гостыи.

– Вот салфетка, утрись! – командовала Марфа. – А теперь запрокинься, вот так...

И она стала мазать лицо снадобьем из чашки, приговаривая:

– И кто ж тебя, дурочку, по солнцепеку-то гонял? Нет чтобы в тенечке посидеть! Непременно тебе было под солнце подставиться. Этот вешний загар – самый опасный! Терпи! Дня за два твой загар сойдет, как не бывало, опять будешь беленькая. И запомни – средство еще от лишая хорошо.

Яшка присел на завалинку и подставил лицо под солнечные лучи. Он бы и не против был немного оживить физиономию румянцем, но кожа как была белой – так белой и оставалась,

на зависть иному шеголю, который изводит на деревенскую свою краснощекую образину фунт пудры, придавая ей томную бледность.

Наконец ему надоело слушать Марфину речь о тайнах женской красоты.

– Марфа Ивановна! – позвал он. – Тут тебе кавалер некоторый кланяется!

Марфа выглянула в окошко.

– Ах, это ты, Слес? Погоди, сейчас выйду.

Яшка не был столь подозрителен, как Архаров, и в нежелании Марфы пускать себя в дом углядел разве только то давнее воспоминание о серебряной ложке. Однако до сей поры она Слеса в дом впускала – и ничего... что же у нее там за сокровища, кроме обгорелой купчихи?..

Пока Марфа накидывала шаль и выходила на крыльцо, Яшка заглянул в окошко уже основательнее.

Купчиха, укутанная в пудромантель, сидела зажмурившись и запрокинувшись, чтобы снадобье не стекло с личика. А на столе, где могли бы лежать на виду сокровища, Яшка увидел ряд грязных кофейных чашек и блюдец, как будто Марфа угощала кофеем роту гвардейцев.

Сводня имела множество недостатков, но вот одно достоинство известно было всем соседям: она не терпела беспорядка и грязной посуды. Мало того, что чашки с блюдцами стояли немытые, – так еще Марфа не постыдилась явить свое неряшество госте. А ведь купчиха непременно разнесет, что старая сводня принимала ее в неприбранной кухне.

Стало быть, этой дуре Марфа не стесняется показывать грязную посуду, а полицейскому – не желает?

Следующий Яшкин вопрос был: да на кого ж это она извела столько кофея?

Дверь скрипнула, и Яшка-Слес стоял у крыльца раньше, чем она отворилась окончательно.

– С чем пожаловал? – спросила Марфа.

– Господин Архаров спросить велел, не слыхала ли чего...

И Яшка изложил историю о похищенном французском сервизе.

– Сам золотой, ручки красные? – переспросила Марфа. – С этим – не ко мне, это графьям и князьям предлагать станут.

– Господин Архаров велел спросить – я и спрашиваю. Ты во многие дома вхожа, глядишь, чего разведаешь, – уважительно сказал Яшка. – Кваском не угостишь ли?

Квасу ему не хотелось, а хотелось понять, что за кофепитие устроила Марфа и куда подевались ее многочисленные гости. Вряд ли немытая посуда стояла тут со вчерашнего вечера.

– Наташка! – крикнула Марфа, обернувшись. – Квасу ковш неси!

Девчонка вышла из сеней – и тут-то невозмутимая Яшкина рожа наконец ожила, рот приоткрылся.

Он не видел Наташку почитай что всю зиму – а она за это время так расцвела и похорошела, что любо-дорого посмотреть. Светлые волосы, гладенько зачесанные, отливали золотом. Густые ресницы на солнышке тоже были золотистыми, а уж глазищи... апрельское небо, да и только...

Было ей, по Яшкиному разумению, лет пятнадцать, однако детство Наташкино в Марфиных хоробах и не могло затянуться надолго: несомненно, старая сводня уже присматривала, кому повыгоднее продать эту юную красоту.

Выпив ковшик кваса и поблагодарив хозяек, Слес пошел прочь, размышляя, что дело он вроде сделал, а про кофейное угощение надобно будет спросить Клавароша. Может, там что-то вовсе невинное. Если же Марфа ему ничего не сказала – тогда доложить господину Архарову.

В полицейскую контору Яшка прибыл очень вовремя...

Минут за десять до его появления дверь архаровского кабинета приоткрылась.

– Что там еще? – спросил обер-полицмейстер. Он как раз был занят тяжким трудом – подписывал бумаги, которые подкладывал ему одну за другой старший канцелярист Патрикеев.

И ждал его еще документ, отчитываться за который предстояло самой государыне. Это был буквально на днях заверченный «План, прожектированный Москве-городу и предместьям». Еще осенью из Санкт-Петербурга пришло указание Екатерины Алексеевны – убрать валы и стены Белого города, пустое место разровнять и для красоты обсадить деревьями, а излишний щебень и землю употребить в пользу обывателей. Сейчас на столе уже лежало изображение большого бульвара с аллеями в два ряда деревьев, прерываемыми площадями у ворот Белого города. Площадей было девять – столько же, сколько упраздняемых ворот. Архарову хотелось посидеть над планом с карандашом в руке, поискать ошибок и прямых глупостей.

Не сразу, но появился Клашка Иванов. Какой-то не в меру смущенный.

– К вашей милости, коли изволите...

Обер-полицмейстер понял – стряслось нечто непредвиденное.

– А ну, заходи, да дверь, дурень, прикрой.

Клашка быстро исполнил приказ, но видно было, что ему сильно не по себе.

– Кого там бес принес?

– Сказался подрядчиком, ваша милость, и с женой...

– Ну так в чем загвоздка? В канцелярию его, пусть ему составят «явочную»... да что ты в пол уставишься? Копейку, что ли, ты тут потерял?

– Они вашу милость хотят видеть.

– А для чего им моя милость? – Архаров уж начинал сердиться. – Можешь ты внятно сказать?

– Они с жалобой пришли.

– На кого?

– На архаровцев.

Обер-полицмейстер задумался. Жалоб на подчиненных он слышал немало и старался в них особо не вникать. Однако хоть изредка следовало делать видимость, что к буянам принимаются строгие меры.

– Ну, проси.

Вошли не двое, как он полагал, а трое: мужчина в годах, его рыдающая супруга и девка лет двадцати, красная, как вареный рак, и с таким огромным брюхом, что обер-полицмейстер даже головой покачал. Всякое в этом кабинете случалось, но вот скоропостижных родов еще не было.

– Вашей милости архаровцы дочку мою обидели! – сразу приступил к делу мужчина. – Девка молодая, дура! Допустила, чтобы ей юбку задрали! Спрашивали – кто?! Молчит, дура!

– Прелестно, – сказал на это Архаров. – Может, кто-то другой потрудился во славу Божию?

– Архаровец, кто же еще! Соседи видали да нам сказали.

– Архаровец, стало быть...

– Простите, ваша милость... а только так оно и есть!.. Мы Курепкины, нас вся Якиманка знает! Сраму-то – ведром не вычерпать...

– А что ж, твоя девка не припомнит, с кем была? – резонно спросил обер-полицмейстер. – Ну-ка, сударыня, отвечай! Кто таков, как звать? Не бойся, тут тебя никто не обидит.

– Да я... – отвечала зареванная девка. – Да я раз только... раз один с ним... была!..

– До что ж ты у нас за дура! – в отчаянии воскликнул отец. – Ваша милость, девка молодая, ваш молодчик ее уговорил!

– Так сразу и уговорил? – Архаров глядел на девку с некоторым сомнением. – И не назвался?

– Да соврал, поди! Чтоб потом не сыскали! А дура моя молчит! Ваша милость, век буду Бога молить! Пусть он, подлец, покроет грех!

Архаров собирался было спокойно ответить, что грешили-то оба, но тут девкина мать бросилась на колени перед столом и заголосила, как на похоронах.

Это обер-полицмейстеру сильно не понравилось. Он встал и, обойдя вопленицу, подошел к возмущенному отцу.

– Рот ей заткни как-нибудь, – приказал он. – Не то всех отсюда в тычки выставлю.

Подрядчик, или кем уж он был, нагнулся над женой, встряхнул ее за плечи, взял под мышки и с некоторым трудом поставил на ноги. Одновременно он нашептал бабе в ухо чего-то такого, от чего она и впрямь замолчала.

– Коли это мои виноваты, я сей же час докопаюсь, – пообещал Архаров. – Клашка!

Обер-полицмейстер знал, что за дверью кабинета уже собралось целое общество, и Клашка в том числе.

Архаровец вошел, был взят за плечо цепкой обер-полицмейстерской рукой и развернут рожей к пострадавшей от Амура девке.

– Говори – этот?

Девка помотала головой.

Архаров хмыкнул – коли Клашка ни в чем не виновен, чего ж у него унылый вид, словно живот схватило? Была в этом деле некая неправильность, некая загадка. А он, встречаясь с загадками, любил найти самое диковинное решение.

– Пошли все на двор, – распорядился обер-полицмейстер. – Клашка, собрать всех, и из подвала тоже. И Шварца. И канцелярию. Всех – на двор, и построить в одну шеренгу.

Очень быстро приказ был выполнен. Как нарочно, в конторе и на дворе Рязанского подворья было довольно много архаровцев, подросел и Яшка-Скес, и шеренга вышла длинная. Архаров вышел, оглядел свое воинство и повернулся к жалобщикам. Он хотел приказать им, чтобы глядели внимательно и указали виновника пальцем. Но вдруг ему в голову пришло именно то, что превращало сию унылую процедуру в целое выдающееся событие.

– Ну что, орлы? Как девок еть – так вы тут, а как под венец – так в кусты? – спросил он. – Пусть тот, кто сие непотребство учинил, тут же из шеренги выйдет.

Архаровцы молчали, не двигались.

– Вдругорядь повторяю – кто девке брюхо набил, тот пусть выйдет из шеренги сам! Не дожидаясь, покуда розыск учиню! – грозно, пожалуй, даже избыточно грозно произнес обер-полицмейстер.

– Так, так, – прошептал стоящий слева от него подрядчик Курепкин.

И тут свершилось!

Не шепот – легчайшее подобие шепота полетело по шеренге. И вышел, сделав два огромных шага, Ваня Носатый.

– Прелестно, – сказал Архаров. – Немудрено, что ваша девка застеснялась... Ну что ж, других грехов за моим служителем нет, и коли вы не прочь...

– Да побойся Бога! – закричал подрядчик, а кому, Архарову или Ване, было непонятно. – Да чтоб с такой гадкой харей?! Да быть того не может!

Того, что случилось далее, Архаров никак не ожидал. Из шеренги вышел Шварц.

Он встал прямо перед обер-полицмейстером, изобразив на своей физиономии, в обычное время довольно скучной, окончательную отрешенность от мирских хлопот.

Не успели подрядчик с супругой недоуменно переглянуться, два шага вперед сделал Вакула.

Этот монах-расстрига из прошлой жизни взял в нынешнюю лишь огромную бороду, столь просторную, что только в две растопыренные ладони и мог ее огладить.

– Я что ж, ваша милость? – спросил он Архарова мощным басом и сам же ответил: – Как начальство, так и я. Филя, а ты что же?

Четвертым вышел повар Филя-Чкарь, также из мортусов, седой и с хорошо видными знаками на лице.

Пятым выскочил Захар Иванов, еле удерживая хохот.

Шестым – степенный Тимофей Арсеньев.

Седьмым – Федька Савин, а далее уж было не понять, кто за кем.

От всей шеренги остались только Никишка и старик Дементьев.

Маленький Никишка толком не понял, что тут творится, понял лишь, что от старших что-то важное требуется. Обнаружив себя на краю несуществующей шеренги совсем одного, он забежал впереди всех и встал перед Архаровым очень довольный, что выполнил приказание.

Старик же Дементьев плюнул и без обер-полицмейстерского позволения пошел прочь.

– Ну, братец, выходит, все разом твою девку обидели, – сказал Архаров обалдевшему подрядчику. – Лучше бы ты за ней смотрел – и не было бы срама. Ступай-ка ты подбру-поздорову, да и с девкой своей вместе. Недосуг нам с ней разбираться...

Когда незадачливые посетители убралась со двора, обер-полицмейстер, проводив их взглядом, повернулся – и увидел шеренгу своих архаровцев.

– Ну, что встали? Делать нечего? Пошли вон, пока на дробь не напросились! – прикрикнул он на свое воинство.

И точно – каждый сам знал, где ему быть, у Пречистенского дворца ли нести службу, в Коломенское ли ехать, где для государыни приводили в порядок старинные апартаменты, с десятскими ли в обход города...

Минуты не прошло – на дворе стояли только Архаров и Шварц.

– Ну, Карл Иванович, потешил! – сказал Архаров. – Уж от кого, от кого, но от тебя не ожидал.

– Обвинение было высказано всем архаровцам, – ответил немец, – а поскольку я уж который год являюсь оным, то и полагаю, что ко мне оно тоже относится. Поскольку мы, архаровцы, связаны круговой порукой, то я счел себя вправе ответить один за всех, зная, что мне ваше неудовольствие менее, чем прочим, угрожает.

– И выходил бы тогда первый.

– Я не мог предвидеть, что Ваня опередит меня.

– Вот дуралей, – сказал, имея в виду Ваню Носатого, Архаров. – А коли бы вы все меня не насмешили? Он бы за всех и отдувался.

– Ваша милость, Николай Петрович, а он бы с той девкой охотно под венец пошел. Девка с прибылью, так и он не купидон.

– Ну да, ну да... Честную ему не отдадут, а эту... – пробормотал Архаров. – Прелестно... Жених нашелся на мою голову...

Слово «жених» почему-то вызвало из памяти лицо и речь княгини Волконской.

– И его расчет по-своему верен, – продолжал немец. – Через неделю у нас Пасха, затем в течении Светлой седмицы не венчают. А девка уже на сносях. И широкой зимней одеждой она свое состояние прикрывать не может. Когда бы родители были несколько умнее, они бы нешуточно подумали над Ваниным предложением.

– Больно им нужен безносый зять...

– Безносый, зато венчанный. А так они имеют повреждение репутации и внука от неизвестного отца.

– Отчего ж неизвестного? Внук у них наш, архаровский... Странно, а я на Клашку было погрешил... Скажи, Карл Иванович, молодцам – сейчас докапываться недосуг, а пусть бы тот, кто потрудился, сам бы и прикрыл грех как-нибудь втихомолку. Вдругорядь спасти не стану.

Архаров действительно был стеснен во времени. На вечер он наметил малоприятное занятие – а точнее, его ввергла в хлопоты княгиня Волконская:

– Государыня после Пасхи примется визиты наносить, ну как и к тебе нагрянет, Николай Петрович? Неужто тут ее принимать?

– Не нагрянет, – отвечал обер-полицмейстер. – Я ей не по нраву пришелся.

Он это знал доподлинно. И по лицу прочитал, и путем несложных расчетов вывел. Архаров своим полковничьим званием и должностью был обязан Григорию Орлову, а он утратил былой фавор, да и все братья Орловы оказались вдруг не у дел, кроме разве что Алехана. Зато резво шел в гору другой Григорий – одноглазый богатырь, имевший не менее причуд, чем его предшественник, но не в пример более бойкий умом и сообразительностью. Вряд ли хвалит государыне тех, кому покровительствовали Орловы, а наоборот – вернее всего!

– А ты, Николай Петрович, государыни не знаешь. Она ниже своего достоинства ставит пренебрежение теми, кто ей честно служит, да не по душе пришелся. Нарочно возьмет и приедет – ради справедливости. И что? В кабинет свой ее приведешь, что ли? Тебе не для того жалование большое платят, чтобы ты дом свой содержал бедно!

Архаров покивал – служил он честно.

Чуть ли не в первые дни после приезда государыни стряслась беда – в храме Варвары-великомученицы, что на улице Варварке, были в одну ночь похищены едва ли не все утвари, сосуды и оклады. Екатерина Алексеевна сильно огорчилась – тут, собственно, и произошла первая встреча царицы с московским обер-полицмейстером. Он получил приказание непременно сыскать воров и уверил государыню, что все будет исполнено. Демка тут же был отряжен к ведомым шурам – Архаров уже довольно знал свое ремесло, чтобы определить след не случайного пьяницы, вломившегося в храм и похватавшего, что под руку подвернулось, но человека бывалого и знавшего, что тут самое ценное. Но едва ль не на следующий день десятские доставили в полицейскую контору какого-то жалкого отставного солдата, признавшегося в сем преступлении.

Его привели в кабинет, он рухнул на колени, и обер-полицмейстер, едва глянув в лицо, сказал сердито:

– Врешь. Не походишь ты на вора.

– Грешен, бес попутал, – был ответ.

В кабинет привели десятских, которые его взяли, и они побожились, что следы на свежесвыпавшем снегу, замеченные у храма наутро после кражи, доподлинно принадлежат солдату.

Архаров велел доставить хозяина, у которого жил солдат, снимая какой-то темный чуланчик. Хозяин прибыл перепуганный, но вредить жильцу не пожелал. Сказал, что солдат – нрава тихого, ежедневно ходит к заутрене и к ранней обедне. То бишь, удаляется из дому затемно, и никто тому не удивляется. И в ночь покражи – соответственно.

А тут еще и следы – его...

– Кого ты боишься? – прямо спросил солдата Архаров.

Ответа не получил.

– Ты видел, кто в церковь вломился?

И тут ответа не было.

– Хорошо, растолкуй мне, как ты в храм забрался, чем замок открыл.

Солдат словно бы не слышал.

Обер-полицмейстер бился с ним часа два, не меньше. Наконец приказал архаровцам взять этого дурака – и идти туда, где он спрятал похищенное, коли не покажет – в подвал его, к Шварцу! Солдат, простоявший все время дознания на коленях, молча встал, поплелся, подгоняемый тычками, к двери – и тут Архаров обратил внимание, что старик прихрамывает.

Природное любопытство погнало его на двор, где он устроил целое представление: солдата водили по снегу скорой и медленной походкой, Сергей Ушаков, схожий с ним комплекцией, ходил рядом, затем все вместе сравнивали отпечатки хромых и здоровых ног. Сошлись на том, что хромизну определить можно – коли вглядеться внимательно. Десятские, поймав-

шие вора по следу, были снова вызваны к Архарову, вместе с ним вышли во двор, где Никишка охранял отпечатки, и тут же увидели свою ошибку.

Князь Волконский, немного беспокоясь за подчиненного, приехал в палаты Рязанского подворья вовремя – извозившийся в снегу обер-полицмейстер выпроваживал солдата, ругая его в хвост и в гриву.

– Страдалец сыскался! Господь его за грехи испытывает! Еще чего мне тут нагородишь? Михайла Никитич, что прикажешь с этим народом делать? Кабы не сразу ко мне привели – у Шварца бы ему уже всю спину ободрали.

– А с чего он на себя наклепал?

– А сдуру. Думал – коли повинится, его более допрашивать не станут. Это все черная душа с его злодейской репутацией. Полдня на дурня потратили. Хорошо, Шварц случайно рядом оказался – тут все и объявилось.

– До того народ твоего немца боится, что на каторгу готов идти – лишь бы не к нему в подвал? До государыни бы не дошло...

Архаров не придал этим словам внимания. Важнее было отыскать покражу. И пущенные по следу Тимофей с Демкой довольно скоро добрались до подлинного вора, имевшего, как на грех, весьма похожие по размеру и скосу каблуков сапоги.

Когда Архаров лично доложил о поимке вора и отыскании церковного имущества, государыня изволила поблагодарить за скорость и рвение. Он, не умея разговаривать со столь высокими особами, молча поклонился. И не вовремя глянул, выпрямляясь, в лицо царицы. Прекрасные синие глаза смотрели холодно – чем-то он все же не угодил, чем-то был неприятен. И уже ничего не значила любезность – государыня быстро глянула себе под ноги, словно подбирая с пола нужные слова, и Архаров увидел притворство так же ясно, как если бы играл роль размалеванный гаер в балагане.

О том, что Екатерина Алексеевна еще не пришла в себя толком после дороги, что ей плохо спалось в сыром дворце, что с утра она хотела поесть, да крошки в рот взять не смогла, что второй уж день переговаривалась с милым другом исключительно записочками, Архаров не знал – и по вечной своей подозрительности отнес недовольство женщины исключительно к своей персоне.

Так что визита государыни ждать не приходилось. Да и при мысли о перестановках в доме Архаров весьма недовольно хмыкал.

В конце концов, отставив всякую деликатность, княгиня Елизавета Васильевна сделала ему выговор: его хоромы сделались похожи на кремлевские кладовые, набитые рухлядью времен царя Алексея Михайловича. Особенно ей при последнем гостевании не понравилось старое бюро, понизу расписанное большими голыми нимфами. Потому еще в феврале велела вызвать на Пречистенку мебельщика, да и сама обещалась приехать, чтобы объяснить мебельщику положение дел.

Архаров сильно не хотел этой встречи и всячески ее оттягивал. Княгиня прислала записочку, в коей была приписка князя: стыдно-де кавалеру упрямитесь перед дамой! Шутки шутками, а приходилось отложить все дела и заниматься мебелировкой.

Тонкого артистического чутья Архаров не имел вовсе. Он даже был уверен, что обер-полицмейстеру оно по должности не полагается. Положить на кафтан галуна пошире – вот и красота, какой еще надобно?

Зато подходящего мебельщика Архаров знал – это был купец с Ильинки, кое-чем ему обязанный. Сие предполагало, что купец не станет набивать цену. Однако Архаров понимал, что ему постараются навязать вещей, в коих он сроду не нуждался. И потому он, отвечая на записочку, нижайше просил ее сиятельство помочь советом при обустройстве дома. Она дама светская, у нее в гостиной от новомодных столиков не протиснуться, и картины также ею подобраны, вот бы и научила уму-разуму, чем нотации читать.

Осталось только свести их вместе – да присмотреть, чтобы не слишком много денег ушло на эту блажь.

Княгиня именно этот вечер назначила для визита, и Архаров, не став разбираться с Клашкой, поехал на Пречистенку. По дороге заехал на Никольскую взять у модного московского кондитера Апре, недавно поселившегося там в доме генерал-майора Ржевского, разного рода десертов, бисквитов, конфектов и драже. Еще с утра он отправил Никодимку за марципанами – немец-булочник, коему протезировал Шварц, не ленился растирать миндаль с сахарной пудрой столь тонко, что изготовленные им овечки были чудо как хороши и сохраняли вид на блюде вплоть до попадания в рот едока. Марципаны были лакомством постным – их, поди, и сама государыня, свято соблюдавшая посты, сейчас ела.

– А не угодно ли макарон? – спросил мусью Апре. И даже пообещал дать на пробу без платы, просто так, ради столь почтенного покупателя.

Архаров прежде слыхивал про новомодное лакомство и велел показать. Макароны его смутили – он не мог понять, каким образом получается эта трубочка. Но и француз объяснить не умел – сей товар он получал из Милана. Сказал только, как отваривать и употреблять, посыпав тертым сыром пармезаном. Архаров из любопытства действительно взял фунт на пробу.

Прибыв домой, обер-полицмейстер велел Меркурию Ивановичу одеться понаряднее и присмотреть, чтобы никто из дворни не мельтешил в драных чулках и не слонялся без дела. Сам отправился в кабинет и сел ждать. От скуки велел Саше почитать что-нибудь, и тот выбрал было Лафонтеновы басни, но Архаров был мало склонен к изучению французского языка. Тогда Саша принес «Сказки в стихах Александры Аблесимова» и стал читать оттуда занимательные истории.

Наконец в дверь постучал и заглянул камердинер.

– К вашим милостям мебельщик, – доложил Никодимка.

– Будь ты неладен... Проси.

Купец, одетый для такого случая во французское платье, вошел и поклонился. Архаров велел ему сесть, и тут уж они оба принялись ждать ее сиятельство.

Как выяснилось, княгиня не совсем верно поняла его просьбу. Архаров с мебельщиком уже успели потолковать и о петербургских новостях, и о местных, и даже порядком наскучить друг другу – а ее сиятельство все не появлялись. Наконец прибежал Никодимка, доложил – по Пречистенке катит княжеский экипаж. Архаров встал и, оставив купца в кабинете, пошел вниз – встречать дорогую гостью.

– Николай Петрович, со всем двором опричь хором! – сказала княгиня, округлым жестом представляя ему свою свиту. Она привезла княжну Анну Михайловну, Вареньку Пухову, компаньонку-француженку мадам Тюрго, русскую компаньонку дворянку Кротову, девчонку для мелких услуг и двух мосек. Француженка имела при себе папку с гравюрами, которые княгиня непременно желала показать обер-полицмейстеру. Но по тому, как она показывала полнейшую свою беззаботность и безмятежную радость от встречи, Архаров видел – не только гравюры, принаряженную Вареньку ей тоже охота показать.

Особняк тут же показался Архарову тесным для этих широких юбок, ярких развевающихся накидок, чепцов и наколок с летящими лентами, мельтешащих вееров, звонких женских голосов. А вот купец, выйдя навстречу, тут же расцвел, как майская роза. Ему явно нравилось беседовать с дамами, слушать их веселые глупости, заставляя себя упрасивать, говорить им те дешевые и пошлые пустячки, от которых они смеются, даже быют шутника сложенными веером по пальцам, однако беседы не прерывают.

Наконец расположились в гостиной, и туда же Никодимка принес столики для сладостей, а сам был послан варить кофей. Помещение и впрямь имело пока что жалкий вид.

– Что нам потребно для гостиной? – спросила княгиня и сама же ответила: – Гарнитур! Стульев с дюжину, кресел с полдюжины, два больших канапе, экран для камина, ширмы, сто-

лов, пожалуй, пять – большой карточный, ломберный, кофейных два, рабочий столик – коли приедут дамы со своим рукоделием...

– Записывай, сударь, – приказал мебельщику Архаров.

– Стулья в гостиную могу предложить а-ля рен, легкие, дамам нравятся, – тут же вступил в беседу купец. – А также есть стулья основательные, для столовой и для господ, что в карты играть изволят, им подолгу сидеть, так что те стулья и поширше... обивка хорошая, тканая купонами, с греческим узором в медальоне, есть с вазами, в вазах букеты – от живых не отличишь.

– Николай Петрович, не все ж тебе бобылем жить, женишься, к женке дамы станут с визитами приезжать – бери стулья а-ля рен, – немедленно подхватила княгиня. – И им подстать креслица а-ля кабриолет... ты что, Анюта?

– Зачем кабриолет, когда у всех бержер? – спросила княжна. – У бержер-кресла подлокотники тоже обтянуты, не только спинка, и это куда приятнее, чем руку на дерево класть...

– Ну и засалится твой бержер, ахнуть не успеешь – засалится! Руки-то у всех в пудре и в помаде, – возразила княгиня. – Это лишь мы с Варенькой ничем не мажемся, а нынче даже щеголи берут притирания, чтобы кожа мягче была.

Архаров прямо наслаждался тем, как ловко княгиня преподносит ему невесту. Однако и мебельную задачу следовало решать.

– Мадам Тюрго, достаньте гравюры, – попросила Анна Михайловна. – Николай Петрович, полюбуйте, вот оно, кресло-бержер, а вот табурет. Он может стоять у стены, для девиц, а может быть приставлен вот так – и образуется лонгшез, на коем можно полулежать...

Варенька рассеянно перебирала гравюры. Казалось, она не слышала беседы. Мебельщик, вытягивая шею, глядел на картинки и на княгиню с восторгом.

– Ну, душа моя, неужто в гостиной у Николая Петровича дамы будут спать укладываться? – возразила Елизавета Васильевна. – Это для дамской гостиной хорошо, опять же – чем менее обивки, тем менее страха, что ее засыпят табаком... нет, вот сюда взгляните, сударь... вот что будет у вас стоять вдоль стен! Кресла-маркизы! Спинка невысокая, не выше подлокотников, и никакой вертопрах, никакая вертопрашка эту спинку пудрой с волос не измажет. Теперь волосья день ото дня все выше всчесывают и посыпают жирной пудрой... а маркизы, кстати, довольно широки, чтобы там поместиться и в самой модной юбке, ведь и юбки шьют все шире, как только в дверь проходить? Не так ли?

Вопрос был обращен к купцу.

– Ваше сиятельство, могу предложить маркизы наилучшие, в лавке моей стоят, и к ним подушки пуховые, а также кресла для игального стола, весьма удобные, новомодные, и черного дерева, и красного дерева, – тут же принялся он расхваливать товар. – На картинке не видно, а мы знаем, которое дерево на что идет. И рисунок поставим самый модный – из лавровых веток плетение, бараньи головы, розеты, пальметы, вьюнок.

– Бараньи головы? – переспросил Архаров.

– Накладочки бронзовые, извольте видеть, какая же новомодная мебель без бронз? – с неподдельным изумлением осведомился купец. – Из Франции рисунки везут, наши мастера льют, не хуже выходит, чем мебели у французской королевы. А то еще делают с фарфоровыми расписными плакетками, с медальонами, так то более для дамских комнат. Для гостиной и для кабинета господина Архарова нужны бронзы самые изрядные, чтобы одно к одному, на единый лад, – и накладочки, и канделябры, и люстры, и вазы, и часы, и курильницы...

Архаров подумал, что эти бронзы на единый лад влетят ему в немалую копеечку.

– Люстры надобны венецианские, легкие, – тут же решила Елизавета Васильевна, – все пять... а что, Николай Петрович, не хочешь ли обставить и малую гостиную?

– Туда – фонари! – тут же отозвалась княжна. – Как у меня, большие, и оправа из золоченой бронзы, Николай Петрович, модно, и сквозняк свеч не гасит, и воск куда попало с них не летит!

– Да, Анюта права, а для большей тонкости следует купить французские бронзы с матовой позолотой, – решила княгиня. – Что, любезный, сыщется у тебя?

– Для вашего сиятельства есть бронзы от самого господина Гутьера, – блеснул знаниями несколько обиженный купец – дама заподозрила его в том, что он не разбирался в товаре. – Теперь многие продают золоченую бронзу от Гутьера, да только врут, а у меня – подлинный, и бронзы от Томира у меня также имеются.

Архаров отвлекся – он ничего в этих позолотах не понимал, он только знал, что парадные комнаты должны быть достойны его чина.

Его беспокоил иной вопрос.

Государыня в Москве с января. Она внимательно наблюдала за следствием по пугачевскому делу и, несомненно, знала про затеи князя Горелова. О том, что после всех приключений девицу Пухову забрал к себе князь Волконский, она тоже знала. С князем была хороша, звала его и княгиню с княжной к себе на малые приемы, а о девице Пуховой не было сказано ни слова. По крайней мере, так понял Архаров. И теперь, глядя, как Варенька перекладывает листы гравюр, подумал: а что, коли слово было сказано? Что, коли этот визит – по приказу государыни? Ведь и дураку понятно – девицу Пухову, кем бы она ни была, надобно либо запереть в такую обитель, откуда она уж вовеки не выйдет, либо отдать замуж за человека благонадежного и умеющего охранить ее от всевозможных авантюристов. Сам он полагал себя таким человеком, но обхождение государыни с ним этому домыслу противоречило. Впрочем, обхождение могло быть испытанием, государыня ловка...

Когда вспомнился князь Горелов, это имя потянуло за собой другое – Михайла Ховрин.

Неудачная попытка Ваньки Каина выручить из беды старых дружков оказалась для Мишеля спасительной – он не был схвачен с оружием в руке, как князь Горелов, не был пойман идущими по следу полицейскими, как Брокдорф. Однако долго ли он будет отсиживаться в какой-то одному Богу ведомой заволжской деревне? Да и жив ли? Ведь был совсем плох...

И третье имя выплыло в памяти, тем более, что Варенька так держала рука над листами, словно то были не гравюры, а клавиши.

Она чем-то смахивала на Терезу Виллье, самую малость, хотя черты лица Терезы были менее округлы, даже, правду сказать, жестковаты, особенно упрямый, выдающийся вперед узкий подбородок. И даже если им было бы впору одно и то же шнурование, то Вареньке – благодаря ее болезненной хрупкости, а Терезе – потому, что сухое от природы сложение, наследство предков, которые, скорее всего, были бретонскими крестьянами, было необходимым условием стойкости и силы. Опять же, обе темноволосы, но мягкие Варенькины локоны не шли в сравнение с жесткой курчавой гривой Терезы, черной, как вороново крыло.

Архаров глядел на девушку, вполуха слушая рассуждения княгини о мебели, шпалерах, коврах и бронзах, а сам впервые думал о Терезе спокойно, не гоня воспоминаний. И сам себя оправдывал тем, что всего лишь сравнивает. И сам себе толковал, что в Вареньке он, коли будет угодно Богу, найдет все лучшее, что померещилось ему в Терезе. Коли будет угодно Богу и государыне...

– А есть ли у тебя, сударь, кровати? – спросила княгиня. – Мы Анюту отдаем, приданое собираем, хочу спальню ей обставить так, чтобы все кумушки наши ахнули. Чтобы одна такая спальня на всю Москву была.

– Да ваше сиятельство! Коли угодно! Есть кровати дюшес – рама для балдахина резная, к потолку привинчивается, да изголовье резное. Есть турецкая кровать, есть польская – у той рама для балдахина округлая... Да прикажите! Хоть сами нарисуйте – у меня и столяры, и резчики толковые, поймут. А ткани на балдахины у меня из самой Франции.

– Уж точно ли из Франции?

– С фабрик господина Оберкамфа, ваше сиятельство, – достойно отвечал купец. – Славный французский промышленник, у него ткнут и муслины, и перкали на дамские платья, и ткани для занавесей, на балдахины, стены обивать. А коли угодно, могу поставить немецкие ткани из Гамбурга, мы их часто выписываем. Коли позволите, я вам, ваше сиятельство, на дом образцы с сидельцем пришлю.

– Изволь, пришли.

Тут явился Никодимка с кофеем – а варил он этот напиток так, что аромат шел по всем трем этажам особняка. Девицы тут же оказали честь лакомствам, и Архаров подумал было, что более ему никаких трат не присоветуют. Однако ошибся.

– Посуда! – воскликнула княжна. – Главное-то и забыли!

– Да, сударь, твое серебро в переплавку давно пора, – согласилась Елизавета Васильевна. – Новое будешь покупать – возьми мое за образец. Когда государыня для господина Орлова сервиз во Франции заказала, мы все смотреть ходили и Анюта даже зарисовала немало. Так там – сплошь лавровые гирлянды, никакой вычурности, многие даже полагали, будто сервиз чересчур прост. А я взяла да и заказала себе почти такой же. Славно твой человек кофе варит, я пришлю нашего кофешенка к нему поучиться. Не откажи, Николай Петрович!

– С радостью, ваше сиятельство, – сказал Архаров, глядя, как Варенька точными движениями выбирает с блюда полюбившиеся ей драже.

Они почти не говорили друг с другом, но он заметил – девушка приглядывается к дому.

Княгиня поднялась с канапе, всем видом показывая, что пора собираться домой.

– Маман, еще картины! – вспомнила княжна. – Что за гостиные без картин? Да и в кабинет...

– И точно. Николай Петрович, – сказала княгиня, увлекая его с собой к окну весьма решительно – взяв под локоть. – Насчет картин-то...

Тут она понизила голос, чтобы не услышали девицы.

– Поезжай к отставному сенатору Захарову, он продает... метрессу, вишь, содержать не на что... а картины изрядные, я видала.

Княгиня стала перечислять художников, чьи имена Архарову ровно ничего не говорили. Он слушал, не перебивая, и словно примерял в это время на себя обстоятельство: вот он возвращается домой после трудного дня, и молодая очаровательная женщина, имеющая полное право распоряжаться его кошельком, радостно рассказывает про картины, про серебро, про нарядные ткани, про театральные премьеры, про драгоценности, про цветы, он же, ведомый ею, стряхивает с себя свои заботы и входит в ее уютный мирок, где все красиво и изящно, где нет иного закона, кроме закона красоты...

Это ему самому показалось странным – но почему бы и нет? Не могут же помешать службе эти самые кресла-бержер и кресла-маркизы? Да и долго ли жить в холостяцком раю, устроенном Меркурием Ивановичем в меру его понимания, то бишь – без излишеств?

– Я, ваше сиятельство, ровно ничего не смыслю в живописи, – пробормотал Архаров.

– Николай Петрович, вы прямо заволжский помещик, изящных искусств не признаете. Когда к родне такой гостенек приезжает, мы уж в ту неделю слона смотреть не ходим! – воскликнула бойкая Анна Михайловна. Обе компаньонки и Варенька рассмеялись.

– Да, я таков, – невозмутимо отвечал обер-полицмейстер.

Он наконец встретил Варенькин взгляд.

Таковыми взглядами Архаров не был избалован. Он знал, как глядят матушки готовых под венец дочек, знал, как глядят сами дочери, знал пустые глаза дешевых петербургских девок, предлагающих себя под крылышком у своден... Дунькиных глаз почему-то вспоминать сейчас не пожелал... Знал светски любезный взгляд дам высокого полета, вроде княгини Волконской, которая, видимо, переняла его у государыни вместе с деликатной полуулыбкой...

Но никогда еще красивая женщина не смотрела ему в глаза с такой искренней симпатией. Он уловил бы тончайший оттенок фальши, но оттенка не было – Варенька, простая и пылкая душа, действительно рада была показать обер-полицмейстеру свою благосклонность.

Архаров поступил единственно возможным для него образом – даже не улыбнулся в ответ. Только дважды едва заметно кивнул – не столько Вареньке, сколько самому себе он предназначал сие выражение глубокого удовлетворения.

Дамы уехали. Архаров, проводив их до экипажа вместе с домоправителем, пошел обратно в гостиную, где остался ждать его купец.

– Меркурий Иванович, возьми Потапа, поезжай по модным лавкам, наберите там серебряной посуды, чтобы не стыдно было на стол взгромоздить, – распорядился Архаров, поднимаясь по лестнице. – Сообразите вместе, сколько чего надобно. Да только не слишком усердствуйте, я не господин Потемкин, полтысячи человек за стол сажать не собираюсь. Сперва же отправляйтесь к его сиятельству, ее сиятельство обещали снабдить модными картинками и показать свою посуду.

Купец, увидев в дверях обер-полицмейстера, живо встал со стула и поклонился на русский лад – в пояс.

– Должник ваш, батюшка, – сказал он. – Теперь-то мне подфортунило, сами их сиятельства... да еще государыня, пошли ей Бог здоровья... видел бы покойник-батя, куда сынок залетел...

– А ты вот скинь четверть цены – и не будешь должником, – отвечал Архаров.

– А поторгуюсь! – немедленно нашелся купец. – Без торговли никак нельзя. И еще, ваша милость, присоветовать хочу...

– Что?

– Коли к вам гости будут приезжать, да и дамы тоже...

– Ну?

– Так дама – она ведь как устроена? – загадочно спросил купец. – Так же точно, как простая баба. И ест, и пьет... и, стало быть... извергает...

Архаров задумался.

У него самого на сей предмет имелось в гардеробной за ширмами кресло с дыркой, а что делалось дальше с ночной вазой – это не хозяйская печаль. Для дворни были нужники на свежем воздухе, хорошие нужники, просторные и чистые.

Однако купец прав – дам водить в свою спальню к креслу как-то нелепо.

– И что же? – спросил обер-полицмейстер.

– У меня мастера на примете есть, артелью трудятся. Сам дома конурку сделал велел, семейство не на радуется, печка у меня там, супруга курильницу поставила. Ваша милость, ей-Богу, приезжайте! Стол велю накрыть – таких разносолов вам у их сиятельства князя Волконского не подадут!

– Почему ты знаешь?

– А вижу. Их сиятельство – дама светская, кофей с сахаром пьет, пряниками заедает. А моя Фетинья Марковна с утра как заберется на поварню, сама во все входит, все наизусть помнит – как печь, как томить. Впору записывать за ней – начнет рассказывать, как красные блины заводить, право слово, заслушаешься и слюнки потекут. Приезжайте обедать, ваша милость, а она расстарается! Вот прямо на Пасху!

– Приеду, – подумав, сказал Архаров. Хорошую простую еду он уважал. А к французской кухне питал недоверие после того прискорбного случая, как еще в Санкт-Петербурге объелся вкусной, но невероятно жирной гусиной печенки.

Опять же, на Пасху не только можно, но и полагается баловать свой желудок.

Стоило подумать о французской печенке – тут же снизу явился Никодимка, доложил о приходе Клавароша.

– Посади его в людской, вели, чтобы ужин там для нас накрыли, – распорядился Архаров. – Сейчас и я спущусь.

Сделано это было не только потому, что Архаров любил ужинать попросту, но в обществе, пусть даже с дворней, а и для купца – пусть видит, что обер-полицмейстер живет без затей, постной кашей из общего котла не брезгует. Опять же, в купеческих домах общий стол для хозяев и прислуги – обычное дело, тем более, что служит в доме зачастую небогатая родня, мужчины – в надежде, что возьмут в дело, девицы и вдовы – рассчитывая, что выдадут замуж. Устраивать брачные союзы между подопечными было любимым развлечением богатых купчих.

Купец, повторив свое приглашение, откланялся, а Архаров пошел ужинать, хотя после марципанов, которые он, не удержавшись, грыз вместе с девицами под кофей, не очень-то хотелось.

Француз сидел за столом и, глядя на полную миску горячих грибных ушек, тосковал – правила приличия не позволяли приступить к трапезе без хозяина дома.

– Ну, докладывай, – распорядился Архаров, садясь напротив и подвигая к себе точно такую же миску.

– Я, ваша милость, видел подозрительных особ.

– Сотню? Или две?

– Сотнями их числить начнем ближе к лету... ближе к празднику.

Перед Клаварошем была поставлена занятная задача. Вслед за государыней в Москву из Санкт-Петербурга притащилось немало семейств вместе с детьми, от новорожденных до недорослей, по коим армейские полки плачут. Стало быть, каждая приличная семья имела среди домочадцев и гувернера, и гувернантку, да еще везла с собой учителей – танцевального, рисовального, музыкального, особенно если имела девиц на выданье. Клаварош лучше, чем кто-либо, знал, из кого вербуются сии наставники юношества: сам он стал гувернером, не сумев заработать в России на жизнь ремеслом кучера, а многие прежде, чем им были вверены дворянские отпрыски, служили в лакеях. Но это бы еще полбеды – может же честный лакей, набравшись ума, начать успешно обучать грамматике. Худо было другое – в России большинство этих педагогов оказалось, спасаясь от французского правосудия. Как, кстати, и сам Клаварош.

Уже с января он начал тратить казенные деньки на выпивку с земляками. Представляясь им кучером, ищущим работу, он довольно скоро выпытывал у каждого, откуда и по какой причине его занесло в Россию. А поскольку он умел говорить с мошенниками на их языке, то и узнавал немало любопытного. Все свои сведения он приносил в канцелярию, где их под его диктовку записывали по-русски. Потом листки складывали в особую папку, и Архаров уже как-то, пораженный ее толщиной, пообещал отправить сии сокровища прямым путем в Париж к де Сартену – пусть приезжает и забирает своих мазуриков согласно описи.

– Ну так что же за особы? – собрав в ложку побольше ушек, спросил Архаров и уже раскрыл рот пошире, но ушки шлепнулись мимо миски на стол, когда он услышал имя:

– Де Берни.

Архаров отпихнул Никодимку, кинувшегося прибираться барское свинячество.

– Ты видел его?

– Да, ваша милость, видел. Господин де Берни – пожилой человек почтенной внешности, обучает французскому языку, математике и рисованию детей отставного гвардейского полковника Шитова. Взят с хорошими рекомендациями.

– Ни хрена себе совпадение...

– Ваша милость, я узнавал – взят осенью семьдесят третьего года. Где был до того – известно лишь с его слов.

– Прелестно... вот подарок...

Такие подарки падают с небес крайне редко – во всяком случае, Архаров не мог надеяться, что шулер-француз, исхитрившийся сбежать, когда архаровцы взяли притон в Кожевниках, вдруг заявится в Москву в виде домашнего учителя, да еще открыто, не скрываясь!

Обер-полицмейстер задумался. Клаварош неторопливо отправлял в рот грибные ушки. Он вместе со всей Москвой соблюдал православный пост, хотя и без особой радости.

– Вот что, Клаварош... ты его пока не трогай...

Собственно, Архаров имел в виду, что надобно первым делом изучить все бумаги домашнего учителя, но проделать сие как можно более деликатно. Следовало кого-то подослать к отставному полковнику Шитову, придумав предлог для изъятия бумаг – но такой, чтобы не спугнуть господина де Берни. И даже убедившись в том, что именно его упустили той бурной ночью, не хватать и тащить в нижний подвал к Шварцу, а еще несколько времени понаблюдать. Ибо де Берни мог заявиться в Москву с сообщниками, и днем, к примеру, учить дитя четырьмя действиями арифметическим, ночью же проделывать карточные кундштюки и обчищать простаков.

– Велите поставить наружное наблюдение, ваша милость.

– Завтра же. Ешь, мусью, заработал...

Клаварош понес ко рту ложку с грибными ушками, умственно считая дни до завершения Великого поста. Ему уже не на шутку хотелось ну хоть жареной курицы. Архарову, кстати, тоже, но в его доме пост соблюдали из двух соображений: во-первых, чиновник столь высокого ранга был обязан показывать свою приверженность вере, во-вторых, ради дворни, которой строгий порядок необходим, иначе начнутся разброд и шатание.

А оставалось и впрямь совсем немного...

Но еще до Пасхи, когда мебельщик уже привез и стулья а-ля рен, и кресла для игрального стола, выяснилось, что государыня действительно недолюбливает московского обер-полицмейстера. Явилось сие в день ее рождения. Архаров был по долгу службы в Кремлевском дворце, где решено было справлять торжество и устроить большой прием, и глядел издали, как Екатерина Алексеевна в нарядном платье, спереди весьма похожем на простонародный сарафан, хотя и из богатой ткани, принимала поздравителей и сама в честь праздника делала близким людям подарки.

Неподалеку от нее стоят Григорий Второй – соблюдая приличное расстояние.

Этот человек, явившись в качестве фаворита, вызвал некоторое смятение при дворе – недоумевали, неужто не нашлось никого приятнее сей ужасной образины? В тридцать пять лет господин Потемкин утратил стройность, обрел грузность, лицо его огрубело, красоты себе придать он и не пытался – волосы пудрил редко, на выбитый глаз повязку надевал не каждый день. Да и от дурной привычки не отстал – вон государыня принимает поздравления от знатных особ, а он знай грызет ногти, да как еще – иступленно, яростно, до крови.

Рядом с Потемкиным Архаров увидел человека, которого с легкой руки господина Фонвизина, секретаря графа Панина, втихомолку звали шпынем. Не шутком либо гаером, как полагается звать такого рода господ, увеселяющих публику, а на старый русский лад – шпынем. Обер-штальмейстер Лев Нарышкин уже более двадцати лет был любимцем государыни и умел ее развлечь при любой хандре. Способов к тому он имел несколько.

Прежде всего, государыня любила, когда Нарышкин принимался толковать о политике. На третьей либо четвертой минуте, слыша, как перекроена Европа на новый лад, она обыкновенно начинала смеяться. Затем – любимец изрядно передразнивал приближенных. И, наконец, он просто нес ахинею, мало заботясь, в какие дебри занесет его красноречие.

Господин Потемкин и сам любил пошутить, и сам был горазд передразнить, к тому же, Нарышкин не стремился играть при дворе иной роли, кроме арлекинской, и потому новый фаворит был к нему благосклонен.

Фонвизин, кстати сказать, тоже присутствовал и внимательно наблюдал за происходящим. Этому полному, как если бы он дородством подражал своему покровителю Панину, даже рыхлого, круглолицего человека шутом звать не осмеливались – склонность же его к подражанию признавали за талант. Особливо после того, как он шесть лет назад в Петергофе мастерски прочитал перед государыней и ее приближенными свою новорожденную комедию «Бригадир». Тем, кстати, в очередной раз обидев драматурга и анненского кавалера Александра Петровича Сумарокова – Панин назвал «Бригадира», первой комедией о русских нравах, как если бы не было сумароковских. После сего бенефиса, кстати, Фонвизин и попал в секретари к графу Панину.

Архарову этот человек не больно понравился – склонность к язвительности вызвала в обер-полицмейстере весьма настороженное отношение. Кроме того, он недавно наблюдал, как Фонвизин щегольски передразнивает Сумарокова. Если бы что-то похожее учудил Демка в стенах Рязанского подворья – Архаров расхохотался бы и дал гривенник на пропой. Но фонвизинский Сумароков, обидчивее и сварливее подлинного, был чересчур смешон – а Архаров ощущал обычно границу, за которую шутник переходить не должен.

Нельзя сказать, что праздник ему нравился – прежде всего, он тут присутствовал по долгу службы, а затем – он не имел привычки к большому свету. Красивые молодые женщины со взбитыми волосами, с красноречивыми веерами, почти не обращали на него внимания, а сам он тоже не умел войти в кружок петиметров, собравшийся вокруг языкастой щеголихи, чтобы сказать нечто глупо-беззаботное, однако приправленное любовной страстью. Общество же людей почтенных манило его – да только он слишком любил расставлять людей по ступенькам. Тщательно соотнеся свой возраст и чин с возрастом и чином петербургских придворных, он решил, что будет в их компании самым младшим и незначительным. Потому и остался в одиночестве, поглядывая направо и налево, примечая мелочи и пытаясь делать из них выводы.

Ему очень бы хотелось высмотреть генерал-поручика Суворова. Княгиня Волконская рассказала, что Варюта брюхата, а Александр Васильевич страстно желает поспеть в Москву к родинам. Но хрупкой подвижной фигурки Суворова Архаров не заметил.

Обер-полицмейстер был сильно озадачен – в зале не оказалось и половины гостей, которым следовало бы явиться. Зато и французский посланник Дюран де Дистроф, и английский посланник Гуннинг присутствовали, каждый с небольшой свитой, и наверняка готовились отписать своим повелителям про сей конфуз.

Как им помешать – Архаров не знал. Он понимал – опять бунташная Москва являет свое дурацкое неудовольствие. А ведь государыня очень хотела Москве нравиться.

Это ее желание и вышло Архарову боком.

Он был позван пред светлые очи и услышал приказание – выйдя сейчас на крыльцо, объявить народу, коего сколько-то там, на улице собралось, чтобы таращиться в окна и угадывать силуэты, новый указ про соль.

Архаров получил бумагу с указом и, готовясь ужаснуться, заглянул в нее. Но на сей раз государыня изволила выразиться весьма кратко.

Просматривая строчки, чтобы при громогласном чтении не вышло какой запинки, он ощутил щекой даже не дыхание, а некую мимолетность справа и сверху. Скосив глаза, он обнаружил, что вместе с ним читает указ вдруг оказавшийся рядом его сиятельство Григорий Второй – новый фаворит. И на лице у фаворита – явное неудовольствие.

Тут Архаров вспомнил, о чем говорили третьего дня у Волконских.

Князь Михайла Никитич вспомнил к месту Эзопову басню о лягушках, просивших царя. Смысл ее был таков. Лягушки, позавидовав прочим тварям, попросили у Юпитера себе царя: у все-де есть владыка, и нам также надобен. Юпитер, недолго думая, скинул с небес в болото чурбан. Довольно скоро лягушки догадались, что вреда от чурбана нет, да и пользы тоже нет, взмолились сызнова. Недовольный Юпитер послал им на болото аиста...

Сказано сие было, без упоминания имен, к тому, что был раньше при государыне Григорий Орлов, ни в какие дела не мешался и тем даже Екатерину Алексеевну огорчал – ей очень хотелось доказать свету, что красавец избран не только за мужские стати. Затем промелькнул ничем не примечательный Васильчиков. Ныне имеем иного Григория – и тот норовит научить князя Вяземского, как писать указы о соляной торговле. Князь-то имеет в таких делах навык, а господин Потемкин только вызывает у государыни сильное беспокойство, и она, в его отсутствие, даже обмолвилась, что от затей любезного друга более будет ненависти и хлопот, нежели истинного добра. Хотя, может статься, именно он додумался, что удешевление соли послужит успокоению народа после недавнего бунта маркиза Пугачева.

Волконский рассказал, что проект указа велено составить обоим, Вяземскому и Потемкину, и государыня обещалась либо подписать тот, который выйдет лучше, либо, сведя оба вместе, сочинить третий своим, как она изволила выразиться, лаконическим и нервным штилем, в котором обыкновенно более дела, чем слов.

Судя по всему, это было творчество именно государыни.

Архаров, поклонясь, торопливо пошел на крыльцо. Возможно, чего-то этакого народ ждал – увидев его, толпа притихла, и он, прочистив горло, произнес весьма внятно:

– Объявляется всенародно!

Затем он обвел взглядом народ, давая время последним болтунам и пьянюшкам замолчать и уставиться на оратора.

– В именном ее императорского величества указе, данном Сенату сего апреля 21 дня, за собственноручным ее величества подписанием, написано, – неторопливо и зычно сообщил публике Архаров. – По долговременной и трудной войне, воспользуясь восстановлением мира и тишины, за благо рассудили ее императорское величество, для народной выгоды и облегчения, сбавить с продажи соли с каждого пуда по пять копеек! И сей все милостивейший указ сенат имеет обнародовать повсюду; о чем чрез сие и публикуется!

Криков восторга, которые должна вызвать такая новость, почему-то не последовало.

То есть, народ зашумел, но весьма умеренно.

Архаров даже несколько растерялся – не должно так быть, чтобы указ о понижении цены на соль приняли без проявления радости. Он просмотрел строчки – да, именно то, что было, он прочитал, вот и пять копеек...

Вдруг до него дошло – не иначе, как толпа вспомнила иной указ, тринадцатилетней давности! Тогда, сразу после шелковой революции, государыня опустила цену соли, как самой нужной и необходимой к пропитанию человеческому вещи, не на пять, а на десять копеек с пуда.

А дальше случилось самое скверное. Московские мещане, перекрестившись вразнобой, стали молча расходиться.

Бывшие в толпе архаровцы, поняв наконец, что дело неладно, закричали «ура!», но спасти положение они уже не могли.

Архаров скосил глаза на ряд окон – за одним непременно стояла императрица и ожидала народных восторгов. Нетрудно было представить ее положение – при посланниках, при знатных гостях до такой степени опростоволоситься...

Обер-полицмейстер вернулся в залу. Тут бы ему и остаться в толпе – кто бы стал вспоминать о том окаянном указе? Но Архаров, не имея опыта придворной жизни, вообразил, что бумагу следует вернуть.

Он подошел к государыне, наклоняясь несколько вперед – ему казалось, что так наиболее удачно изображается почтительность. Но Екатерина Алексеевна, сделав синие глаза пустыми, отвернулась, как если бы не заметила бумагу в архаровской руке. Рядом с ней, кроме Потемкина и Нарышкина при нем, Вяземского и Волконского, оказался как-то незаметно француз

Дюран де Дистроф с сопровождавшим его кавалером. Они встали достаточно близко, чтобы слышать, как государыня, указывая на окно, произнесла негромко:

– Ну, что за тупоумие...

Француз посмотрел на обер-полицмейстера с бумагой и усмехнулся, но усмехнулся нехорошо, смерил злыми глазами...

Волконский локтем отодвинул подчиненного, и тут лишь Архаров понял свою ошибку. Он отступил, пятясь, оказался за чьей-то бархатной спиной и уже не слышал, что такое сказал Потемкин императрице, что она ему ответила. Видно лишь было, что оба сильно друг дружкой недовольны.

Архаров устал пятиться, не с его телосложением было совершать такие маневры, развернулся и пошел прочь, считая, что обязанности по оказанию почтения выполнены. И в спину ему, как снежком меж лопаток, ударил смех государыни. Он остановился.

Не иначе, как шпынь Нарышкин, норовя переменить общее тягостное состояние на праздничное, кого-то передразнил. А кого?

А передразнить он мог только московского обер-полицмейстера с его совсем не придворной манерой подходить, говорить кратко и отступать неуклюже...

Оборачиваться Архаров не стал. Он окаменел на мгновение, боясь одного – если увидит шпыня в лицо, разум уступит место кулакам. А что кулаки у него обладают мыслительными способностями, он знал уже давно.

Смех государыни подхватили мужские голоса. И смолкли, и опять грянули – возможно, шпынь Нарышкин избрал иной объект для подражания.

Да много ли нужно Нарышкину, чтобы иметь повод для ахиней? Сердиться на такого шпыня – нелепица, все равно что на комнатную моську... да он и состоит при государыни на правах моськи...

Архаров всячески пытался задушить в себе обиду. Но дело было даже не в смехе государыни. Он с самого начала чувствовал себя в этой зале чужим. Тут была другая лестница, ему пока незнакомая, и он знал только, что стоит на одной из нижних ступенек. На собственной-то, на московской, он мнил себя едва ли не на следующей ступеньке после князя Волконского. А петербургские гости сего не знали, знать не желали, и не станешь же этим придворным вертопрахам растиолковывать все, начиная с чумы... Дня них сейчас важнее, как глядят друг на дружку государыня и Григорий Второй, надолго ли ссора.

Ближе к вечеру, впрочем, императрица с фаворитом помирились. Архаров узнал об этом случайно – не имея возможности покинуть прием, где ему надлежало быть по долгу службы, он держался подальше от именинницы и близких к ней кавалеров и дам, потому и оказался вдруг рядом с цесаревичем Павлом. Павел, его красавица-жена и лучший друг Андрей Разумовский стояли втроем и беседовали довольно громко. Наследник обижен был беспредельно – жаловался другу, что не получил обещанных к празднику пятидесяти тысяч рублей, а получил дрянные часы, деньги же матушка вдруг вздумала отдать господину Потемкину. То-то он рядом с матушкой остроумием блещет...

Великая княгиня Наталья Алексеевна произнесла что-то по-немецки, явно утешая супруга, однако Разумовского это утешение насторожило.

– Любезный друг, – уже гораздо тише сказал он цесаревичу, – ради Бога, уйми ее высокочество, чтобы не всякому пройдохе верила. Возьмет этак для тебя денег займы – чем расплачиваться станет?

Архаров понял, что великая княгиня все еще не говорит, да и не понимает по-русски.

– Мало ли у нас побрякушек? – спросил Павел. – При нужде продадим. А деньги надобны, я на них рассчитывал.

– Надобны – да не французские... – тут Разумовский быстро огляделся. – Коли ее величеству французский посланник заем устроит – так вы оба у него в коготках...

– Может, оно и к лучшему, – отрубил недовольный Павел. И оба они, цесаревич и его лучший, хоть и неверный, друг, переглянулись – всем было известно, что государыня Екатерина в бытность великой княгиней тоже делала займы, имевшие, как оказалось, политический смысл...

Сведения были прелюбопытные, и Архаров забеспокоился – не слышит ли беседы кто посторонний.

Оглядевшись по сторонам, он заметил, что за цесаревичем внимательно наблюдает английский посол. При чем стоит, повернувшись спиной к той части залы, где придворные развлекают государыню.

Сам не зная иностранных языков, Архаров с трудом понимал, как им можно обучиться настолько, чтобы пользоваться наравне с родным. Тем более – за недолгий срок. Однако ж по лицу видел – англичанин уразумел, по какой причине возмущен наследник и высокомерно показывает обиду его супруга.

На всякий случай обер-полицмейстер отошел подальше.

Указ он все еще держал в руке. Насилу додумался сложить бумагу вдвое и сунуть в карман.

Тут к нему подошел наконец князь Волконский со своей княгиней.

– Сердилась матушка, – шепнул он, – да и мы хороши... что ж ты народу не пригнал, ну хоть десятских бы выставил?..

Архаров ничего не ответил.

– Да еще с указом этим?

– Не придворный ты человек, Николай Петрович, прямой ты Вольтеров Кандид, – добавила Елизавета Васильевна, улыбаясь.

– Да, я таков, – буркнул Архаров. Кандида при нем поминали давеча, когда выбирали ему по картинкам мебель, и обер-полицмейстер понял, что так звали некоего французского простофилю.

– Ничего, обойдется, – сказала княгиня. – Господин Нарышкин сумел всех насмешить, теперь про указ и не вспомнят...

Но Архаров знал, что так просто не обойдется. Как бы ни толковали про доброту государыни, а его не обманешь – на лице было явное недовольство, и когда-либо оно даст себя знать... люди с такой полуулыбкой частенько оказываются на диво злопамятны...

* * *

Яшка-Скес, как и следовало ожидать, не узнал у Клавароша, какой гренадерский полк поила кофеем его лихая подруга. Француз спросил, сколько было чашек, узнал, что не менее десяти, и хмыкнул. Яшка попытался было вселить в его душу сомнение, но Клаварош растолковал ему, что у Марфы что-то с сердцем, жалуется, что порой охватывает неимоверная слабость, хоть с постели не слезай, и единственное средство – крепкий кофе. Яшка подумал, что в таком случае хитрая сводня не иначе как с того света выбиралась...

Давняя его нелюбовь к Марфе погнала архаровца в Зарядье с прекрасной целью – выманить инвалида Тетеркина и расспросить его о странных гостях. Хотя Архаров бы таких действий не одобрил. Мало ли у кого из придворных растяп пропадет дорогая побрякушка – так уж лучше искать ее у вedomой скупщицы краденого Марфы и выкупать за разумные деньги, чем ссориться с Марфой – и оставлять «явочную» о воровстве тяжким грузом, висящим на полицейской конторе до скончания века.

Удалось ему выбраться в Зарядье не сразу, а уже на страстной седмице, рано утром. Был Чистый четверг – тот самый день, когда хозяйки должны замесить тесто для куличей, покрасить яйца и убраться в доме. По крутым улице уже спешили кухарки, неся перед собой двумя

руками укутанные горшки с опарой для куличей. Это были кухарки из небогатых домов, и шли они в парфюмерную лавку. Там им за грошик капали в опару одну-единственную каплю розового масла, ее вполне хватало, чтобы пасхальный кулич выпекался духовит.

До Марфиного местожительства Яшка не дошел.

Двигался он в Зарядье кружным путем и оказался на Ильинке, неподалеку от дома, где, как он знал, жила мартонка господина Захарова, принявшая странное участие в штурме Оперного дома. И надо ж было тому случиться, что навстречу ему из Дунькиных дверей вышла Марфа, разряженная в пух и прах, а главное – при шнуровании. Трудно было даже представить себе, сколько нужно силищи, чтобы хоть как-то затянуть на ней шнуровку и создать подобие талии.

Кроме того, Марфа, не вращаясь в высоких сферах и не зная, что такое утонченный вкус, привыкла наряжаться так, чтобы за версту было видно: вот где богатство! Дорогие ткани, да поярче, да чтобы золота и серебра поболее, да непременно жемчужное перло на шее, а жемчуг чтоб с вишню величиной, – таков был ее идеал, позаимствованный у богатых московских купчих. Поскольку их никто не неволил носить французское платье, они любили наряжаться на старый лад, особенно же – чтоб головной убор побогаче, с жемчужным шитьем, с ряснами на лбу – как у давно позабытых боярынь.

Марфа понимала, что надобно соответствовать моде, и волосы всчесала довольно высоко, увенчав их пышной наколкой из лент и кружева. На руки она надела парные браслеты и множество колец, на шею – дорогой изумрудный фермуар, скреплявший перло, да нарумянилась, да посадила на лицо две мушки: над левой бровью и на правой щеке, ближе к уголку рта. Первая означала, что носительница – особа честных правил, вторая же – ее склонность к сердечной жалости.

Скес этих тонкостей не разумел, а только поразился светскому виду Марфы.

Сводня, повернувшись, сказала что-то человеку, оставшемуся за дверью, а потом поспешила к богатой карете. Лакей слез с запяток и помог ей забраться вовнутрь, что было, учитывая ширину топорищающихся юбок, делом нелегким.

Яшка неторопливо подошел поближе и разглядел герб. Герб был, на его взгляд, даже красивый – черный с красным, увенчанный рыцарским шлемом, откуда торчали три больших страусиных пера. Эти же перья имелись и на самом щите, разделенном на четыре части. В двух красных, левой верхней и правой нижней, стояло по латнику с обнаженным мечом, острием вверх, а в двух черных, правой верхней и левой нижней, как раз имелись пучки этих курчавых перьев, схваченные лавровыми гирляндами и вставленные в остроконечные портбукеты. Запомнил Яшка и щитодержателей – латников с обнаженными шпагами, опущенным острием вниз.

Карета укатила, Яшка проводил ее взглядом и, хмыкнув, отправился в Зарядье.

Инвалид Тетеркин наотрез отказался рассказывать, кого Марфа угощала кофеем. Зная, что шутить с архаровцами не след, он даже принялся божиться, что рано ложится спать, дрыхнет без задних ног, просыпается едва ль не к обеду, ничего не знает, не ведает, коли Марфа кого угощала – то ему сие неизвестно.

Порой правда в устах человека перепуганного выглядит сущим враньем. Архаров не раз повторял эту несложную истину своим подчиненным. Некоторые улавливали. Яшка-Скес дураком не был, но и внутреннего ощущения четкой грани между правдой и ложью не имел. Вернее, во всяком слове прежде всего подозревал ложь и недоумевал, когда слово оказывалось правдивым.

Инвалидова божба внушила ему сильное подозрение.

Скес не первый год служил в полиции и кое-чему научился. Поэтому сильно обижать инвалида Тетеркина он не стал, постарался свести разговор к какой-то сущей ерунде. Покидая Марфин двор, он уже прикидывал, кого расспросит о странном кофепитии. Была тут в Зарядье

некая соседка, муж которой служил в трех шагах от дома, на проволочной фабрике Ворошатины, где работал шпажные эфесы; жена же, бабенка шалая и никчемная, охотно принимала даже таких сомнительных гостей, каковы были архаровцы.

Бабенка, которую звали Феклушка, была вызвана Яшкой из дому и уединилась с ним в сарае. Марфу она недолюбливала, и Скес даже знал, почему – Марфа водила знакомство с денежными людьми и могла бы подвести Феклу к хорошему и щедрому любовнику, да не пожелала, объяснив кратко, что с Феклиной рожей разве бурлацкую ватагу сопровождать или в богадельне среди обездвиженных старцев подвизаться. Тут Марфа была неправа – соседка имела лицо, изрытое оспой, но тело красивое и статное, а рожу можно так белилами натереть, что выйдет гладенька, словно яичко. Яшка побаловался с бабенкой, но в меру, и попросил разведать у баб, кто это повадился пить кофей ведрами у старой сводни, а сам отправился в полицейскую контору.

Там он нашел время и поспрошал у канцелярских насчет красивого герба с перьями и латниками.

– Это не наши, не московские, – сказали ему, – это кого-то из столицы черти принесли.

Скес тихо выругался – столичные гости, что уже начали съезжаться на празднование знаменитого Кючук-Кайнарджийского мира, уже успели крепко надоесть архаровцам. Мало мороки присматривать за новым Пречистенским дворцом, чтобы всякий шалый народ государыню не тревожил, так еще поди упомни всех этих путешественников.

Но выслеживать старую проказницу ему никто не велел, а вот поузнавать насчет золотого сервиза – велели. И коли не выполнить приказания – можно и на дробь напроситься. Так на байковском наречии назывались батоги и розги.

Первым делом он еще до Пасхи побывал в «Негасимке» и о многом перетолковал с Герасимом. Кабатчик выслушал все, что Яшка знал о сервизе, и побожился, что к нему такую кучу золота не понесут. Обещал, понятно, коли что услышит – донести.

Скес и сам знал, что шуры не сбывают богатый slam в кабаках наподобие «Негасимки». Но шуры могли заметить, в каком доме появилось французское сокровище, и задумывать кражу.

Беседа с Герасимом некоторое время спустя навела Яшку на мудрую мысль, и он направился к Варварским воротам, где сидела нищая братия.

Когда в чумную осень Архаров заметил, что мортусы подкармливают нищих, он не придал этому особого значения. И напрасно – среди убогой братии, что сидела едва ль не у всех московских храмов и монастырей, было десятка два ветхих старцев, что кормились отнюдь не подаяннем. Они служили чем-то вроде секретарей, у кого всегда можно оставить сведения для нужного человека или же получить сведения от него. Они знали, кто из мазов по своим делам тайно посетил Москву, кто кого и зачем ищет, какие составляются компании для разнообразных темных затей.

Сразу подходить к нищим Скес не стал – сперва понаблюдал издали, как себя ведет известный ему одноногий дед по прозвищу Ходорок.

Дед просил подаяния, нарядившись в ветхий артиллерийский мундир времен государыни Анны – красный с черным подбоем, с медными пуговицами, и поминал все какие-то турецкие города, которые брал штурмом. Скес сомневался, что те города в Турции имеются, потому что слышал доподлинно – ни в какой артиллерии Ходорок не служил, а ноги лишился при пожаре – на нее свалилась горящая балка. Как к нему попала гусарская лядунка – Яшка не знал, знал только, что этим предметом Ходорок предупреждает об опасности – чтобы те, кто собрался к нему подойти, топали бы себе мимо.

На сей раз лядунки не было, так что Скес, достав полушку, неторопливо направился к нищим.

– Мас Скитайлу искомает, – сказал он тихо, опуская полушку в протянутую ладонь.

– У Шишмака в шатуне.

Этого было довольно. Скес прекрасно знал, кто такой Шишмак, где он держит свой винный погреб – «шатун», и в котором часу следует туда являться, чтобы встретить клевого маза Скитайлу, прозванного так не за кочевой образ жизни, а за необъятное чрево (скитайлой шуры и мазы называли большую кадь для зерна).

Теперь следовало спешить в полицейскую контору. Пока государыня в Москве – обер-полицмейстер никому покоя не даст, про отдых можно позабыть. Десятские – и те с ног сбились.

Особую тревогу у Архарова вызывали окрестности Пречистенского дворца. Народ там живет, чуть шагни от Моховой или Пречистенки в переулок, пестрый, неотесанный, нуждается в присмотре. Тут тебе и лабазы, и грошовые лавчонки, где промышленяют старым железом и лоскутьями, и амбары, а на Моховой и вовсе бурная торговля огородными овощами, одно счастье – сейчас, кроме кислой капусты, местному жителю и продать нечего. Обход окрестностей дворца проводился круглосуточно.

Скес, чтобы не тратить денег, спустился в подвал, где повар Чкарь готовил еду для арестантов, получил миску каши со свиными шкварками и тут же, под шум из нижнего подвала, съел.

Наверху его позвал Жеребцов и отправил на дежурство в паре с Федькой Савиним.

Им нужно было убедиться, что все десятские, кому полагается, не по домам сидят, а на улицах – смотрят за порядком. Нужно было несколько раз обойти дворец – хотя там и стоит охрана, но именно что стоит – мазы и шуры же имеют скверное свойство передвигаться, причем прытко и шустро.

Но, с другой стороны, погода была превосходная – и отчего бы не порадоваться теплему майскому вечеру? Сами бы ввек не пошли прогуляться, а коли полагается по службе, так оно и неплохо.

Скес был невеликий любитель общепризнанной красоты, вообще трудно было догадаться, что ему по душе. А вот Федька остро ощущал все радости и прелести мира, и отдавался чувствам всей душой, способный и завопить от восторга, и разрыдаться от обиды.

Они вышли на Лубянскую площадь, где обычно стояли извозчики, но тратить деньги не стали, а отправились к месту несения службы пешком.

– А пойдем по Воздвиженке, а, Скес? – попросил Федька, несколько смутившись.

Яшка сперва удивился – охота же ему слоняться по улице, где чуть насмерть не закололи. Потом вспомнил – девица Пухова! О ней все Рязанское подворье знало – и в основном Федькина любовь не одобряло. Он бы еще в княгиню Волконскую влюбился...

Федька сам все замечательно понимал. Он пробовал лечиться – ходил к сводне, сводня познакомила с молодой вдовой. Ничего не вышло – а только насмешил архаровцев до колик, сказав наутро: «Да с ней и разговаривать-то не о чем...»

Варенька была ему необходима, как живой отклик на зов его взбаламученной души, как живое воплощение бессловесной мольбы о прекрасном. Даже болезнь девушки – и та казалась ему теперь неким обязательным свойством красоты, которой так и положено – одной ногой чуть опираясь о землю, всем телом уже парить в небесах.

И для нее, как для него, любовь была единственным в мире, о чем следовало беспокоиться, верность любви – главным, что надобно спасать при любых бедствиях. А что не суждено вместе стать под венец – так от этого Федькина любовь, может, только крепче делалась...

Так что шли архаровцы Савин и Скес, никому не уступая дорогу – напротив, это от них все шарахались, зная, что полиция на руку скоро и щедра. И прошли они по Воздвиженке мимо двора старой княжны Шестуновой и мимо особняка князя Волконского, где теперь жила Варенька. И Федька замедлил шаг – вечера в мае долгие, свет в домах зажигают поздно, а ему так хотелось бы увидеть в каком-либо освещенном окошке хоть силуэт...

Они прогулялись по переулкам, которых вокруг Пречистенского дворца хватало, спугнули каких-то юных любовников, съездившихся под забором; поймали за шиворот и осчастливили оплеухой парнишку, что стоял перед закрытой калиткой и громко материл кого-то незримого; унюхав подозрительный дым, забрались во двор, увидели тлеющую кучу сухих подгнивших листьев, выволокли из дому хозяина и заставили его прекратить опасное безобразие...

Огонь был бы сейчас вовсе некстати.

В Пречистенском дворце, стоило окончиться Великому посту, начались гулянья, концерты, любимые государыней маскарады. Народу собиралось много, построен дворец бестолково – если загорится, мало кого удастся спасти. На подступах к Колымажному переулку архаровцы видели несколько новомодных карет, спешивших ко дворцу, а у подъезда и в курдоннере было уже не протиснуться.

Незадолго до полуночи они убедились, что все десятские патрулируют отведенные им переулки, что обыватели улеглись спать, и Слес сказал, что есть тут в Обыденском переулке домишко, хозяйка пускает в сарай ночевать кого попало, так заодно можно и сарай проверить на предмет подозрительного люда, и самим там отдохнуть хоть часок, а потом совершить еще обход – и по домам.

Собачонка, бегавшая по двору, облаяла их, выглянула хозяйка, признала Слеса и прикрикнула на пса.

В сарае оказалось пусто, стояла старая лавка, длинная и широкая, на ней лежал холщовый сенник, вот только сено в нем было прошлогоднее, умятое до жесткости. Слес прилег, Федьке же спать не хотелось.

Он вышел во двор, присел на завалинке и уставился вверх, на темное небо, размышляя, что скрасил бы ему ожидание подсчет звезд, однако как прикажете помечать уже сосчитанные?

Федька замечтался, и лишь далекие голоса вывели его из этого состояния.

Где-то дома через два, через три завели песни. Молодежи в такой теплый вечер не спалось – и нужды нет, что завтра спозаранку мать поднимет и погонит выпроваживать корову в стадо...

Он слушал девичьи голоса, довольно слаженные, и вдруг вскочил.

Песня была опасная.

Раньше он и не слыхивал, как ее поют, а на службе узнал от старых полицейских, что еще при господине Салтыкове, том самом, кому бегство из чумной Москвы стоило отставки, государыня писать в Москву изволила, велела, чтобы эту неожиданно вошедшую в употребление песню как-то исхитриться предать забвению. А как ее предашь? Песня-то бабья... что хотят, то и поют потихоньку...

Узнал же ее Федька по одной, но весьма значительной примете.

*– Мимо рожи шла одинехонька,
Одинехонька, молодехонька,
Никого я в роце не боялася,
Ох, ни вора, ни разбойничка,*

Ни сера волка лютото... – выводили то ли три, то ли четыре девичьих голоса, да уж так тоскливо! Пока что не было ничего крамольного, но крамола уже ждала своего мига.

*– Я боялася друга милого,
Свово мужа законного,
Что гуляет мой сердечный друг
Во зеленом саду, в палисадничке,*

*Ни с князьями, ни с боярами,
Ни с дворцовыми генералами,
Что гуляет мой сердечный друг
Со любимой своей фрейлиной,
С Лизаветою Воронцовой...*

Вот именно так и свернула песня с бабьей печальной ревности на стезю политическую. Поскольку «сердечный друг» был покойный император Петр Федорович. А песня пелась, как если бы на него супруга, нынешняя государыня, жаловалась.

Федька тихо, едва земли касаясь, пошел на голоса.

В такое время, когда только и жди неприятностей, девки не просто так поют. Кто-то им, может, велел, кто-то их слушает. Кто-то вспоминает, как собирался государь жениться на Лизавете Воронцовой, природной русачке, прогнав сперва свою законную немку Екатерину Алексеевну, да она его опередила, позвала на помощь гвардию, сбросила государя с трона, и что уж там вышло в Ропше, где его стерег Алехан Орлов, одному Богу ведомо. Может, нашлись добрые люди, вывезли перепуганного государя, спрятали, увезли. А для народа объявлено – помер-де от коллик.

Надобно разобраться...

Девок он спугнул, но заметил, в какой дом забежали две – видимо, сестры. Положив себе наутро послать туда десятского, чтобы доложил, кто родители и чем занимаются, Федька неторопливо вернулся в сарай к Скесу. После пробежки по ночным закоулкам спать не хотелось, хотелось петь.

Голоса он не имел – голосист был Демка Костемаров, умели ему подтянуть Тимофей, Захар Иванов и Вакула – тот хвалился, что голосом за пять шагов свечку гасит, да все как-то не удосуживался показать. Федька, когда пели, обычно молчал. Но модных песен знал немало – бывая по делам в архаровском особняке, перенимал, когда удавалось, у Меркурия Ивановича.

Одна ему нравилась особенно – и он запел тихонько, вкладывая в слова и мотив всю душу:

– Как сердце ни скрывает мою жестоку страсть, взор смутный объявляет твою над сердцем власть: глаза мои плененны всегда к тебе хотят, и мысли обольщенны всегда к тебе летят...

Где-то на середине второго куплета Федька обнаружил, что ему подпевают, подпевают навзрыд и с нескрываемым отчаянием в голосе. Редко случалось, чтобы собачий вой выражал столь трагическую скорбь.

Он замолчал. Замолчала и собака. Обидно было чуть ли не до слез – даже ночью, даже чужими словами не удастся высказать то, что на душе!

С горя Федька растолкал Скеса.

Яшка послал его на байковском наречии куда подальше.

Но встать пришлось. В новом дворце гуляли за полночь, а разъезд веселой публики, да еще во мраке, – наилучшая возможность для шуров. Довольно надеть старую ливрею да паричишко из бараньей шерсти – и вот ты уже замешался в толпу, вот уже деловито шныряешь между каретами.

Федька и Скес поспешили к Пречистенскому дворцу, где встретили Захара Иванова с Сергеем Ушаковым. Ушаков уже успел в свете качающегося каретного фонаря заметить знакомую рожу шура Грызика. Грызик мелькнул и исчез. Следовало изловить его, покамест не натворил бед.

Но хитрый Яшка сообразил, что Грызик ему еще пригодится. Поэтому он, лучше прочих зная повадки шуров, в одиночку высмотрел былого товарища и кратко, в двух словах, велел ему убираться. Дважды повторять не пришлось. Грызик отнюдь не хотел ночевать в подвале

Рязанского подворья, а на завтрак получить приятную беседу с Вакулой или Кондратием Барыгиным.

Но эта ночь приготовила Скесу и еще одну встречу. Проскочив между экипажами и увернувшись от кучерского кнута, он уткнулся носом в знакомый красно-черный герб – вот тебе перья, вот тебе латники с мечами...

– Стрема, лащи! – крикнул он особым пронзительным голосом. Это был знак для тех, кто понимает, – бежать на помощь.

Экипаж уже тронулся, когда подбежали Захар и Федька.

– Чего курешал?

– Надо разведать, чья шавозка, да тишменько...

Яшка и сам не знал, зачем разводить столько таинственности вокруг кареты с гербом. Вернее – не мог бы объяснить. Но он нюхом чуял – что-то кроется за Марфиным путешествием в богатом экипаже, что-то весьма нехорошее. Такое, что потом всему Рязанскому подворью, включая новоявленных соседей – Тайную экспедицию, не расхлебать...

Не будь у Скеса этого необъяснимого чутья – давно бы он был отправлен в Сибирь с каторжным этапом.

Спрашивать у лакеев – все равно что прокричать на Ивановской площади: архаровцам-де охота знать, кто разъезжает в карете с красно-черным гербом. Ведь все четверо – в мундирах...

Они разбежались – Яшка, сколько мог, преследовал карету, потом вернулся, Федька и Захар искали надежного знакомого среди дворцовой прислуги, а умный Ушаков (не сразу, правда, додумался) стянул с сиденья чьей-то кареты розовый атласный капучин с пришпиленным к нему зеленым бантом и прямо пошел к дворцовому крыльцу с вопросом: чей таков экипаж с перьями и латниками на гербе, кому возвращать найденное под колесами в грязи имущество?

Ему сразу сказали: экипаж его сиятельства графа Матюшкина, а поселились их сиятельства у родни на Покровке, там, поди, всякий дом укажет.

Когда разъезд завершился, измотанные архаровцы разбрелись по домам. Яшка-Скес, которому было с Федькой по пути, забрал у Ушакова розовый капучин, намереваясь ближе к обеду, сделав невинную рожу, заявиться к графу Матюшкину – вот, извольте, нашлась ваша пропажа. Разумеется, ему скажут, что никаких капучинов из кареты не пропало – но он высмотрит, что за граф такой, и, может, догадается, при чем тут Марфа.

Федька, выслушав про десять немых чашек кофе, тоже был сильно озадачен. Даже коли Марфа врачевала кофеем сердечную хворь – беспорядка бы она не потерпела. Но и предполагать, что в горнице у нее пряталось в тот час десять человек, тоже было странно – на что ей такая дивизия? Опять же, если это мужчины – то из круга, где питье кофея стало обычным, ибо человек простой, попробовав, скривится и скажет одно слово: пойло! И зачем они сводне в таком количестве? А если кумушки, которые пьют и не морщатся, потому что все графини кофей уважают, то для чего бы Марфе их прятать?

Нельзя сказать, что Федька так уж не любил Марфу. Просто ему было неприятно ее ремесло. Понимая, что без сводни многим пришлось бы тяжело, он тем не менее избегал Марфина общества и не понимал, почему Архаров спускает ей с рук все мелкие и даже более крупные проказы. И сильно бы удивился, коли бы ему объяснили, что Марфа забавляет Архарова своими повадками и нравится лихой прямоотой своих речей, притом он отлично понимает, когда хитрая сводня подпускает грубоватой лести.

Что касается Сергея Ушакова – он понимал, что особа, промышляющая не только дачей денег под ручной заклад, но еще и тайной скупкой краденого, может навести на какую-то готовящуюся каверзу. И гораздо милее присматривать за этой каверзой с самого начала, чем впоследствии, когда она совершится, бегать по Москве высуня язык на плечо.

Скес на следующий день отправился отдавать якобы утерянный розовый капучин. Вернувшись же, отыскал Ушакова с Федькой и рассказал им про свои похождения.

– Ну и одна слава, что графья, – так начал Яшка. – Прихожу я к ним и велю доложить, что-де по приказу господина Архарова. А хам, что меня впустил... Чтоб я сдох – на Знаменье глядел! Его подначить – он и захороводится. И ховряк с ховрейкой – ему подстать! Ведь они капучин-то признали! Наш, говорят, давай сюды! И хоть бы грошом медным отблагодарили!

Федька расхохотался, Сергей Ушаков усмехнулся.

– И что, – спросил он, – так ты и ухрял с пустым ширманом?

– А таки не с пустым, – и Скес действительно добыл из кармана две дорогие пуговицы. Судя по пучкам ниток, они не оборвались сами, а были ловко срезаны с кафтана.

– Несколтыжные, стало быть, людишки? – никоим образом не порицая архаровца, заметил Ушаков. – Так и поделом.

– Ховряк – щеголек, смолоду ламонился, теперь от того отстать не хочет, ховрейка – гируха, и смолоду, сразу видно, страшна была, как смертный грех. Какого беса он на ней женился?

– Приданое было знатное, – предположил Ушаков. – Ну, додумался, чего там Марфа искачала?

Скес почесал в затылке и нечаянно распустил бант, отчего рыжие волосы, не желавшие быть опрятной косицей, полезли во все стороны.

– А что доброго там искомать? Там и по рожам знать – скверный народишко. Даром что графы. Что хозяйева, что дворня – клейма ставить негде. Теперь я точно знаю – она новую пакость затеяла. Вот чего, шиварищи, пертовому мазу – ни слова...

– Скараем, – согласился Ушаков. – Слышь, Федя? Зато уж потом...

– Не смуряк, – отвечал Федька. – Я детинка пельмистый!

За что и был разом хлопнут: Скесом – по левому плечу, Ушаковым – по правому.

И в самом деле, коли сейчас рассказать обер-полицмейстеру про странные Марфины затеи, так пошлет в известном амурно-пехотном направлении – как будто у него других забот мало! А вот когда станет понятно, как увязаны грязные чашки с семейством графов Матюшкиных – тогда можно будет и с докладом являться.

Архаровцы и не подозревали, что их командир размышляет о том же самом семействе...

* * *

– Ну что ты за гость, – говорила Елизавета Васильевна с досадой. – Даже в мушку, поди, не играешь. Вот и беседуй с тобой весь вечер о всяких безделицах! А так бы сел с почтенными людьми в карты, глядишь, до чего бы и договорился. Неужто и в полку не игрывал?

– Ввек не поверю, что ты, Архаров, карт в руки не берешь, – согласился с супругой князь Волконский. Они очень хотели, чтобы обер-полицмейстер участвовал в карточных партиях, составляемых обычно в углу большой гостиной. Сколько-то он, понятно, проиграет, но тем самым светские знакомства укрепит и будет приятен людям чиновным – тому же Вяземскому. Опять же, иногда бывает непросто составить карточную игру – когда одного игрока недостает, и тут обер-полицмейстер всегда бы мог выручить хозяев дома.

– Беру я карты в руки, – отвечал Архаров. – Я пасьянсы раскладывать люблю. Этак кладезь королей с дамами, дам с валетами, а меж тем думается хорошо... По мне, чем в карты – так лучше в бильярд. А в гостиных от меня толку мало. Еще, чего доброго, шум подыму, когда увижу, как кто в карты мошенничает. Ведь, Михайла Никитич, не со всеми петербургскими приличней человек за стол сядет...

– Не пойман – не вор, – тут же отрубил князь. Он понял, в кого метит Архаров.

– Однако ж государыня сама изволила...

– Государыня по старой памяти присматривает, чтобы граф Матюшкин в карты не заигрывался. Он смолоду за границей бешеные деньги проиграл. Нарочно князю Голицыну писать изволили, чтобы выпроводил вертопраха из Парижа без замедления. А память у государыни отменная.

Архаров не ответил. У него наконец-то начали складываться отношения с Екатериной Алексеевной, и он отчаянно пытался угадать, как бы поступить, чтобы она была довольна.

Конечно же, до визита было далеко, но на Святой неделе, когда Архаров прибыл в Пречистенский дворец с поздравлением, дело не обошлось обязательным «Христос воскрес! – Воистину воскрес!» Вручив обер-полицмейстеру расписное пасхальное яичко, государыня оставила его при себе и, усмехаясь, рассказала, как к ней приезжали сановные московские старухи, те самые, которым она когда-то смертельно боялась не угодить. Это еще не было подлинной благосклонностью. Но государыня очень старалась.

– Знаешь ли, Николай Петрович, отчего я в пост от них всячески скрывалась? Сии московские старухи не любят и злословят меня, а голодное состояние еще более располагает к гневу и досаде. Так я верно знаю, что уже на прошедшей неделе меня не пощадили; но теперь, удовольствовавшись пищей и вместе с ней освобождаясь от индигестии, должны успокоиться.

Что такое индигестия – Архаров не знал и решил выяснить у Клавароша. Сам же двумя кивками изобразил полное согласие. И внимательно глядел, к кому и как обращалось ее величество. Он не имел права совершить еще одну ошибку и, соблюдая внешнее непоколебимое спокойствие, внутренне малость суетился. Вот так он и подметил, что граф и графиня Матюшкины не пользуются, увы, благосклонностью государыни. Хотя весьма бы того желали...

– Николай Петрович, государыня может сколь угодно косо глядеть на графиню Матюшкину, однако ее к себе услуг не позабудет, – сказала Елизавета Васильевна. – Не путайся ты, сударь, в эти тонкости, Христа ради. Ну, обыграет тебя граф Матюшкин – я тебя знаю, ты с того не обеднеешь.

– Коли играть так, как теперь при дворе заведено, и бриллиантами расплачиваться, так моего жалованья ненадолго станет, – буркнул Архаров.

– Экий ты, сударь, несговорчивый.

– Да, я таков.

Как ни желал обер-полицмейстер понравиться Екатерине Алексеевне, однако терпеть ради этого семейство Матюшкиных было выше его сил. У обоих лица прямо-таки вопили о склонности к вранью – что у супруга, бывшего красавчика писаного, что у супруги, которая и смолоду была нехороша собой, зато ловка.

А благосклонность государыни была нужна – он, уже почти четыре года занимая обер-полицмейстерский пост, знал, что способствует поддержанию порядка, а что препятствует, и хотел во благовремение подсказать, какие указы были бы ему полезны...

– Государыне, сударь, перечить теперь не вздумай, – негромко и со значением сказала княгиня. – Коли позовет играть – ступай без рассуждений. Ее теперь сердить не след.

Архаров покивал – о том, что императрица нездорова, он знал доподлинно. В сыром Пречистенском дворце и не выздороветь – вот и ходит, кутаясь в шади да накидки.

– А ты бы, матушка, о чем другом поговорила. Для царицыных хвороб у нас лейб-медики есть, Николай Петрович не лекарь, – вдруг вмешался князь Волконский, казалось бы, даже не слушавший их беседы.

– Да что ты, батька мой, взъелся? – удивилась княгиня. – Николай Петрович и по должности своей много знать обязан. Не для того, чтобы шум поднимать, а для того, чтобы шуму воспрепятствовать.

Тут Архаров насторожился. И точно – было при дворе нечто, чего он не мог понять, какая-то особенность в отношении к государыне иных близких к ней людей, того же господина фаворита.

Он бы долго ломал над этим голову, но князь и княгиня очень значительно переглянулись. И тут же Елизавета Васильевна заговорила об ином – очень важном для Архарова.

Княгине очень хотелось, чтобы Архаров блистал в свете. И она прямо ему об этом сказала: в его-то годы можно еще замечательный карьер сделать, если не торчмя торчать у себя на Рязанском подворье, а бывать в гостиных у влиятельных особ, тем более, что для этого и далеко ездить незачем – многие особы вслед за государыней в Москву перебрались.

Архарову же хотелось отыскать в ее словах тайный смысл: насколько его светская жизнь увязана с будущим Варьки Пуховой. Может, по тайному распоряжению государыни из него хотят сделать светского кавалера, чтобы он достойно ввел в общество свою молодую супругу. Желали же отдать ее за князя Горелова – так, может, и обер-полицмейстеру по такому случаю титулишко перепадет?

– Ты картины-то приобрел? – спросила княгиня. – Или мне самой за ними ехать придется? Николай Петрович, тебе же на них глядеть, не мне!

Архаров насупился. Визит к Захарову все откладывался и откладывался. Уже и мебель купец привез, уже и красивые шпалеры в обеих гостиных повесили, бронзы приладили, ковры постелили, и Архаров не мог бы сказать, что там так уж недостает проклятых картин. Но княгине виднее – она дама светская...

– Завтра же и привезу картины, ваше сиятельство, – пообещал он и, помолчав, добавил: – Теперь же позвольте откланяться.

Молчание было необходимо, чтобы князь с княгиней, коли еще чего желают сказать, или же позвать в гостиную девиц, Анюту и Вареньку, имели такую возможность. Но они всем видом показали, что на сегодня беседа завершена.

Так что оставалось и впрямь откланяться.

Оставаться у Волконских надолго Архаров, впрочем, и не мог. Купец взял с него слово, что обер-полицмейстер сегодня приедет обедать. Чая вкусить не французских деликатесов, а получить на тарелку четверть жареного поросенка, Архаров заранее радовался этому обеду. Уж там-то никто не стал бы обучать его правилам светского общежития.

Но сперва он заехал в полицейскую контору и убедился, что все благополучно. Ему доложили о пойманных злоумышленниках, а Яшка-Скес отчитался в своей разведке – уж коли сам Скитайла не знает, что в Москву привезли на продажу драгоценный сервиз, стало быть, он тут и не появлялся.

– Скитайле сказал, чтобы убирался из Москвы?

– Сказал, ваша милость.

На самом же деле Яшкина беседа с матерым мазом имела несколько иной оттенок. Скес очень осторожно намекнул, что архаровцы будут искать сервиз весьма деятельно, так что человек, которому известны их перемещения и вылазки, может в нужную минуту их опередить. Скитайла понял с полуслова. Разумеется, никуда он из Москвы уезжать не собирался. И золотой сервиз был бы для него добычей весьма обременительной, раз уж о нем знают на Лубянке. Однако слово «золото» и более мудрым мазам глаза-то затмевало. Яшка был уверен, что Скитайла приставит кого-либо следить за полицейской конторой и начнет самостоятельные поиски – а уж как присмотреть за давним товарищем, он знал. Тот же Грызик мог при нужде донести о затеях Скитайлы.

Но Архарову про эту интригу Яшка не доложил. Тем более, что обер-полицмейстер наскоро расспросил его о лубянских новостях. Особых новостей не было – всяк занимался своим делом.

– Баба какая-то еще у крыльца с утра толчется, – вспомнив, доложил Яшка. – С малыми детишками.

– Чего ей надобно? – спросил Архаров.

– Ждет, видать, кого-то.

– Гони в три шеи.

Выходя на крыльцо, обер-полицмейстер никакой бабы не обнаружил.

Сидя в карете, он припоминал разговор в доме Волконских. То, что государыня, будучи не совсем здорова, старалась глядеть бойко и держаться бодро, он понимал. Но крошечная стычка между князем и княгиней наводила на нехорошие мысли – что же это за болезнь такая?

Не имея семьи, не бывая в домах, где живут молодые жены, Архаров действительно не мог взять в толк природу заболевания, от коего женщина полнеет, надевает просторную одежду и кутается, стараясь скрыть отяжелевшее тело. Опять же – он знал, сколько лет государыне. Фаворит – это само по себе, а вынашивание и рождение ребенка – само по себе, и в таком возрасте рожать детей как будто не полагается. Однако взгляд, которым обменялись князь и княгиня, кажется, именно это и означал...

В купеческом доме Архарова ждали – все семейство, включая дальнюю родню, бывшую в услужении, встретило в сенях. Не каждый день жалует на обед сам обер-полицмейстер!

Это был час великого торжества купчихи Фетиньи Марковны. Увидев накрытый стол, Архаров даже рот разинул от изумления – чего только не было выставлено в первую перемену для возбуждения аппетита! Икра всех возможных видов, редиска, щеки селедочные (чтобы набрать одну тарелку сего лакомства, селедочек уходило под тысячу), язык провесной, семга и лососина под лимоном, грибы двух десятков названий – одного этого хватило бы, чтобы набить чрево. А далее следовали еще четыре перемены, это не считая заедок, которые купчиха уже называла французским словом «десерт». И, что мило, блюда подавались стародавние московские, выпестованные поварами еще государя Михаила Федоровича: и калья с курицей и лимонами, и потроха под шафранным взваром, и стерлядь паровая, и курица бескостная – во рту таяла, и молочный изумительно зажаренный поросенок, и пироги, и кулебяки, и листни, и хворост, и шишки печеные, и пастила, и куличи, и сахарные коврижки...

Вина же подавались такие, что Архаров впал в глубочайшее недоумение – он и не ведал, что столь затейливые оттенки вкуса существуют...

Наконец уж не только гость, но и сам хозяин взмолился: хватит, довольно, не то и помереть недолго!

Фетинья Марковна блаженствовала – накормить гостя так, чтобы молча сидел и пыхтел, выкатив глаза, почти лишенный соображения, было делом чести для хорошей хозяйки.

Наконец Архаров с трудом поднялся из-за стола и изъявил шепотом некоторое желание.

Благоустроенная каморка, которую так хвалил купец, была у него в доме не одна – он их три штуки завел, по каморке на каждом этаже. Каждая была устроена в углу дома и отгорожена от мира толстой стенкой, на крышу же выходила труба под медным навесиком, чтобы вытягивать дурной воздух.

Архаров был препровожден туда купцом самолично и ознакомлен с удобствами – с изразцовой печкой, со столиком, на котором стоял медный турецкий таз, а над ним был подвешен по старинке кувшин-рукомой, со стулом, на который можно поместить все, что способно помешать. Стояла на табурете яркая ароматница – ваза в виде большого яйца, с дырявой крышкой, откуда поднимался легкий дымок. Опору вазы составляли три дородные фаянсовые бабы с львиными лапами и хвостами, а также с крыльями, само же яйцо представляло собой как бы поляну, усыпанную разнообразными цветами. Тут же было льняное полотенце, вышитое красным узором, и все эти предметы, вместе взятые, – старый ореховый стул на причудливых ногах, как будто четыре когтистые лапы зажали каждая по небольшому шару, и турецкий таз с носатым рукомоем, и разноцветная фаянсовая ароматница, и русское полотенце, – составили причудливое единство, на просвещенный взгляд смешное, однако чем-то милое.

Сиденье Архарову, правда, не понравилось – высотой оно было менее аршина, и никак не походило на кресло – он полагал, тут не помешали бы подлокотники, но их не было, а прорезанную в толстой доске овальную дыру покрывала деревянная крышка, вроде тех, что исполь-

зуют на поварне для кадок и бочат с соленьями и моченьями. Перед тем, как усесться, Архаров оглядел дыру и обнаружил под ней воронку, сделанную из меди, которая соединялась с большой стоячей трубой, уходящей в весьма глубоко устроенную выгребную яму. Купец особо сам себя хвалил за то, что велел оную яму выложить камнем, но жаловался, что при очистке, производимой раз в месяц, ночью, поднимается вонь на все окрестности.

– И ладно бы с вечера они приезжали, закрыл окна – да и спи, – сказал он. – Так все ближе к рассвету норовят, просыпаешься – извольте радоваться!

Архаров взял сие на заметку – полиция столько всяких неожиданных обязанностей исполняла, что присмотр за московскими золотарями с их черными бочками, очевидно, тоже входил в компетенцию обер-полицмейстера. Однако же как-то до сих пор обходилось без его личного вмешательства, и даже нужники Рязанского подворья вычищались по чьему-то распоряжению, должно быть, Шварцеву...

Он задумался: золотари уже с полвека жили в двух слободах, одна – по дороге к Тушину, другая – где-то за Лефортовым, у Владимирского тракта, он сам не знал, где именно. Однако если вонючие обозы начнут таскаться мимо Лефортова и нового Екатерининского дворца, который когда-нибудь же достроят, – сие не есть хорошо... сие даже изрядно дурно...

Выходя из каморки, Архаров уже думал, в каких словах изложить государыне необходимость избавить полицию от несуразных хлопот. Мало было возни с фонарями, так теперь еще изволь гонять золотарей. Хотя в столице же как-то с ними управляют? Один Зимний дворец, поди, обеспечивает работой целую дивизию сих тружеников...

Государыня – дама утонченная, веселить ее такими пакостями не с руки. Надо будет обязать Шварца составить докладную записку – он всегда изъясняется витиевато, но в письменной речи ничего неприличного не допустит.

Отдохнув у купца в гостиной, выпив чашечку кофея и сказав несколько любезных слов Фетинье Марковне, Архаров поехал обратно к Рязанскому подворью. Был такой хороший майский вечер, что домой не хотелось вовсе. А на Лубянке непременно что-то занимательное случится.

И случилось, хотя ничто уже развлечений не предвещало.

Архаров отпустил Шварца, выслушал донесение Демки Костемарова, выслушал Жеребцова, выслушал еще несколько бумаг, прочитанных Сашей, и понял, что на сегодня с него довольно. Тем более, что ему от обжорства дышалось весьма тяжело. Следовало скорее добраться до Пречистенки и лечь спать.

Но он не сразу поднялся с удобного кресла. Уже и руками в столешницу уперся – а душевных сил для такого подвига недоставало.

Если бы княгиня Елизавета Васильевна видела его такого, то непременно изругала бы – в тридцать три года он отяжелел, раскис, едва ли не растекся по обитому красным сукном столу, стыд и срам!

Куда такому увальню о женитьбе помышлять!..

А ведь помышлял – глядя на краснощекую купеческую дочку. Красивую синеглазую девку усадили довольно далеко от него, но она тянула шейку, чтобы разглядеть получше обер-полицмейстера, и попалась ему на глаза. Дети в таких семействах растут в строгости, послушны и богобоязненны, и Фетинья Марковна не отпустит от себя дитя, не научив вести хозяйство, да сама будет на первых порах дневать и ночевать в доме у зятя, пока там все не наладится. Для таких жареных молочных поросят, пожалуй, и на купеческой дочке жениться можно!

Архаров резко выдохнул и встал.

Саша ждал в карете, Демка ждал в коридоре.

Архаров довольно скоро вышел на крыльцо, Демка выскочил следом с фонарем. Но посветил не на ступеньки, а правее. И недовольно ругнулся.

Архаров увидел нечто, принятое сперва было за ком тряпья. Но ком здоровенный, бугристый, несколько напоминающий те большие кучи на огородах, в середине которых прелый навоз, а поверху опытный садовник сажает тыквы. Он подошел, оглянулся – тут же рядом оказался Демка.

– Убрать, Костемаров, – сказал Архаров. – Ну что за город, мать бы его! Вот уж и к полицейской конторе всякой дряни понанесли. Кто там дневальный? Крикни, пусть придет с лопатой.

Демка сбежал вниз, присел на корточки.

– Ваша милость, там человек, – доложил он.

– Как человек? Ну-ка, развороши!

Демка разгреб сбоку тряпье и пошерудил в темной глубине рукой. Тут же, вскрикнув, выдернул руку.

– Да оно кусается! – растерянно сказал Архарову.

– Человек, говоришь?

– Так не пес же! Пес бы залаял!

– Сашка! Сенька! Ванюшка! – крикнул тогда Архаров. – Сенька, кнут прихвати! Сейчас мы это диво расковыряем! Сашка, пистолеты!

Из кареты вышел вооруженный Саша, с козел спустился Сенька с кнутом, тут же подошел и здоровенный лакей Иван с фонарем. Впятером они окружили кучу, Саша наставил на нее пистолет (держал двумя руками, но Архаров мог бы поспорить на ведро водки, что при необходимости стрелять пальнет зажмурившись и промахнется), а Сенька потыкал кнутом в середину.

Из кучи заспанным бабьим голосом было послано на мужской причиндал.

– Свои! – обрадовался Архаров. – Ну-ка, баба, вылезай! Вылезай, говорю, не то отведаешь кнута!

Он присел перед кучей, упираясь в колени.

Оказалось, баба сидела, вытянув ноги и привалившись к стене. Она выпростала голову из-под накинутой душегрейки и ошалело уставилась на мужчин. Тут же на ее груди тряпки зашевелились, явилось заспанное личико левочки лет трех или четырех. А сбоку высунулось другое лицо – мальчишеское. Возраст Архаров определить затруднялся, понял только, что парнишка недокормленный – бледненький и рожица с кулачок.

– Какого хрена ты уселась спать прямо под полицейскими воротами? – без церемоний спросил Архаров. – Другого места не нашла? Ну-ка, вставай и проваливай.

– Барин мой желанный, – сказала баба, – ты-то ведь мне и надобен, родименький! Ты ведь над колодниками старший?

– Аттестовала! – воскликнул Демка. – Ты, дура, думай, что говоришь!

Баба завозилась под своим тряпьем и оказалась стоящей перед Архаровым на коленях, глаза в глаза.

– Барин миленький! Не вели гнать! Издалека бреду, детишки со мной! Избу бросила, пришла на Москву мужа искать! Добрые люди сюда идти велели! Сказывали, коли муж в колодниках, так тут все ведомо! Христа ради, барин, не гони! Дай мы тут до утра досидим!

– Колодники в тюрьме, а тут полиция, – объяснил Демка. – Крепко твой парнишка кусается! Зубастый чертенок растет!

– Да только и богатства, что зубы! – пожаловалась баба. – Как мой-то из дому ушел, так все захирело, беды одолели! Прибился мой дурак к налетчикам, вместе с ними гужевался, шайку перебили, мой вернулся, потом еще куда-то подался. А потом, сказывали, нашлась и на него управа – видели его добрые люди, как колодников по Москве за милостыней выводили! Я – сюда! Нельзя нам без мужика! Он хоть и дурак, а все – мужик! Своего-то ума ему в дурную башку не вложишь!

Забывшись, баба повысила голос – и голос этот был весьма сварлив. Архаров выпрямился.

– Тут тебе делать нечего, – решил он. – Собирайся, бреди... вот черт, как же ей объяснить?..

– На бастион, что ли? – догадался Демка.

– Ну да, там же еще бараки не пожгли. Или нет, у китайгородской стены есть пустые хибары.

– Вряд ли, что пустые, – возразил Демка.

Архаров задумался.

– Надо будет там облаву произвести, – решил он. – Много любопытного обнаружим...

– Барин милостивый! Так коли не ты над колодниками старший, куда же мне податься? – встряла баба.

– Куды ни подайся, толку выйдет мало, – вместо Архарова отвечал Демка. – Коли он у тебя колодником был, так, поди, давно в сибирскую каторгу сослали. Даже ежели в Москве, в остроге обретается, какая тебе с детками из того польза? Да ни на грош!

– Так я ж ему жена! – возразила баба. – Мне при нем надобно быть! На то и венчались! Да что он без меня может? Кроме как дурастей натворить?! Он у меня дурачок, сам ложки ко рту не поднесет, за него все решать надобно!

– К налетчикам, говоришь, прибился? – уточнил Архаров.

– На другой год после свадьбы, – подтвердила баба. – Ваша милость, знатный барин! Может, видали вы его? У него, у дурака моего, и примета есть! На брюхе, повыше пупа, красное пятно, как мышь бежит! Матушка его, брюхатая, мыши испугалась! И еще...

– Вот ведь дура! – воскликнул Демка. – Нешто его милость с колодниками в баню ходит?! Дурища ты стоеросовая! Пошла отсюда! Во-он туда беги, потом правой руки держись – там тебе будут всякие хибары, ты в двери толкайся. Где открыто – там и ночуй! А сюда больше носу не кажи! И с детишками вместе!

– Что это ты так взъерепенился? – спросил Архаров, когда Демка, поставив бабу на ноги и чуть ли не тычками сопроводив ее в нужном направлении, вернулся обратно. – Не у тебя ли на брюхе то мышинное пятно?

– Кабы у меня – я бы не на другой год после свадьбы, а еще до свадьбы лыжи наострил, – отвечал Демка. – Умная! Муж у нее дурачок! Детей жалко – не дай Бог, в матушку уродились!

Архарову случалось видеть Демку буянющим, но при иных обстоятельствах. У мазов и шуров, а шурзом он себя, очевидно, считал по сей день, коли совсем точно, так шуром на государственной службе, – было заведено иные вопросы решать глоткой, но ор стоял до определенного мига, после коего крикуны как-то сразу увядали и приходили к какому-то одному мнению уже без воплей и угроз. Архаров знал, что это за миг: после него было два пути – либо мириться, либо хвататься за ножи. Опытные мазы довольно быстро понимали, что друг друга им не перекричать, а молодые часто после таких стычек бывали подбираемы в глухих переулках мертвыми и, понятное дело, без документов. И Демка порой одним лишь внезапным заполошным криком умел добиться поболее, чем тот же Тимофей – рассудительностью, или Федька – кулаком.

Сейчас же Демкино возмущение было не наигранным, а вполне искренним, вот только слышалась в нем некая легчайшая фальшь. Да и странно, что подчиненный так вопит при начальстве.

Но время было позднее, объевшемуся Архарову смертельно хотелось спать. Ему недосуг было занимать голову приبلудными бабами. На Пречистенке он прямо в сенях скинул надоевшие башмаки и прямо в чулках, благо в дворне целых две прачки, отправился к себе в спальню. Там не удержался – разложил пасьянс «Простушка», наскоро помолился Богу и лег.

Уже в постели, глядя, как Никодимка на цыпочках бродит, собирая его раскиданную одежду, Архаров вспомнил – куда-то подевался Демка. Обычно Архаров брал с собой в карету кого-то из архаровцев, и Демка вроде бы ехал на переднем сидении, Архаров даже был уверен, что подчиненный будет ночевать на Пречистенке... но куда он пропал потом? На кухню, где в любое время суток повар Потап держал в печи что-то горячее? Или наверх, где в двух комнатах, еще только ожидавших порядочных мебели, имелись пока что для таких ночевщиков топчаны и тюфяки?

Утром, еще лежа в постели, Архаров велел Никодимке кликнуть Демку. И тут выяснилось, что Демка на Пречистенке не ночевал. Приехать – приехал, поприставал к заспанной Иринке, Потаповой дочке, и скрылся, куда – неведомо.

– Ага, – мрачно сказал Архаров. Приставание к пятнадцатилетней Иринке, баловство с которой пресекалось на корню и поваром Потапом, и самолично Архаровым, означало одно – Демка хотел убедиться, что начальство заснуло и более его не позовет.

Архаров сел и в ожидании фрыштика начал вспоминать.

Баба Демку не признала. Кабы узнала – тут же об этом и доложила бы. При таком дурном нраве молчать – хуже каторги. Демка бабу не признал – по крайней мере, спервоначалу. Но был миг, когда он заволновался и стал ее гнать уже всерьез. Архарову запомнилось ощущение фальши – словно бы на воспоминаниях была поставлена метка. И по метке он тут же нашел нужные слова. Демка заголосил про баню... С чего бы вдруг? А баба припомнила приметку на брюхе у мужа.

Пятно – как мышь бежит... Красное. Продолговатое и с отростками, наподобие почти незримых мышинных лапок, что ли? Примета. И знакомая Демке примета!

– Кто из наших в доме? – спросил Архаров Никодимку.

– Никого, ваши милости, – тут же отвечал Никодимка, да с каким еще поклоном! Пальцы растопырены, башка – набекрень, улыбочка, следственно, тоже набекрень! Тьфу!

Архаров аж засопел. Никодимкина страсть к галантерейному обращению уже преступала все разумные границы.

– Бриться и фрыштикать, – распорядился он.

Завтрак был прост – кофе с ванильными сухариками, Шварц присоветовал немца-кондитера, мастера по сухарям. Основательно Архаров ел уже потом – в полицейской конторе, ему приносили два-три блюда из трактира или привозили с Пречистенки. А обедал или в гостях, или уже дома, когда доводилось приехать пораньше.

Сухари он любил – и сладкие немецкие, и русские ржаные. Частенько даже в постели их грыз, чем привадила в спальню мышей. Крошки заваливались за кровать, откуда их не так уж часто выгребали, и порой Архаров слышал там деятельное шебуршание.

Никодимка тут же приволок поднос, установил на маленьком столике, и Архаров молча стал макать сухари в крепкий кофе. Потом пришел черед бритья, причем от соленого огурца за щеку Архаров отказался наотрез – не желал портить приятное послевкусие во рту. Никодимка, причитая, что не добьется на личиках Николаев Петровичей идеальной гладкости, взялся за работу и через четверть часа уже оправлял на Архарове темно-зеленый мундир с таким количеством галунов, что простой человек, угодив за грехи в палаты Рязанского подворья, отступал, сраженный всепоглощающим почтением – не иначе, как генерал-аншеф и обер-гофмаршал в одном лице! Деньги, потраченные на три с половиной фунта золотого галуна, вполне окупались.

На Лубянке Архаров потребовал к себе Демку. Оказалось – полицейский, приучая новичка Евдокима Ершова к работе, ушел с ним вместе – показывать ему какие-то московские закоулки возле Охотного ряда, где, отцепившись от погони, бесследно исчезают шуры и мазурики, чтобы вынырнуть в иных местах. С одной стороны, это было отраднo – Демка щедро

делился своим боевым прошлым, как бы показывая, что возврата нет. С другой – явно скрывался.

Архаров спросил про бабу с детишками. Нет, баба не появлялась. Должно быть, послушалась совета и отправилась в острог.

Наконец Демка вернулся.

– У кого из наших на брюхе красная мышь? – сходу спросил Архаров.

Демка был шустрый парень – тут же смекнул, что попался.

– Да не у наших, ваша милость, я совсем в ином месте то пятно видел.

– И где?

– У лоха одного. Бежал с каторги, прибился к мазам, с шурами дружился, а толку от него – чуть. Баба права – дурак дураком, сущий фаля.

– Ну, ладно. Ступай.

Но это не значило, что архаровская подозрительность, встрепенувшись было, снова задремала. На остроносой Демкиной физиономии вранье было еще не крупными буквами прописано – так, карандашиком намечено. И неудивительно – ремесло у Демки такое, чтобы врать, не краснея.

– Постой! – вдруг приказал Архаров.

Подчиненный резко обернулся.

Тревога на Демкиной остроносой рожице была более красноречива, чем трагедия господина Сумарокова.

– Что Ершов?

– Прозванию соответствует, ваша милость. Ты ему слово, а он тебе десять.

– Выйдет из него толк?

Архаров, принимая новичка на службу, как всегда, исходил из имени. Евдоким – значит «славный». Так что была надежда воспитать хорошего полицейского. Опять же, не со стороны взяли, а из молодых десятских, кое-чему уже обучен.

Демка, польщенный тем, что обер-полицмейстер вроде как с ним советуется, тщательно обдумал ответ. Архаров же наблюдал за его лицом – уловил и беззвучный вздох облегчения, и движение плеч, вздернувшихся было, когда Демка услышал оклик, и исчезновение тревожной складочки между бровями.

– Выйдет, ваша милость.

– Ну, ступай, Клавароша ко мне позови. Он там, поди, в канцелярии дожидается.

Француз явился, поклонился с той самой грацией, которой Архарову так недоставало в его великосветских маневрах, и приступил к докладу, сверяясь с записями на мятой бумажке.

Все это время он суетился вокруг скромного домашнего учителя в семействе отставного гвардейского полковника Шитова, носившего подозрительное прозвание – де Берни. Клаварош отыскал двух человек из той дворни, что набрали шулера для особняка в Кожевниках. Обоим он втихомолку показал учителя, но они его не признали. Но один был истопник, другой – из кухонных мужиков, с господами встречались редко, опять же, прошло время. За это время худощавый господин мог наесть брюшко, а полный господин – отощать, кудрявый господин – облысеть, а молодящийся сорокалетний на вид господин – под воздействием хворобы вмиг обернуться шестидесятилетним.

– Это все? – спросил Архаров.

– Нет, ваша милость, я говорил с его товарищами, с танцевальным учителем Ла Раме, с музыкальным учителем Равальяком, он учит играть на скрипке и на виолончелях. Ла Раме после двух бутылок венгерского обещал дать мне рекомендацию, чтобы меня взяли фехтовальным учителем к мальчику. Ла Раме – парижанин, он хочет найти место у богатой дамы, вдовы, не очень старой, я обещал.

– К Марфе его пристроишь, что ли? – пошутил Архаров. Но шутки ему не давались – Клаварош усмехнулся и пожал плечами с видом человека светского, сглаживающего чужую неловкость.

Удивительно было, откуда во французском кучере с весьма подозрительным прошлым эти манеры не просто знатного человека, а даже человека, воспитанного для красивой жизни, для мира, где положено царить изяществу. Недаром Марфа, не имевшая вкуса, но имевшая острейший нюх, так сражалась за его благосклонность.

– Нет, ваша милость, я не стану искать для него богатую вдову. Я наймусь давать уроки шпажного боя мальчику и попытаюсь увидеть бумаги этого кавалера де Берни.

– Мусью Клаварош, я твой шпажный бой знаю, – уже не шутя сказал Архаров. – Ты дерешься не по-дворянски, я видел. Ты шпагу в руке для приличия держишь, а сам брыкаешься, как стоялый жеребец. Тут же тебя и раскусят.

– Нет, ваша милость, я сумею преподавать правильные уроки.

– Верши мне...

– Некен, ваша милость, не облопаюсь.

Глаза у Архарова полезли на лоб.

Конечно, не было ничего удивительного в том, что Клаварош, пятый год служа в московской полиции, нахватался слов из байковского наречия. Однако до сих пор он при обер-полицмейстере так не выражался. Да еще интонация – не то чтобы вызов, а нечто весьма задиристое... Возможно, это был мелкий, пробный укол – за неуместное упоминание Марфы, примерно то же, что у кулачных бойцов – пытливый удар. И, главное, винить было некого – сам же Архаров первый начал.

Но обер-полицмейстер не стал подбивать француза на новые шалости.

– Как полагаешь, мусью, нужно ли приставить к этому твоему де Берни наружное наблюдение?

– Он из дому почитай что не выходит, – подумав, отвечал француз. – Но дом большой и... и...

Он произвел руками странное, но весьма выразительное движение, быстро проиграв беззвучный клавикордный пассаж длинными пальцами, – для Архарова оно олицетворяло разбегающихся в разные стороны тараканов.

– Бестолковый, что ли?

– Да, ваша милость, бестолковый. Много детей, много женщин... Вавилон!

– Думаешь, если туда кто-то к нему и приходит, этого могут попросту не заметить?

– У меня есть такое подозрение.

– У меня тоже. Ну, приставим к этому дому дня на два, на три Макарку. Глядишь, чего и заприметит.

Тут явился человек с запиской от Елизаветы Васильевны. Княгиня Волконская, зная норы мужнина подчиненного, сама встретила с отставным сенатором Захаровым и обо всем с ним договорилась. Человек сказал, что ответа ждать не велено. Это означало уже не заботу княгини об Архарове, а прямой приказ ехать за картинами. Но обер-полицмейстер сидел в кабинете, занимаясь делами, пока не пожаловал человек от Захарова с иной запиской. Милостивого государя Николая Петровича приглашали навестить болящего и потолковать касательно картин. Отступить было некуда – обер-полицмейстер собрался с духом и поехал наносить визит. Хотя ехать ему сильно не хотелось. Обер-полицмейстер был весьма признателен Захарову за помощь при поимке шулеров, но ощущал некоторую неловкость за то, что из ошибочных соображений заставил его целую ночь проблуждать где-то в Замоскворечье.

Господин Захаров проживал в Никитской улице, неподалеку от Никитских ворот. Привратник был предупрежден о приезде Архарова. Гостя со всем почтением отвели в хозяйский кабинет.

– Добро пожаловать, Николай Петрович, – сказал отставной сенатор. – Анисовой или травничка?

Анисового запаха Архаров не любил, а травничек – это еще какой попадет. Гаврила Павлович умел читать по лицу, даже неподвижному, не хуже, чем обер-полицмейстер, и тут же предложил померанцевой. От нее Архаров не отказался.

Сам хозяин водку пить не стал – сослался на болезнь. Выглядел он совершенно так, как положено сухопарому старцу с морщинистым лицом, беседовал бодро, и признаков хворобы Архаров вроде бы не обнаружил – впрочем, если хвороба давняя, привычная, то следует помнить: они знакомы недавно, и обер-полицмейстер никогда не видел отставного сенатора здоровым. Одет он также был, как положено человеку светскому, а не завернут в какой-нибудь стеганный полосатый архалук.

– Ее сиятельство просила поспособствовать в украшении вашего жилища, – сказал Гаврила Павлович. – А я тому и рад. Когда в доме картина пять лет висит – и то уж на нее глядеть тошно. Мои же тут лет десять пребывают – пора избавляться.

Прозвучало сие по-светски легкомысленно, как ежели б молодой петиметр в кругу таких же лоботрясов рассуждал о надоевшей любовнице. И далее отставной сенатор заговорил о живописцах былых времен, заговорил с легчайшей грустью, как рассказывал бы изгнанник из рая много лет спустя о неземной красоте и прелести. Он называл имена, совершенно Архарову неизвестные, – и с особым французским прононсом упомянул неких гениев, которых звали Мишель-Анж Буонаротти и Леонард Винт.

Архарова мало интересовали художества, привозимые русскими вельможами из Франции и Италии, не понимал он также, как можно держать дома по шести и более десятков картин. Положив приобрести не более трех, подешевле, он с особливым интересом присматривался к Гаврилову. Бывший сенатор в душе уже расстался с любимыми полотнами, чтобы сохранить привязанность простой московской девки из Зарядья. Архарову вдруг сделалось безумно жаль старика, душа которого жила в этих вот древнегреческих храмах, выписанных искусной кистью, под оливами, среди босоногих бородатых пастухов в грубых плащах и полуобнаженных нимф, заманивающих в гроты.

– А вот, извольте видеть, мой Теньер, картина именуется «Прислужник, раскуривающий трубку». Вот сельский вид Ван-дер-Гюзена, вот мой Сальватор Роза... – Захаров указывал, сложив кисть с таким изяществом, что в пору бы записной кокетке и щеголихе.

Странной они были парой, эти двое, бродящие вдоль стен захаровской гостиной: плотный и не желающий совершать лишних движений обер-полицмейстер – а рядом с ним грациозный, словно бы танцующий менуэт, быстрый в движениях Захаров. И коли бы кто близорукий смотрел на них издали, то уж точно ошибся бы, определяя, которому тут семьдесят, которому – тридцать три года.

– Вам именно живописные художества угодны? – вдруг забеспокоился Захаров. – А то имею камни с резьбой, из Италии – Тивериева голова, Орфей, животными окруженный, Минервина голова...

– Да мне бы, Гаврила Павлович, таких художеств, чтобы ее сиятельство поглядела и одобрила, – честно объяснил тогда обер-полицмейстер. – Выберите сами на ваш вкус три или четыре. А что за камни?

Тут-то наконец и проснулось его любопытство. Особливо когда была вынута из коробочки Минервина голова, резанная по слоистой яшме. Архаров принялся задавать вопросы, и отставной сенатор много чего припомнил про античные камеи. Наконец обер-полицмейстер вспомнил кое-что важное.

– А нет ли у вас, Гаврила Павлович, простой красной яшмы?

– Яшмы мясной? – уточнил Захаров. – На что вам? Вид у нее скучный, для камей не подходит.

– Поглядеть, какова из себя...

И тут Архаров, желая хоть как-то отблагодарить хозяина за увлекательную беседу, рассказал про письмо де Сартена и похищенный золотой сервиз.

Захаров выслушал и сделал рукой элегантно движение, призывающее к вниманию.

– Господин де Сартин, стало быть, писать изволил? Дивно мне это – он сам знатный ещик, а такой сервиз – не иголка в стоге сена. Неужто его осведомители маху дали?

Архаров вспомнил, что отставной сенатор не раз побывал в Париже.

– А вы, сударь, с ним знакомы?

– Да, встречались в свете... – несколько туманно отвечал Захаров. – Но он в том доме был под чужим именем, мне приятель мой, маркиз де Бриссак на него указал. В Париже, изволите видеть, свет куда как разнообразней нашего. Я повстречал господина де Сартена в салоне у некоей дамы, которая нашим боярыням показалась бы герцогиней, хотя благородство ее манер было театрального происхождения. Знаете ли, что она под старость лет сделала своим ремеслом?

– Нет, откуда?

– Наше счастье, что у нас пока не завелись такие дамы и такие салоны, сударь. Сия особа не то чтобы прямо состояла на жаловании у полиции, но господин де Сартин тайно ей покровительствовал и оплачивал ее расходы по чаепитиям в приемные дни, а также она получала и иные суммы... Принимала же наша держательница салона несколько раз в неделю господ придворных, литераторов, светских остроумцев, вообще всех бездельников, кои разъезжают из дома в дом, перенося сплетни. И знаете, что любопытно? У нее совершенно не играли в карты. Все, что она предлагала, помимо чая, разумеется, была приятная беседа.

– А дамское общество? – спросил Архаров, решив было, что отставной сенатор рассказывает ему об устроенном на почтенный лад доме свиданий – таких в Париже, по словам путешественников, было немало.

– Нет, дам она почти не приглашала. Хотя маркиз сказал мне тогда, что многие содержательницы борделей и их девицы служат господину де Сартину. Эта же была особа почти из приличного общества. Мы с маркизом были ей представлены, и тогда же я познакомился с господином Ленуаром. Это, сударь, был молодой человек с большим будущим, и господин де Сартин, кажется, воспитывал его, чтобы передать ему свою должность.

Архаров дважды кивнул – так оно и должно быть.

– И при том количестве осведомителей, который явно или тайно содержит французская полиция, мне кажется странным, что она проворонила сей сервиз, – сказал Захаров. Тем более, что он, сдается мне, имеет занятную историю. В последнее время во Франции была лишь одна дама, способная заказать такую милую безделицу с яшмовыми ручками на две дюжины персон. И то лишь потому, что ее счета поступали в государственную казну под видом королевских, теперь-то об этом все узнали и был немалый скандал. Вы, должно быть, слышали такое имя – графиня Дюбарри.

Архаров пожал плечами – сколько он знал, во Франции, а особенно в Париже, куды ни плюнь – в графа или в графиню попадешь.

Собеседник усмехнулся.

– Это, изволите ли видеть, та самая графиня Дюбарри...

Но и тонкий намек ничего Архарову не сказал.

Тогда господин Захаров от души развеселился и повел гостя в свой кабинет. Там он достал из бюро галантные французские гравюры, на которых она графиня изображалась в самом непотребном виде. Архаров уставился на них – и расхохотался.

В последний раз он видел гравированные безобразия еще в Санкт-Петербурге. Переехав в Москву, он, разумеется, таким добром не запасся, а те непотребства, что продавались на Трубной площади и притаскивались порой архаровцами в полицейскую контору, были уж больно

грубы. Самую страшную лубочную картину обер-полицмейстер собственноручно изодрал в клочья не далее как на Прощеное воскресенье, очищая канцелярию от всякой дряни перед Великим постом. Она изображала даму в платье с фижмами, едущую верхом на сгорбленном дядьке. Дядька мало что был со спущенными штанами, так еще извергал из задницы соответствующую материю.

– Извольте, сударь, расскажу, – произнес господин Захаров. – Я как раз успел побывать в Париже, когда ее слава сделалась совсем скандальной. Покойный французский король... впрочем, того вы, верно, и знать не могли... Он был одолеваем скукой. Покойная маркиза де Помпадур... о Господи, кого ни вспомнить, все уж покойные...

Вот тут Архаров поверил, что отставной сенатор не на шутку болен. Глаза у него сделались совсем тоскливые, и обер-полицмейстер положил себе немедленно направить к Захарову Матвея Воробьева, а лучше бы – деда Кукшу, коли удалось бы того изловить.

– Поведаю вам, Николай Петрович, так и быть, пикантную историю о графине Дюбарри. Царствовала сия блудная особа при его величестве лет примерно шесть, и за то время нажила себе множество недоброжелателей. Наиглавнейшую же недоброжелательницу – супругу дофина, нынешнюю королеву французскую Марию-Антуанетту.

– Иначе и быть не могло, – согласился Архаров.

– Было в ней одно похвальное качество – она не пыталась управлять государством, как ее предшественница, покойная мадам де Помпадур. И замков она не строила – кроме Люсьенна, но тут уж ничего не поделаешь, должна же была она свить хоть какое-никакое гнездышко. Однако ж денег на нее уходило порядочно. Все больше на платья, на бриллианты, на фарфор из Севра... тут она, сама того не ведая, завещание мадам де Помпадур исполнила. Та все говорила: коли кто, имея деньги, покупает не севрский фарфор, а саксонский, тот-де плохой француз. Ведь сама она те фарфоровые фабрики в Севре и завела... Так вот, отвечу я на ваш вопрос, почему упоминать о мадам Дюбарри в приличном обществе не рекомендуется...

Вот тут Архаров уже сосредоточился.

– Извольте ли видеть, сударь, когда покойный французский король подобрал свою престолницу, она была не более не менее как модисткой, причем прошла через множество рук и получила лишь то воспитание, которое требуется для амурных дел. А он был немолод и подвержен приступам болезни, именуемой хандра. Развеселить его было трудновато. Покойная мадам де Помпадур еще как-то исхитрялась развлекать его невинными средствами – то прогулки, то театры, то фарфор. Эта, повторяю, иного полета птишка. А потерять любовника лишь потому, что его тоска берет, обидно. И она пустила в ход то, что умела и замечательно знала. Господа, бывавшие в Люсьенне, рассказывали: коли там комедию ставят – так непристойную, коли песни поют – от тех песен хоть святых выноси да и сам выходи. Пляски затевают – один срам. И тем она его развлекала. А ему все сие непотребство было в диковинку и в его-то годы лишь такие пряные штучки и могли сподвигнуть на великие дела...

Архаров невольно усмехнулся, глядя на собеседника. Собеседник уже весьма смахивал на сушеный гриб. Очевидно, был никак не моложе французского короля, однако держал для своей утехы такую бойкую девку, как Дунька, и Дунька даже присматривала, чтобы ей никто дорогу не перебежал.

– Его величество французский король изволили скончаться в начале мая семьдесят четвертого – тому уж, выходит, год. И звезда графини закатилась с поразительной быстротой. Тут же все завопили о ее безобразиях, а главным образом – злейшая ее врагиня, новая королева. И все ей припомнили, до последнего ливра. Она стала имущество распродавать – и тут-то, видно, избавилась от золотого сервиза. А ведь сие художество следовало бы вернуть в казну. Так что вы, сударь, легко можете себе представить восторг государыни, когда ее имя, не приведи Господь, будет впутано в скандал с ворованным имуществом мадам Дюбарри. Из-за какой-то, прости Господи, бляди начнется дипломатическая околесица... тем более, что наши с францу-

зами дипломатические дела едва-едва налаживаться стали, и есть немало доброжелателей, кои бы охотно нас с Парижем заново рассорили. Покойный господин Шуазель сильно нам успел напортить, да что это я все про покойников?.. Не к добру.

– Да уж, – согласился Архаров. – Благодарствую. Да только...

– Что, сударь?

– Не верится мне что-то, чтобы такая подлая девка столько денег имела, чтобы золотые сервизы заказывать и дворцы себе строить.

Гаврила Павлович расхохотался.

– Вам бы, Николай Петрович, за границу съездить, по тем же немецким княжествам прокатиться, тогда лишь поймете, какие деньги тратятся на фавориток. Слава Богу, Россия сей беды не знала...

Тут произошло некоторое молчание. Оба вдруг подумали об одном и том же человеке – о графе Орлове. Его открыто звали фаворитом, и денег на него государыня извела прорву. Теперь вот новое сокровище объявилось – тоже неведомо, чем будет за амуры вознаграждено...

– А коли и заводилась фаворитка, то и смех, и грех... Вы госпожу Каменскую знаете?

– Знаю.

– А какое у нее было прозвание при покойном государе Петре Федоровиче – помните? Распустеха Романовна! Ибо была редкостной неряхой, к тому же злобной и крикливой, однако несколько лет держала при своих юбках великого князя, впоследствии государя. Но не слишком из государственной казны поживилась. Побрякушек понавыпрашивала – и только. Разумнее всех вел себя покойный государь Петр Алексеевич. Тот, сказывали, каждой метреске, будь хоть прачка, хоть графиня, за амуры рубль платил, говорил: более сие не стоит. Так что от фавориток нас Господь избавил...

И опять было молчание, потому что обсуждать особу графа Орлова и его преемника, господина Потемника, ни Архаров, ни Гаврила Павлович не желали.

– Простите, сударь, покину вас на минутку, – сказал Захаров и быстро вышел из кабинета. Но обер-полицмейстер заметил – лицо старика отразило внезапную боль. Видно, не такую уж внезапную – отставной сенатор не испугался, а поспешил за лекарством в спальню.

Архаров стал рассматривать графиню Дюбарри во всех подробностях, и за этим занятием застал его лакей. За лакеем шел, стуча вечной своей тростью с круглым стальным набалдашником, доктор Воробьев. Ничего странного в этом не было – Матвей считался одним из лучших врачей в Москве, и Захаров отыскал его без архаровского посредничества.

– Ты тут для чего? – удивился доктор и вытаращился на Архарова.

Матвей знал про Дунькину ночную беготню с Ильинки на Пречистенку.

– Слушай, Николашка, заberi ты ее у него, Христом-Богом прошу, – прошептал Матвей. – Она ж его в гроб загонит.

– Дунька-то? Эта может.

– Дурак ты – что бы она могла, кабы он настойку шпанской мушки не пил?

Архаров знал, что не только на старости лет для мужской мощи пьют эту дивную настойку, но о вреде, ею производимом, не подозревал. Так и сказал Матвею.

– Ну, иногда, может, и не вредно, – растолковал тот. – Ну, раз в неделю, не чаще! И то – понемножку, по капельке, за час перед амурными шалостями. Он же, старый дурень, эту настойку ложками хлебать принялся, как мужик – пустые щи. Вот и не может больше часа усидеть, бегаеt в нужник, как беременная баба. А всякий позыв – сильная боль...

– Вон оно что...

– Дуньке хоть скажи – он же себе во вред для нее старается... чш-ш-ш... о чем-нибудь говори...

Архаров вдруг вспомнил – есть же у него дело к доктору. Может, он опознает в слове, употребленном государыней, какую-нибудь мудреную хворобу.

- Матвей! Что есть инже... чтоб ей сдохнуть... иже...
- С этим к Устину Петрову, – тут же отозвался доктор.
- Устин в хворях не смыслит. Инжедействие.

Матвей сделал круглые глаза.

- Нет такой хвори, Николаша.
- Тогда... – Архаров тяжело задумался. Попытка не удалась.
- Да ты здоров ли, Николаша?
- Пошел к монаху на хрен. Государыня слово сказала, никто объяснить не умеет.
- А слово, выходит, инжедействие?

Архаров задумался. Теперь, когда он услышал это свое изобретение из Матвеевых уст, оно оказалось вовсе не похоже на умное слово государыни.

Вошел Захаров – походкой петиметра и щеголя, с особой игрой руками и глазами, причем сие получалось у него отнюдь не вычурно, не по-дурацки, как если бы безнадежно пытался подражать молодым, а словно отставной сенатор родился со светской сноровкой. И на лице его была полуулыбка – словно этот человек никогда не ведал телесных страданий.

– Ты, сударь мой, безнадежен, – произнес свой вердикт доктор Воробьев. – Хоть и обер-полицмейстер. Как есть люди, чья голова виршей не вмещает... твоя, впрочем, тоже не вмещает... Стой, придумал! Знаешь, Николашка, кого бы надо к тебе в полицию завербовать? Елпидифора.

– Какого еще, на хрен, Елпидифора?! – Архаров был не в том состоянии, чтобы шутки понимать.

- Ну как же? Сие имя значит – «надежду приносящий»!
- А-а... точно...
- Ну, Николай Петрович, надумали что брать? – осведомился Захаров.

Архаров кивнул.

Если княгиня не ошибается в намерениях государыни, то картины лучше повесить благопристойные. Вот чем плох сельский вид с мельницей? Будет себе висеть и висеть, не привлекая лишнего внимания.

Архаров показал два парных пейзажа, вид с мельницей и впридачу – некое мифологическое изображение с белыми храмами, пастухами, нимфами, овцами и синим южным небом. И тут оба, продавец и покупатель, несколько растерялись. Обер-полицмейстер понятия не имел, сколько стоят картины, а отставному сенатору тоже было неловко называть цену – он, слава Богу, не купчишка из Охотного ряда. Матвей сообразил, в чем дело.

– У меня приятель есть, немец, миниатюрные портреты пишет и иными художествами приторговывает, я его к вам пришлю, пусть оценит, – сказал доктор. – А теперь, господин обер-полицмейстер, уступи место Эскулапу.

Захаров усмехнулся – он-то всех греческих богов знал наперечет, Архаров же должен был вспоминать, что за Эскулап такой.

Вспомнил уже в карете. И одновременно – ту хворь, которую поминала государыня. Иноземное слово в верном его виде повторял про себя, пока не прибыл в полицейскую контору.

- Клавароша ко мне! – сказал он, проходя в кабинет.

Клаварош тут же явился.

- Скажи, мусью, что такое индигестия?

Француз задумался.

Он хорошо наместачился говорить по-русски, но происходило его искусство от умения использовать каждое известное ему русское слово и составлять фразы только из них. Иной собеседник ввек бы не догадался, что Клаварош знает этих слов хорошо коли полтысячи. Смысл вопроса он понял, только не имел в своем словаре ничего соответствующего.

– Брюшная хворь, ваша милость, – сказал он наконец, – когда брюхо своего долга не исполняет.

– Прелестно...

Он кликнул кого-нибудь из канцелярии – продиктовать записочку к Матвею с диковинным словом, и чтобы посыльный требовал с него ответ. Сразу никто не прибежал, и Архаров отправился разбираться. Он не был сердит, просто по своему гвардейскому прошлому помнил: приказ должен исполняться незамедлительно и без рассуждений, а с секундным промедлением уже следует бороться.

Возле канцелярии он увидел Шварца, Шварц пожаловался, что на дворе стоит огромная лужа, если пройдет еще дождь – вода начнет стекать в подвальное окошко. Пошли смотреть лужу.

Она была необъятна – вроде в прошлые годы так не разрасталась, но убрать ее было несложно – воду разметать метлами, а углубление в земле засыпать и утоптать. Архаров поглядел по сторонам в поисках рабочих рук и увидел в дальнем углу Тимофея, Федьку, Демку и Ваню Носатого. Они о чем-то совещались втихомолку, и вдруг Тимофей довольно громко выругался.

Архаров привык к тому, что этот его подчиненный всегда спокоен, рассудителен, терпелив. Сейчас же Тимофей выглядел совершенно расстроенным, потерпевшим некую вселенскую конфузию.

Обер-полицмейстер обошел лужу и пошел к архаровцам. Его заметили, замолчали, и по лицам было видно – он притащился очень некстати. Особенно Тимофей и Демка не обрадовались начальству – Тимофей глядел в землю весьма удрученно, Демка же – с некоторой злостью.

– Ну, что еще стряслось? – спросил, подходя, Архаров. – Что за беда? Костемаров, это ведь с той бабой увязано, которую ты от нашего крыльца турнул. Ну-ка, докладывай, у кого из наших на брюхе пятно – как мышь бежит? Не то всех вниз отправлю – и ты, Ваня, все брюха оглядишь и доложишь.

Федька открыл было рот – да и замер, опомнившись. Пресловутая круговая порука, которой повязали бывших мортусов, сейчас работала против Архарова – они не имели права выдавать друг дружку...

– У тебя, Тимоша? – никак не показывая своего недовольства, задал вопрос обер-полицмейстер. Догадаться было нетрудно, опять же, архаровцы не первый день знали своего командира – даже не удивились.

– Приплелась на мою голову!.. – с тоской прошептал Тимофей.

– А чего на дуре женился?

– Так кто ж знал? Я овдовел, детишки без ухода, кого-то ж надо было брать...

– И что детишки?

– Не уследила, дура, оба померли. Да у нас к тому времени уже свой народился. Я потерпел немного – да и пошел прочь.

– Не врала, стало быть, баба?

Этот архаровский вопрос был адресован Демке.

Демка потупился.

– Далее.

– Ушел. Прибился...

– К налетчикам. Далее.

– Господь уберег... ну, вернулся...

Тимофею было сильно неприятно вспоминать подробности той давней, дополицейской жизни.

– Опять удрал, – спокойно продолжал Архаров, который, оказывается, кое-что запомнил из бестолкового рассказа бабы.

Тимофей покивал.

– И с перепугу до Мурома добежал. Да ладно тебе, я бы тоже от такой сбежал. Что делать будешь, коли она тебя сыщет?

– Ваша милость, а нельзя ли его куда-нибудь отправить? Ну хоть в Санкт-Петербург? – встрял Федька. И в глазах у него был восторг – он сам наслаждался тем, как старается выручить товарища.

Архаров тут же перевел взгляд на Демку. Федька был прост – что на уме, то и на лице. Демка же – хитер, да только и он не всегда умел за своим личиком уследить.

– Ваша милость! – воззвал Федька, глядя на обер-полицмейстера с надеждой. – Она ж не уйдет, она так и будет по Москве околачиваться, пока до правды не доберется!

– А ты ее знаешь? – спросил Архаров, вспомнив, что оба они, Тимофей и Федька, вроде бы тверские.

– Да вроде видал... – тут догадливый Федька по глазам Архарова понял, что его вранье может выйти боком. – Она тетки моей куме как-то сродни приходится. Я тогда еще знал, что у нее муж в бега подался. Бабы так и толковали – сама-де из дому выжила, вот и осталась без мужа с сыном да с прибылью...

– Я не знал, – хмуро сказал Тимофей. – Кто ж мог знать, что с прибылью?.. А только жить с ней не стану, хоть убейте.

– Значит, прибежал, когда налетчиков твоих повязали, отоспался, отъелся, брюхо бабе своей вдругорядь набил, а потом до тебя дошло, что жить с ней не могу, и ты добежал до Мурома? – безжалостно допытывался Архаров. Когда он после чумы принимал и осваивал полицейское хозяйство, то и узнал много любопытного про мортусов. О том, что Федька в пьяной драке на свадьбе у родни убил приятеля, Архаров знал и раньше. Воровское прошлое Демки было у него на роже написано. Насчет Вани – и сомнений быть не могло. А вот, слушая, как Саша читает связанные с Тимофеем бумаги, удивлялся – этот крепкий неторопливый мужик затесался в ватагу, которая целую зиму грабила купцов на муромской дороге, и взят был чудом – до того ловко уходил, путая след, от погони.

– Два месяца только и побыл с ней...

– Прелестно. И она только теперь додумалась искать тебя на Москве?

– Черт ли ее разберет.

Архаров хмыкнул. Что-то следовало предпринять. Если баба добредет до острога да, чего доброго, найдет сердобольных слушателей, то имя Тимофея Арсеньева может оказаться им знакомо – тут-то и заорет слушатель: беги к Рязанскому подворью, баба, твой муж в архаровцах служит!

Кабы он эту Тимофееву жену своими глазами не видел и своими ушами не слышал – то и махнул бы рукой: разбирайся сам со своей бабой. Но он, хотя и говорил с подчиненным сурово, душой был на его стороне и выдавать его на растерзание дуре не желал.

Мысль явилась вовсе неожиданная...

– А вот что! – воскликнул Архаров. – Знаю, как ее отвадить! Федя, крикни Сеньке – пусть экипаж к крыльцу подает! Тимоша, поедешь со мной.

Федька смотрел на Архарова с таким восторгом, что получил в последнюю минуту приказание вставать на запятки вместе с Иваном.

– Сенька, гони в Зарядье! – велел обер-полицмейстер.

Карета понеслась вдоль китайгородской стены, свернула на Варварку, затем во Псковский переулок, и далее – в Ершовский.

Марфа была на дворе, вешала белье, когда раздался стук в ворота. Она подошла к калитке и увидела архаровский экипаж. Федька, соскочив, отворил дверцу, обер-полицмейстер выбрался и сразу вошел во двор, архаровцы, еще ничего не понимая, – следом.

– Марфа Ивановна, у нас – товар, у вас – купец! – не поздоровавшись объявил он. – Наоборот то есть! В общем, принимай жениха!

Марфа попятилась. Архаров выпихнул вперед сильно смущенного Тимофея.

– Этот, что ли? – вмиг заинтересовалась Марфа. – А что ж! Дитина здоровенный! В годах, правда, так ведь и я не первой свежести невеста! Согласна! Благословляй, батюшка Николай Петрович!

– Да ну тебя! – возмутился Тимофей, отступая. – Ваша милость Николай Петрович! Она ж этак не на шутку меня к алтарю потянет!

– Надобно, чтоб он у тебя пожил, – объяснил Марфе Архаров. – За ним баба притащится, станет домогаться. Мы-то ей укорот дать не можем, поскольку они с моим дураком повенчаны, по закону она права, а ты ее за милую душу и из Зарядья, и из самой Москвы в тычки выставишь. Тебе – можно, потому как это ваши бабьи дела.

– А я-то обрадовалась... – Марфа еще раз оглядела статного и плечистого Тимофея. – А и ладно, пусть поживет! Может, что и получится. Так что перебирайся – я тебе внизу постелить велю.

– Прямо сейчас, – добавил Архаров. – Час тебе на новоселье даю. Хрен ее знает, когда она до тебя доберется...

Тимофей остался, Архаров указал Федьке на запятки и вернулся обратно в полицейскую контору.

Всю дорогу он посмеивался, воображая поединок между Марфой и той безымянной бабой, от которой следовало спасать Тимофея.

Но, войдя в кабинет, он об этой дурусти уже не помнил – его ждал Михей, только что вернувшийся из Санкт-Петербурга.

– Заходи. Ну, что столичные шуры? – любезно спросил Архаров. – Мне не кланялись?

– Они бы и рады поклониться, так ваша милость сламу на клюя не берет, – тонко польстил Михей. – Коли позволите, я в канцелярии донесение продиктую.

– А на словах?

– Никто ни о каком сервисе не слыхивал. В полицейскую канцелярию писем не приходило, купчишки-посредники знать не знают. Один гирячок мне вот что сказал: большой парадный золотой сервис ведь и весит поболее двух пудов, статочно, что три, и места, коли его бережно везти, занимает немало, его так просто в Россию не протащишь. Стало быть, на таможене кому-то барашка в бумажке поднесли, да и немало барашка...

– А коли мимо таможни? Я знаю, матросы в трюмах слона спрятать могут.

Михей усмехнулся.

– Ваша милость, зимой корабли в Петербург не приходят, да и до Пасхи, поди, тоже не могли пробиться – там же весенние шторма. А вы про сервис еще задолго до Пасхи узнали.

– То бишь, коли его к нам водой повезли, то он, когда мне Сартин писал, еще в Париже обретался? – Архаров задумался. – Коли он знал, что покража под носом, и ее повезут морем, чего ж сам не взял?

Михей развел ручищами – ответа на такой вопрос у него не было да и быть не могло.

– Поди, продиктуй – с кем встречался, что разведал, все подробно.

Следовало бы сесть, да со Шварцем, с Абросимовым, с Тимофеем дружно подумать – каким путем прибыл блудный сервис из Франции в Россию. Но в коридоре уже набился народ – и с донесениями и «явочными», приходилось браться за работу. Даже странное поведение Демки Костемарова, в иное время не оставшееся бы без внимания, – и то вылетело из головы...

* * *

Изба была обыкновенная – даже не нищего житья, а принадлежащая благополучному крестьянскому семейству. Посередке, как водится имелась печь с широким устьем, в подпечке сохли дрова. Рядом стояли лопата для углей и ухват на длинном катовище. Напротив печи висела на шесте люлька с дерюжным пологом, приспособленным так, чтобы задерживать тепло, шедшее от печи, и обогреть дитя. Слева от печи стоял высокий светец с погашей лучиной, справа – стол, в углу, одно на другом, ушаты и кадушки, тут же висело на стене большое решето.

Что за крашенинной занавеской – Тереза не знала и знать не желала.

В люльке захныкал ребенок. Он распеленался, холстинка, на которой он лежал, сбилась, и солома, устилавшая люльку, колола дитя. Тереза даже не повернулась. Этот мир был ей чужд, и она хотела совершать как можно менее движений в нем, вообще окаменеть – в надежде, что тогда она перестанет воспринимать его шумы и запахи. Единственно – когда мухи, гудевшие непрерывно, пытались сесть ей на лицо или на руки, она их отгоняла.

Одновременно появились старуха из-за грязной занавески и мужик в дверях. Мужик был еще молод. Хотя на дворе пригревало солнце, он был в высоком меховом колпаке, из-под которого виднелся один нос, а дальше – торчала светлая борода. Этот мужик в коротком буром армяке, от которого несло псиной, в холщовых портах, с ножищами, толсто обмотанными онучами и криво перехваченными оборами лаптей, подошел к люльке первый, подобрал тряпочный рожок, потерянный ребенком, и сунул обратно в ротик. Дитя замолкло, старуха вернулась на свое место, где сидела беззвучно, мужик поправил холстинку и без единого слова ушел. Как Тереза не желала замечать их – так и они не желали замечать Терезу. Кто-то велел им терпеть, пока эта закутанная в черный атлас женщина молча сидит за столом и ждет. Они и терпели.

Тереза не могла бы сказать, сколько времени сидит за этим столом, опираясь локтем, и глядит на неровную щель между выскобленными досками. Время уже ничего не значило для нее – она знала цену долям секунд, когда играла, и не понимала, даже не желала понимать, куда подевался год жизни. Словно бы проспала его, сидя на постели с открытыми глазами и не осознавая смены дней и ночей.

Она и раньше не была разговорчива, теперь – могла бы при желании перечесать те слова, которые произнесла за время своего то ли изгнания, то ли заключения. Больше сотни бы, поди, не набралось.

Лишь раз встрепенулась было Тереза – зимой, когда толстая девка, собравшись топить печь в ее комнатухе, принесла на растопку листы плотной бумаги, расчерченные нотными линейками. Тереза выхватила у нее из рук ноты и некоторое время смотрела на них, даже не пытаясь воспроизвести в голове записанную музыку. Это было – словно весточка из иного мира, покинутого ею и покинувшего ее, казалось, навеки.

Кто переписал – а ноты были начертаны от руки, старательно, и это выдавало молодость музыканта, без летучей небрежности, означающей, что рука не попевала за душой, в глубине которой уже зазвучала мелодия, – эти скрипичные и басовые ключи, эти гроздья созвучий, кто – и чью музыку хотел сделать своей этот человек? Чернила выцвели, а стопку нот, найденную на антресолях, погрызли мыши. И Тереза поняла сей тайный знак судьбы – она теперь сама была, как эти немые ноты без начала и конца.

Ей даже было по-своему хорошо, что в доме, куда ее привезли, не оказалось музыкальных инструментов.

Оказались же там старик-хозяин, глухой на левое ухо, ключница – ровесница его, несколько человек прислуги, и вся усадьба производила тягостное впечатление разоренного гнезда: сыновья выросли, ушли служить да где-то на чужбине, в Пруссии, головы сложили, единственная дочь вышла замуж и укатила с мужем Бог весть когда и куда, присылая письма к

Пасхе, к Рождеству и к отцовским именинам. Хозяйка же умерла, ненадолго пережив сыновей и оставив мужа в вечной растерянности: как же жить дальше одному-то?

Но Тереза, смутно осознав, что в опустевшем доме поселилась тоска о детях, не стала доискиваться подробностей – ей вполне хватало ее собственного смятения.

Ее привезли ночью, и человек, который ее привез, отдал хозяину письмо и имел с ним короткий разговор наедине. После чего Терезу отвели в комнату, куда сразу пришла девка и застелила свежим бельем постель с двумя перинами. Спать в них оказалось душно, и Тереза попросила девку убрать хоть одну. Та сильно удивилась – как же без перин? И хорошо, что она не послушалась странной гостьи. Наступила осень, и Тереза оценила свои перины по достоинству.

Кормили ее убого – живя в Москве, она даже не прикоснулась бы к такой пище. Но точно так же питался хозяин – и Тереза, не обращая внимания на вкус, съедала редьку с луком под конопляным маслом, тощих вяленых подлещиков, черный тертый горох, вареную репу. Подавали ей еще похлебку из каких-то мелких рыбешек с просом или с пшеном, подавали похлебку с грибами, еще бывали иногда щи с сомовиной. Тут она впервые попробовала и окрошку, и зеленые щи, и даже гречневую кашу. Впрочем, ей было все равно, что продлевает ее существование. Похожее состояние она знала в чумной Москве – но тогда было желание все прекратить наилучшим образом, под музыку, теперь же Тереза не хотела ни смерти, ни жизни, вообще ничего – лишь бы это безрадостное существование не сменилось каким-то иным, требующим усилий ума и тела.

Ей было все равно.

Она ощущала себя отражением хозяина, которому тоже было все равно, до такой степени, что он смотрел сквозь Терезу, когда они встречались в столовой. Ключница же поглядывала на нее косо, но молчала.

Всю осень, всю зиму, всю весну Тереза провела в этой усадьбе, не выходя даже в сад – у нее не было теплой одежды. Несколько раз ей приходила мысль уйти отсюда – но она понятия не имела, куда, а главное – зачем. Мир за пределами старой усадьбы казался ей враждебным. Даже если бы ей принесли шубу, шаль, валенки, подали бы к крыльцу хороший возок, в котором установлена маленькая печка, – она бы лишь помотала головой. Необходимость впустить в жизнь нечто новое вызывала у нее страх – она была, как больной, которому наконец удалось устроить тело так, чтобы боль почти не ощущалась, и мысль о движении вызывала страх перед возвращением боли.

Единственное, что Тереза знала о своем местожительстве, – оно было в шести верстах от села, куда отправили в ссылку больного Мишеля, возможно, отправили умирать.

Некого было спросить, как он исхитрился взять с собой Терезу, как устроил ее на жительство в старую усадьбу. Да и какое это имело значение? Кто-то выполнил его приказание, кто-то оставил хозяину усадьбы денег. И Тереза жила... как если бы он взял ее с собой – в смерть...

Ее жизнь здесь тоже была своего рода смертью. Если бы у Терезы спросили, как она представляет себе тот свет, где каждому воздается по делам его, она бы сказала: именно так, старым и запущенным домом, где изо дня в день – все то же, жалкая пища, жалкие лица, немота и глухота.

Она не думала о будущем – ей уже казалось, что ее поселили тут навсегда. Она не вспоминала о прошлом – ей было стыдно о нем вспоминать. Начиная с того дня, когда она, обезумев от волнения, взглядом сказала Мишелю, что ему все позволено, начиная с той первой ночи, когда он прокрался к ней в комнату, все словно покатилося лавиной крупных камней с крутого откоса. Она желала быть вместе с этим невероятно красивым юношей – но осознавала невозможность брака. Она была готова родить ребенка, чтобы привязать Мишеля, и в то же время – готова наложить на себя руки, если обнаружится беременность. Затем семейство Ховриных забыло ее при бегстве из чумного города – и тогда смерть стала желанной, остава-

лось лишь обставить ее понаряднее, чтобы она была не грубым и тяжким умиранием плоти, но вознесением души. Клаварош спас ее – но она совершенно не ощущала благодарности, своим вмешательством он нарушил некую внутреннюю гармонию ее жизни – где страсть к Мишелю могла разродиться только смертью.

Затем Тереза познала растерянность – следовало как-то жить дальше, но для этого – отсечь прошлое. Ей казалось, что ни у кого более нет в прошлом такого ослепительного огненного шара, в котором сплелись вместе страсть к мужчине и музыка, настолько сплелись, что одно без другого было уже невообразимо. Такое прошлое отсечь было невозможно, однако она слишком долго ждала вознесения души в опустевшем особняке, сидя за клавирами, и в шаре словно что-то перегорело, его пламя уже не сжигало дотла, а лишь причиняло ожоги, наподобие свечного воска, и Тереза невольно спускалась все ниже и ниже с той вершины, на которую сама себя загнала. Станный подарок Архарова помог ей окончательно отказаться от прошлого, от всего целиком, но Тереза не подумала об одной мелочи – мало было умертвить в душе музыку, следовало как-то умертвить и Мишеля, а пока он жив – освобождение невозможно.

Модная лавка несколько развлекла ее, оказалось, что Тереза умеет вести денежные дела, и это радовало – живут же тысячи женщин без всякой музыки и без любви, что же, она станет одной из них, и ее место в жизни будет не самым худшим. Возвращение Мишеля, возвращение музыки сбили ее с толку. Ей почудилось, что прошлое можно восстановить точно таким, каким сохранила его душа – то есть, искаженным, облагороженным, более гармоничным и ярким. Но пылкая страсть Мишеля была подобна его игре на клавирах – в бурных аккордах была та неточность ритма, те неверные удары по клавишам, тут же перекрывавшиеся верными, которых не заметит разве что совсем неопытный дилетант, или же влюбленная женщина, принимающая музыку как начало опьяняющей ласки.

Его загадочные исчезновения и внезапные возвращения стали подобны отступлению и возвращению изматывающей болезни; болезнь, впрочем, была из тех, с которыми больной умудряется сродниться, так что ее отсутствие вызывает ощущение душевной пустоты – нечем занять себя, нечем выделиться среди людей здоровых, нечем подпереть, как ворота палкой, свою исключительность в этом пошлом мире.

Когда Мишель явился к ней, едва держась на ногах, она должна была сказать ему твердо: возвращайся, откуда пришел. Но не смогла. Этот смуглый и светлоглазый красавец обладал странной властью над ней – тогда лишь это и стало понятно до конца. Слыша его голос, то повелительный, то вкрадчивый, она теряла способность к сопротивлению. Это состояние удивительного безволия словно предвещало осень, зиму и весну в неизвестно чьей усадьбе.

За это время Тереза получила семь писем от Мишеля – на французском, с ошибками. Он называл ее своей любовью и клялся, что встреча близка. Она читала в какой-то полудреме – встреча так встреча, близка так близка...

Возможно, она в своей покорности обстоятельствам находила некое странное наслаждение – как если бы несла кару за грех неразумной любви к музыке и к Мишелю и верила в искупление этого греха столь необычным способом. Или же, устав от страха, играла сама с собой в опасную игру – доводила свое состояние до крайности, чтобы произошел взрыв и душа вырвалась на свободу. Или же ею владело поочередно и то, и другое отношение к своему добровольному заточению в старой усадьбе.

Восьмое письмо от Мишеля было кратким и повелительным. Терезе предписывалось собрать вещи и следовать за посланцем туда, куда он приведет ее. О дальнейшей судьбе Терезы Мишель не сказал ни слова.

Вещей у нее было немного, да и те она охотно бы оставила толстой девке, до такого состояния довела их жизнь в усадьбе, где не было возможности следить за собой так, как привыкла француженка.

В нужный час Тереза вышла в сени. Имуущество свое она держала в узле, спрятанном под черной атласной накидкой. Слава Богу, уже можно было выходить в этой накидке, не боясь замерзнуть. Никто из обитателей усадьбы не вышел ее проводить – как если бы у них оставили до выздоровления большое животное, захромавшую лошадь или собаку, а теперь, не тратя времени, забирали.

Она встала на крыльце, подняла голову к небу – и ощутила желание вернуться в маленькую свою комнатку с низким потолком, с душными запахами от стен, перин, одеяла. Ей стало страшно – возвращение в огромный и враждебный мир ничего хорошего не сулило. И только тягостное ощущение долга перед Мишелем заставило ее сойти с крыльца.

Экипаж, поданный к калитке, несколько ее удивил – это была простая телега, правил подросток в розовой рубашке. Посланец Мишеля, немногословный мужчина лет сорока с небольшим, дурно говорящий по-французски, помог Терезе забраться в телегу и сесть на мешок, набитый сеном. Сам он сел в седло и рысцой сопровождал француженку примерно четыре версты. На краю длинной деревни подросток, не дожидаясь приказа, остановился у ворот. Мужчина помог Терезе сойти, отвел ее в избу и велел здесь ждать. Он даже не спросил – нуждается ли она в чем-либо, в питье или в пище. А Тереза ничего не сказала – в конце концов, у нее были при себе деньги, и она могла купить все необходимое.

Двор был грязный, вымощенный гнилой соломой, в которой башмачки Терезы утонули едва не по щиколотку, но она спокойно дошла вслед за провожатым до приоткрытых дверей. Ей указали на лавку, она села – боком к столу, всем видом показывая случайность своего появления здесь.

Ждать пришлось долго.

Но она все еще не ощущала течения времени.

Поскольку сидеть совершенно без движения она все же не могла, она еще не до такой степени окаменела душевно, пальцы ее правой руки постукивали по столешнице, сперва касаясь ее беззвучно, затем – ударяя чуть сильнее.

И пальцы ожили. Их машинальные движения обрели смысл. Растопырившись, они уже били в доску поочередно, запястье приподнялось, явился сухой отчетливый ритм. Беззвучная музыка проснулась и заиграла пальцами, единственным своим прибежищем в теле Терезы.

Это была лучшая в мире – для тех, кто понимает, – музыка, которая безупречно накладывается на перестук конских копыт в галопе. И неудивительно было ее возникновение – где-то очень далеко уже били в подсохшую глину проселочной дороги стертые подковы, били вразнобой, но разве это имеет значение?

Тереза глядела на свои пальцы, а память ее вывалила тут же все сохраненные осколки сонат, все аллегро и аллегро престо, среди которых так легко было сейчас найти нужную мелодию.

Она выпрямилась, она повернулась к приоткрытой двери. Ей было страшно того, что стук копыт окажется настоящим и в ее спасительную для души неподвижность вторгнется нечто опасное, увлекающее в пропасть.

Быстрые шаги пронесли по вязкой и чавкающей соломе.

Дверь скрипнула, вошел Мишель.

Тереза даже не поняла сразу, что это он. Свет в избу проникал через маленькие окошки под потолком, Мишель был в широченной черной епанче и в треуголке без плюмажа, надвинутой на лоб. Лицо... лицо изменилось, не то чтобы осунулось, а утратило юную мягкость черт и округлость. Казалось, кости стали крупнее и кожа на них натянулась, сделавшись от того тоньше и приобретя пергаментную сухость. Мишель, бывший моложе Терезы на два года, сейчас глядел тридцатилетним мужчиной, давно не ведавшим спокойствия, мирного сна, приятной беседы.

Она даже не встала, а просто смотрела на него, все отчетливее понимая, что жизнь в усадьбе не была отдыхом для души, что душа все это время как-то непостижимо трудилась, и вот сейчас сделалась ясна вся ее усталость.

– Идем, любовь моя, – сказал Мишель. – Все переменялось! Идем, мы долго ждали, но дождались своего часа! Ты и вообразить не можешь, сколь я благодарен тебе за то, что ты меня не бросила... я не мог позвать тебя, но я знал, что ты тут, что ты рядом... идем, идем, время наше настало!..

Он взял Терезу за руки, словно помогая ей подняться, и она покорно встала, и увидела его глаза – светлые, безумные, любимые.

Красота вернулась, лицо было вновь узнано и принято.

Губы соприкоснулись – это не было еще поцелуем, так – знак близости минувшей и близости будущей, обещание нежности, не более. И Тереза поняла, что у нее еще хватит душевной силы, хватит ненадолго, чтобы сопровождать Мишеля в его странствиях и авантюрах, а когда сила иссякнет – она просто умрет.

Мишель вывел ее из вонючей избы, у ворот стоял экипаж – старая берлина, сзади были привязаны сундуки и коробья.

– Мы возвращаемся в Москву, любовь моя, – говорил Мишель, обнимая Терезу за талию. – Есть люди, которые знают мне цену. Для нас уже готово жилище! Мне помогут отомстить...

– Но твоё здоровье?.. – наконец спросила она, хотя и так было понятно – проведенная в запертом холодном доме ночь крепко подкосила Мишеля, и не надобно врачей, чтобы разглядеть болезнь в его глазах, ощутить ее при объятии. И еще дыхание – он слишком часто делал вдохи, воздух с трудом проходил сквозь его горло и в легкие, и из легких.

Той ночью он, ругаясь и даже однажды заплакав, рассказал ей, что в младенчестве много болел, и уж не чаяли, что выживет. Она не знала этого, не знала также, что восьмилетним ребенком он, едуци весной с родителями из гостей, попал в неприятность, словно бы предвещавшую все последующие: их сани на переправе провалились в полынью. Людей вытащили быстро, согрели в ближайшем доме, но это стоило Мишелю двух месяцев, проведенных в постели.

– Здоровье мое вернется, а для этого необходимо главное – отомстить. Едем, любовь моя, едем! – твердил он, подсаживая Терезу. – Все вернется, мы еще будем счастливы, мы поедем в Париж! Клянусь тебе, и года не пройдет, как мы будем жить в Париже!

Карета заколыхалась на колдобинах, Терезу и Мишеля качнуло, они прижались друг к другу.

– Знаешь ли ты древнюю историю? – спросил вдруг Мишель. – Я готов крикнуть кучеру Фомке: вперед, ты везешь Цезаря и его счастье!

В восторгах Мишеля было нечто тревожное.

– Я не хочу в Париж, – сказала Тереза.

Для Парижа она уже не годилась – стала стара, некрасива, и то единственное, чем могла бы она выделиться в свете, музыка, отдалилось от нее. В Париже она прежде всего потеряла бы Мишеля – хватило бы юных светских прелестниц, желающих осчастливить светлоглазого русского графа.

– Поедем, куда пожелаешь, любовь моя. Но сперва – московские дела... Я знал, что меня найдут. Рано или поздно нашли бы, я знал, все получилось даже лучше, чем я полагал... этот болван Горелов!.. Какого черта он вздумал жениться неизвестно на ком? Все наши неудачи начались с этой невозможной глупости его! То-то теперь его сиятельство счастлив и блажен! Взят с оружием в руках – так он же сам сделал все возможное, дабы его взяли с оружием в руках! Непременно ему надобно было затеять спектакль с присягой!.. Господь уберег нас, любовь моя, Господь ведет нас... но я не покину Москвы, не рассчитавшись с этим ублюдком!..

Тереза слушала голос и пропускала мимо разума слова. Однако желание Мишеля мстить ее обеспокоило. Она довольно знала пылкий нрав возлюбленного и полагала, что, обзаведясь врагом, Мишель не уgomонится, пока не заколет этого врага шпагой или сам не рухнет с кровавой пеной на губах.

Но спрашивать она не стала. Она не хотела ни о чем спрашивать. Жизнь снова менялась, и Тереза еще недоверчиво, но уже с любопытством наблюдала эти изменения.

Скрипели каретные колеса, дребезжало что-то под днищем, постукивало, попискивало, словно эта древняя берлина была живым существом, левиафаном на службе Мишеля, и с прилежанием доброго слуги несла их с Терезой в иной мир – в мир гармоничных звуков, в мир одушевленных голосов. А за оконцем, в щели между занавесками, была живая молодая зелень – не та тусклая, которая даже не радовала Терезу сквозь годами не мытое окно ее комнаты, а зелень, победившая черно-белую зимнюю палитру. И воздух! Пока Терезу везли из усадьбы в избу, она не находила в нем радости – ее после затхлых запахов усадьбы раздражал запах свежего конского навоза, не более. Теперь же, в карете, она вдруг поняла, что можно дышать полной грудью и получать от этого наслаждение. Мелочь лепилась к мелочи – и жизнь возродилась во всей пестроте флорентийской мозаики, составленной из полудрагоценных камней – оттенков, может, не чрезмерно ярких, но изысканных.

Страх отступил – надолго ли?

– Он мне за все заплатит, клянусь! – пылко сказал Мишель. – Ты видела, какое у него было лицо? Ему приятно издеваться над людьми! Когда он велел запереть нас в том доме, он знал, что это погубит меня! Он знал, что я едва держусь на ногах – и оставил меня в том доме! На всю ночь! Доктор объяснил – если бы не это, болезнь, сидящая в легких, не стала бы подниматься вверх, к горлу, но меня вылечат... У меня к нему обширный счет – и есть люди, которым он досадил не менее. Ты можешь заказывать по нему панихиду, любовь моя, ведь он был тебе так дорог!..

Этот внезапный упрек был как удар когтистой хищной лапой по обнаженному телу спящего человека. Тереза повернулась к Мишелю так решительно, как только могла – они сидели в обнимку, и это недовольное движение могло бы даже привести к поцелую – так близко оказались лица, глаза, губы.

– Я не понимаю тебя. Мишель, кого ты обвиняешь, кому хочешь отомстить?

– Виновнику всех бед наших – и, поверь, жить ему осталось менее недели!

Она уже догадывалась, кого осудил на смерть граф Ховрин, но не хотела пускаться в беседу о виновности или же невинности этого человека.

Мишель же, напротив, требовал, чтобы она ввязалась в спор, дающий ему возможность доказать свою правоту.

– Может быть, тебе жаль господина Архарова, которому ты столь обязана? Не думай об этом, любовь моя, ведь ты давно уже вернула ему деньги! Участь его решена, он никого более не погубит и никому не встанет поперек дороги, о, ты даже вообразить бессильна, какая против него плетется интрига! Это будет знатный удар! Двор содрогнется!

Тут карета попала в выбоину, Терезу и Мишеля подбросило, они невольно оттолкнули друг друга.

Когда Мишель снова заговорил, это был уже другой человек, спокойный и деловитый.

– Прежде всего надобно сменить твой гардероб, любовь моя. Подумай, что тебе необходимо, чтобы не тратить на приобретение лишнего времени. Жить мы будем не в самой Москве, а в Тушине, квартира для нас уже готова. Я даже велел поставить в гостиной клавикорды...

И тут Тереза поняла, что никогда в жизни более не прикоснется к клавишам.

Это решение было разом и предчувствием беды, и какой-то неотвратимой карой. До сих пор она сама определяла свои отношения с музыкой, но теперь появилась посторонняя сила, имевшая право либо даровать ей музыку, либо лишить ее музыки окончательно. И эта сила

была как-то связана с московским обер-полицмейстером. Тереза еще не понимала, как именно, однако внутренний голос принялся повторять то, что сказал ей Мишель об Архарове. Об этом некрасивом офицере с обнаженной шпагой, который все не желал и не желал уходить из темной гостиной ховринского особняка.

Архарова ждала смерть. Архарова ждала смерть. Архарова ждала смерть...

* * *

– Ваша милость, я продиктовал донесение, – сказал Макарка. – Сейчас господин Щербачов кончит перебивать и принесет!

– Чего ж ты ему так много надиктовал? – спросил обер-полицмейстер. Парнишка ему нравился – был скор, находчив, весел, исполнительен.

– Я, ваша милость, точно описал всю дорогу, а как я улиц не знал, то говорил приметы!

– Хорошо, хвалю.

Такие слова от Архарова слышали крайне редко. На сей раз он хотел показать Макарке, что доволен, не только по случаю удачного наружного наблюдения за господином де Берни, но и с расчетом на будущее – чтобы впредь служил усердно. Награда была точно отмерена и выдана в сопровождении кивка и полуулыбки.

Хорошо еще, что Архаров не додумался до орденов, имеющих хождение внутри Рязанского подворья. То-то бы суеты вокруг них развел – иному давал, у иного отнимал. А ведь был уж близок к тому, когда с помощью Абросимова разбирал загадочные бумаги, найденные на месте ограбления. Сперва показалось было, что воскрес маркиз Пугачев и принялся в новых манифестах развешивать титулы и чины своему неграмотному воинству.

«Дом его сиятельства князя Федота Панкратьевича Ахлебаева, канцелярия, стол 2-й исполнительный» – так начинался первый документ, ввергший Архарова сперва в недоумение, потом в хохот: в России не было князей Ахлебаевых! Далее шла деловая переписка относительно зайца, принесенного кучером Степаном и гривенника в вознаграждение за онога зайца, занимавшая шестнадцать листов. Листы зачитал вслух Саша, присутствовавшие при сем Архаров, Шварц, Абросимов, Тимофей и Щербачев к концу уже едва не рыдали от смеха. На всякие шалости были гораздо мелкие помещики, но устроить дом свой сообразно чуть ли не Сенату, на возвышенно-канцелярский лад, с присутствиями, столами, отделениями, слушаниями и резолюциями, включая ордер ключнице Фекле на изготовление жареного зайца, – до этого, пожалуй, один этот Ахлебаев и догадался.

Однако самозванец был симпатичен Архарову своим желанием расставить дворню по ступенькам, устроить для каждого систему наград и перемещений со ступеньки на ступеньку, словом – возбудить в людях своих желание хорошо служить, пусть и за ничего не стоящие почести.

Вот и сейчас Макарка прямо расцвел от столь редких в архаровском обиходе слов.

– Давай-ка, молодец, начни доклад, а бумагу я потом погляжу, – усугубил обер-полицмейстер свое благоволение.

Шестнадцатилетний Макарка приосанился и, стоя перед архаровским столом пряменько, как на параде, заговорил весьма бойко.

– Я, ваша милость, как велено, пошел на наружное наблюдение. Как господин Шварц учить изволил, сперва все оглядел, где парадные двери, где двор, где ворота, нарисовал карандашом, извольте...

Макарка добыл из кармана мятый листок и, несколько смутившись из-за его неприглядности, положил на стол.

– Вот так Столовый переулочек, вот так – Скатертный, вот дом вдовы Огарковой, извольте видеть – переулочки узкие и длинные. Вот тут двор, тут выход в Скатертный, а вот так и вот так можно дворами пробраться в Столовый.

– И ты там открыто лазил? – недовольно спросил Архаров.

– А я у господина Шварца в чулане ливрею взял, башмаки с белыми чулками, корзинку. Ходил, спрашивал – не забегала ли господская моська, знаете, ваша милость, есть такие гладкие, с плоскими рыльцами, и на ходу хрюкают.

– Шварц научил?

– Он, ваша милость, нас с Максимкой многому учит. Мы умеем вдвоем сопровождать! – похвастался Макарка. – А Демьян Наумович научил из кармана бумаги вытаскивать совсем неприметно...

Архаров решил про себя, что наука, конечно, для архаровца полезная, однако Демьяну Наумовичу следует дать хорошую оплеуху, чтобы не портил мальчишек. Тут же явилась другая мысль – отчего не Яшка-Скес, известный шур, обучает их воровским ухваткам, а именно Демка? Сразу последовал ответ: Яшка, повязанный круговой порукой, более или менее честно выполняет обязанности, и коли завтра велено будет архаровцев распустить, на его бледной роже не отразится решительно никакого страдания, он преспокойно вернется к прежней жизни; Демка же рвется вверх, желает добиться чинов и денег, вот и совершает благодеяния, о коих его никто не просил.

Для обер-полицмейстера эти хитросплетения человеческих интересов, эти запутанные связи между его подчиненными были куда занимательней французских романов, даже в артистическом чтении Клавароша.

– Продолжай, Макарь Иванович...

Макарка улыбнулся – понял, что это обер-полицмейстерская неуклюжая шутка.

– Так, ваша милость, я там пошарил и три выхода сыскал. Этот господин Шитов, у которого наш человек служит...

Архаров усмехнулся – паршивец прелестно скопировал интонацию бывалого полицейского.

– Так он во втором жильце комнаты снимает, и я со двора на окна глядел – там из крайнего окна можно запросто на крышу каретного сарая перебраться, только это не огарковский сарай, а соседский.

– И ты решил, что почтенный господин будет по крышам скакать?

– Так он и скакал же!

Вот тут Архаров и поднял наконец глаза от Макаркиного плана.

Глаза подчиненного не лгали – он точно видел, как немолодой француз благородной внешности, свидетельствующей о склонности к кабинетным занятиям, ночью выбрался в окошко, как ежели бы его в двери не выпустили, и дворами, огородами, закоулками отправился в сторону Козьего болота.

Это было еще одно недоразумение московской жизни – в трех шагах от Тверской доподлинное болото с прескверной репутацией.

Болото как таковое для холмистого города было не в диковинку – вот ведь и Балчуг по-татарски значит «болото», и на Неглинке, у самого Охотного ряда есть топкое место под названием Поганый брод, да и вспомнить, где казнили маркиза Пугачева... Но ни одно не обросло столь страшными преданиями.

Окрестные жители, тараща глаза, жутким шепотом сообщали о живущем на дне запущенных и заросших Патриарших прудов чудовище, которое хватает и утаскивает под воду гусей, уток, даже свиней, что пришли на берег поваляться в грязи, даже тех пьяных дураков, что лезут туда искупаться. И вроде неглубоко, а шарить баграми бесполезно...

Архаров же полагал, что нечистая сила – сама по себе, а лихие люди, спускающие в болото труп загулявшего купца, сначала освободив его от одежды и от кошелька, – сами по себе.

Дурная слава болота каким-то загадочным образом увязывалась с его названием, о чем Архаров не знал. Были Козьи болота и в Киеве, и в Муроме, и в самом Санкт-Петербурге, каждое славилось своими пакостями. Московское, кроме всего прочего, еще и благоухало примерно так же, как Неглинка.

Было время, когда с этим злом пытались бороться – еще патриарх Иоасаф велел выкопать три рыбных пруда, питавшиеся подземными ключами, и таким образом осушил эту местность. Кроме всего прочего, выращивали там коз, на продажу шли и молоко, и шерсть, откуда и взялось название болота. Но император Петр Алексеевич избавил Россию от патриархов, ухоженная Патриаршая слобода захирела, за прудами не следили более, и болото вернулось на прежнее свое место. Отдельные его края были вовсе непроходимыми.

– Стало быть, ты провожал его до болота? – спросил Архаров.

– Нет, ваша милость, он раньше в дом вошел.

– Что за дом?

– Вот тут, – Макарка осторожно показал на план местности.

– А улица?

– Я приметы запомнил. Там церковь приметная.

– Прелестно. И что – ты ждал его у дома?

– Я, ваша милость, вздумал подождать на лавочке, – жалобно сказал Макарка, – там лавочка у ворот стояла, а я с раннего утра в наблюдении... Задремал, поди, а он либо там остался, либо как-то иначе вышел, либо я его не заметил... я до рассвета сидел, глядел...

Следовало выругать парня, но Архаров сдержался. Кабы он знал, что француз ночью в окно полезет, то велел бы наладить попеременное наблюдение, чтобы трое человек поочередно присматривали за домом вдовы Огарковой. И то еще диво, что Макарка торчал там до полуночи и увидел сию странную вылазку.

– Позови Арсеньева, Клавароша, Савина.

Архаров отдал Федьке донесение Макарки и отправил их обоих разбираться, в каком таком доме исчез господин де Берни. Жеребцов получил приказание наладить более основательное наблюдение за французом. От Клавароша потребовалось пространное описание всего, что он подметил при своем знакомстве с учителем.

Архарова более всего интересовало положение этого учителя арифметики в семействе отставного гвардейского полковника Шитова. Должен же быть какой-то договор с хозяином о труде и вознаграждении, а также об условиях проживания.

Сам он, не имея детей, никогда учителей не нанимал, но если бы нанял – первым делом запретил бы приставать к дворовым девкам, совершенно не заботясь, где француз будет удовлетворять амурные побуждения.

– Когда сам я служил в учителях, то кондиции были таковы: от хозяина кровать со всей постелью, две пары платья... Меня научили соотечественники, что надобно писать «купленное сукно», потому что эти господа могут приказать сшить кафтан из сукна... м-м-м...

Клаварош изобразил руками нечто вроде маятника.

– Сашка! – крикнул Архаров.

Саша, сидевший в соседней комнате, тут же явился.

– Клаварош, как это будет по-французски?

– Tisse sur metier a bras.

– По-русски?

Саша на мгновение задумался.

– Домотканый, поди, ваша милость.

– Не уходи. Клаварош, продолжай.

– Еще в кондициях пишут шубу, рубашки, башмаки, чулки. Будет или нет человек для услуг... Еда с господин... господского стола. Деньги – мне обещали сорок рублей в год, а когда окажу иные услуги, будет иная плата.

– Пишут ли что о домашнем распорядке – когда можно уходить со двора?

– Я не писал. А когда бы хотел покупать одежду сам – то платили бы восемьдесят рублей. Но проверяли бы, дабы одет был непостыдно моей должности, сукно на кафтан не меньше рубля аршин, шерстяные чулки и платье холстинное – не велено.

Архаров хмыкнул – зимой он сам предпочитал простые шерстяные чулки, потому что – поди знай, куда понесет тебя в ближайшие полчаса нелегкая из теплого кабинета...

– Ты, мусью, встреться-ка с тем кавалером еще раз. Пожалуйся – сыскал-де место, да только со двора уходить не велено, так не надобен ли его хозяевам кучер, который по уговору дважды в неделю будет по вечерам уходить на два, на три часа. Придумай что-нибудь – метреску-де завел...

– Я придумую, ваша милость.

Отпустив всех, кого приспособил к слежке за учителем-французом, Архаров стал собираться в Пречистенский дворец. Нужно было доложить государыне, что она вольна переезжать в Коломенский дворец – он безопасен от всяких неприятностей, а заодно и уточнить время ее паломничества к Троице-Сергию. Кроме того, он был приглашен на обед.

Архаров уже освоился в обществе государыни, но прекрасно видел – чем-то не угодил, лицом ли, фигурой ли, и менее всего грешил на многословие, а князь Волконский тоже не догадался подсказать, чтобы подчиненный растолковывал императрице свои мысли менее дотошно – не с дурочкой же говорит, а с умнейшей дамой во всей империи.

Но тут бы он зря потратил время: отнюдь не сомневаясь в уме государыни, Архаров постоянно помнил, что она – женщина, а значит, существо, нуждающееся в руководстве, иначе наломает дров. Если сему очаровательному существу не объяснить все досконально – совесть замучает...

Государыня была занята делами, Архаров приготовился ждать. Во дворце толклось немало народу – иные званы на обед и прибыли заранее, иные – в каких-то непонятных надеждах, иные – и просто по службе, поскольку жили тут же, во дворце, и даже не имея на тот час никаких обязанностей, все равно околачивались среди знатной публики. Тем более, что при выходе государыни следовало присутствовать возможно большему числу дам и кавалеров, хотя к столу после этого отправлялось с ней человек сорок.

Архаров рассчитывал после обеда блеснуть своим умением играть в бильярд – если государыне угодно будет забавляться бильярдом, а не картами, шахматами или шашками. Чаще всего она, как ему уже было известно, играла в карты, но и к бильярду несколько раз подходила.

Ожидая, он внимательно оглядывал придворных, определяя по их поведению степень близости к государыне. И зазевался – не заметил, как рядом с ним встал отставной генерал-майор Шестаков. Жил он на Большой Дмитровке, Архаров знал его дом напротив Успенского храма, построенного добрых двести лет назад. С храмом постоянно возникала путаница – многие москвичи почему-то привыкли его звать храмом преподобного Сергия, хотя этому святому был устроен лишь один из приделов.

Шестаков явно был зван к обеду, и Архаров знал, за что старику такая милость – в Москве было недостаточно гостей классных чинов, так что и отставному генералу выпадала порой такая удача. Для такого случая их с самого начала собрали и представили государыне. Тут-то Шестаков и повеселил общество.

Екатерина Алексеевна считала долгом с каждым перемолвиться словом. Вот и Шестакову, когда он раскланялся, сказала любезно и с приятным сожалением в голосе:

– Я вас до сих пор почти не знала.

– Да и я, матушка государыня, вас не знал, – со всем московским простодушием объявил радостный Шестаков.

– Да где и знать меня, бедную вдову! – таков был немедленный ответ.

После чего всякое появление Шестакова в Пречистенском дворце уже вызывало у придворных любопытство: чем-то еще повеселит?

Один лишь Архаров вовсе не желал находиться в момент веселья рядом с невольным проказником. Ему все казалось, что общий смех относится и к тем, кто случайно оказался поблизости от Шестакова.

Не успел он отойти, как явилась государыня и пошла вдоль ряда красавиц, приседающих в реверансах, и склоненных в поклоне кавалеров. Многим говорила нечто благодушное, делала вопросы, выслушивала ответы, завязалась некая общая беседа и, оказавшись рядом с Архаровым, императрица, продолжая ее, обратилась к Шестакову:

– А ваш дом где, Федор Матвеевич?

– У Сергия, государыня, – отвечал генерал-майор.

– Да где же этот Сергей?

Архаров забеспокоился – сейчас явится, что один и тот же храм имеет два прозвания, и не окажется ли, что полиция и за такими недоразумениями обязана следить?

– Против моего дома, ваше величество, – объяснил Шестаков.

Государыня несколько нахмурилась и, кивнув Архарову, прошла дальше, а оставшиеся у нее за спиной придворные тут же принялись шепотом перешучивать старика.

Пока он думал, что означает сей кивок, к нему подошли немолодые супруги, граф и графиня Матюшкины. Как-то мгновенно оказались рядом, всем видом показывая, что сопровождали государыню и лишь на шаг от нее отстали в этом шествии.

Графиня Анна Андреевна и смолоду была собой нехороша, зато сообразительна, услужлива, и умела понравиться высокопоставленным дамам. Когда государыня тридцать лет назад вышла замуж за племянника императрицы Елизаветы Петровны Петра Федоровича и сделалась великой княгиней, к ней, кроме прочих знатных особ, была приставлена в качестве фрейлины молодая (в двадцать четыре года-то незамужняя!) княжна Аня Гагарина. Она умудрилась явить свою преданность великой княгине и одновременно сподобиться благосклонности императрицы. Просидев в девках до тридцати двух лет, княжна вдруг нацелилась на жениха, который мог почестся первым при дворе красавцем, хорошего рода, хотя шалопай. Анна Андреевна сумела привлечь к делу своего сватовства саму императрицу и благополучно сделалась госпожой Матюшкиной. Эту историю Архарову рассказал Шварц – он немало помнил приключений из прежнего царствования. Супруга ее восемь лет спустя возвел в графское достоинство австрийский император Франц, так что Дмитрий Михайлович стал графом Римской империи – кстати, не единственным в России. Государыня же Екатерина в день своей коронации пожаловала бывшую фрейлину в статс-дамы.

Архаров недолюбливал большой свет. Ему все казалось, что он забавляет этих богатых и высокомерных господ. Скрывая волнение, он старался быть безмолвным, как каменный истукан, но вдруг срывался в какую-то потешную суетливость, которая самого его изрядно бесила. Однако с этими супругами следовало взять весьма сдержанный тон – что бы ни толковал Михайла Никитич, а государыня их за что-то недолюбливала.

– Что, батюшка Николай Петрович, все сервиз мадам Дюбарри ищем? – вдруг спросил граф. – Наслышаны, наслышаны! Сказывали, изумительной работы сервиз, полировка – истинное художество... Мы с Анной Андреевной уж об заклад бились, я ваш давний почитатель, говорю ей – сыщет господин Архаров сервиз! Так она мне сказывает – нет, да и только.

Графиня молчала, не оправдываясь.

Архаров безмолвно послал чересчур разговорчивого отставного сенатора Захарова к монаху на хрен.

– До сей поры вы все покражи на Москве находили, – продолжал граф, – так Анна Андреевна и полагает, что именно этого орешка вам не раскусить! Не все ж кумплиманы выслушивать... а я, батюшка, в ваш талант верю и хоть сейчас готов государыней дарованную табакерочку против оловянной пуговки поставить, что коли тот сервиз доподлинно в Москве – вы его из-под земли откопаете!

Архаров знал про себя, что чрезмерно подозрителен. Но обвисшее лицо отставного красавчика ничего хорошего не выражало, голос был фальшив и ехиден. Супруга, опытная по части придворных контр, молчала и улыбалась. При ней никак нельзя было высказаться по-мужски.

Эта парочка совершенно испортила Архарову удовольствие от обеда, и без того невеликое.

В довершение неприятностей, государыня неважно себя чувствовала, куталась в большую накидку поверх широкого платья на русский лад, и о бильярде не могло быть и речи. Доложить – доложил, а блеснуть не удалось. Может, и к лучшему – потом, уже едучи к Рязанскому подпорью, Архаров сообразил, что у него хватило бы дурости обыграть императрицу, а сие придворному успеху мало способствует.

Да еще чета Матюшкиных... Теперь весь двор будет знать, что Архаров ищет блудный золотой сервиз. Есть он в Москве, нет его в Москве – уже безразлично, может, он и вовсе в каком-нибудь Лиссабоне, но если обер-полицмейстер к Троице его не найдет – позор обер-полицмейстеру!

Чтобы уж было одно к одному, он принялся вспоминать все свои служебные упущения за последнее время, готовясь устроить нагоняй виновникам, и вспомнил-таки кое-что весьма подозрительное.

Явившись в кабинет, Архаров потребовал к себе Тимофея, Демку и заодно уж Федьку с Ваней Носатым – всех четверых, кого он застал недавно на дворе обсуждающими несуразное появление Тимофеевой жены.

Ваня поспешно явился из нижнего подвала в кожаном фартуке на голое тело. Уж что они там со Шварцем затевали – и подумать было жутко.

После комической Ваниной попытки жениться на брюхатой девке Архаров все думал, как бы ему помочь. Он знал цену честной службы, он видел, что Ваня делает то, что ему малопривычно, однако трудится на совесть и в дуростях не замечен. И Архаров остро ощущал несправедливость судьбы по отношению к Ване – мужик отрекся от своего дурного прошлого, стиснув зубы, выдерживает непростое обязательство круговой поруки, но дороги наверх из нижнего подвала ему нет...

Прочие пришли не сразу (Архаров в иное время удивился бы, что они околачиваются в полицейской конторе, а не занимаются делом), получили нагоняй за промедление, возразить не осмелились. Архаровцы уже подметили – налеты на высший свет обычно так и завершаются, командир недоволен, орет на правого и виноватого.

Архаров оглядел их всех, стоящих перед ним в ряд.

– Тимоша, ты уж которую неделю у Марфы живешь, что – приходила твоя дура?

– Нет, ваша милость, не приходила, – отвечал тот, даже не поправив начальство: счет его проживанию у Марфы еще не приходилось вести на недели.

– И нигде более не появлялась? И у острога ее не выдывали?

Ответа он не дождался.

Тимофей насупился – уж он-то должен был хоть до острога добежать, предупредить солдат, чтобы гнали бабу взащей. Ваня Носатый стоял прямо, а глазами косил то на Тимофея, то на Демку. Демка же уставился в пол, и на остроносой рожице было сильнейшее недовольство. Как ежели б обер-полицмейстер встрял не в свое дело.

– А странно, братцы, что Тимофеева баба так и не появилась, – глядя не на всех, а на одного лишь Демку, сказал Архаров. – Ни в остроге, откуда бы ее к нам послали, ни сюда прибрела, ни Марфе глазыньки выцарапывать... Диковинно все это.

– Ваша милость, баба простая, дура, потерялась на Москве, кого спрашивать – не знает, – тут же бойко ответил Федька, и Архаров подивился остроте его чувства: Федька, который в этом деле был вовсе ни при чем, уловил опасность, нависшую над товарищами, по одному лишь прищуре начальства, и тут же ринулся на защиту. Круговая порука!

– А может, прижилась где-то, – предположил Демка. – Пустили на чей-то двор, поладила с хозяевами. Или умные люди искать отговорили, домой побрела.

– Оно бы неплохо, – вздохнул Тимофей. – Чтобы от меня отвязалась...

В кабинете отчетливо повеяло враньем. Следовало кончать церемонии да говорить с этими господами так, как они разумеют.

– Ты, Демка, клевый шур, да только верши! – Архаров повысил голос. – Ты Тимофееву елтону к Китайгородской стене ночевать послал, в пустые ряхи, сам со мной поехал, ночевать не остался, я знаю. Куда ты с Пречистенки среди ночи ухлял? Кубасью укутать вздумал?

Это было прямым обвинением в убийстве.

– Да режь ухо – кровь не канет! – вдруг диким голосом заорал Демка.

Федька только рот разинул, что лишний раз подтвердило его слабое знакомство с миром шуров и мазов.

Тимофей же хищно оскалился.

– Не там шарить, талыгай! Он масовской елтону не косал! Он – шур, шуры не жулят!

При такого рода светских беседах главное было – чтобы не вломился кто посторонний.

– Так где басвинска елтону скоробается? – спросил Архаров Тимофея, мало внимания обращая на готового снова вопить и рвать рубаху на груди Демку.

– А хрен ее знает! – отвечал Тимофей. – Где б ни скороблялась – лишь бы от меня подале!

– Ага, – согласился Архаров. – А лучше всего – в царствии небесном. Вы мне вершите! Чтоб отыскали кубасью и мне живую показали. И без обмана! Я ее харю помню. Пошли вон.

Все четверо молча выперлись из кабинета.

Архаров крепко задумался, чувствуя, что вроде приходит в себя и после придворных реверансов, и после крика.

Ему нравились они оба, и рассудительный хозяйственный Тимофей, и не в меру шустрый Демка, за которым порой, как на поводу, тащился Федька. Однако полицейского, который из лучших побуждений прирезал ночью бабу, Архаров у себя держать не желал. Он знал – коли среди архаровцев начнутся такие опасные дурачества, то все бывшие мортусы тут же вспомнят прошлое, и удержать их от безобразий станет уже невозможно.

Заглянул Шварц с исписанными листками – результатом длительного допроса убийцы, чья вина подтверждалась множеством свидетелей, и лишь некоторые важные подробности были пока неясны.

– Жив? – имея в виду убийцу, спросил Архаров.

– Водой отливают. Ваша милость, там Костемаров и Арсеньев выражаются неудобь сказуемо, Савин слушает и соглашается. Вашу милость поминают пертовым мазом.

– Знаю, Карл Иванович.

Шварц помолчал, ожидая объяснений. Но не дождался. Архаров не хотел раньше времени настраивать немца на следствие в недрах самого Рязанского подворья.

– Я вижу, вас одолевает некое сомнение, – сказал Шварц.

Архаров промолчал.

– Сомнение должно быть не более, чем бдительностью, иначе оно может стать опасным, – с таковым афоризмом Шварц поклонился и ушел.

Архаров посидел еще немного и понял, что ни черта путного сегодня не сделает. Хотя дел и забот было превеликое множество. Настроение испортилось совершенно. Следовало отдохнуть...

В столе у него лежала карточная колода. Это были модные итальянские карты, «зеркальные», в которых одна половина как бы отражалась в другой, тонкой гравировки. У обер-полицмейстера прямо руки чесались разложить хоть простенький пасьянс. И был такой – назывался «Простушка».

Прежде, чем стасовать колоду, Архаров раскидал ее по столу.

Разлетелись по красному сукну, занимая отведенные им места, короли – Александр, Давид, Цезарь, Шарлемань с боевым топориком. Явили свои высокомерные красивые личики дамы, особо хитро скосил на обер-полицмейстера глаз червовый валет Ла Гир.

Архаров собрал их воедино, выложил из карт большой крест рубашками вверх, стал открывать их, перемещая и добывая недостающие из колоды. Всякий король оказался при даме: Давид вступил в краткосрочный союз с Рашелью, Шарлемань – с Лукрецией. Для тех, кто умеет раскидывать карты на судьбу, эти союзы были полны тайного значения. Архаров не умел – но каким-то предчувствие, предвестием потянуло вдруг от разноцветных фигурок. Александр Македонский накрыл собой красавицу Юдифь... вспомнилось то небольшое из древней истории, что неизвестно зачем застряло в голове: Юдифь кому-то отрубила голову. Вряд ли, что отважному воителю Александру, но все же...

Пасьянс не ладился, и Архаров снова сгреб карты, сбил их в ровную колоду.

– Кто там толчется? Заходи! – крикнул он.

Невзирая на хандру, приходилось, встряхнувшись, заняться делами.

* * *

Федька также был в хандре.

Когда Архаров решил произвести облаву во всех китайгородских хибарах, захватив при этом бараки чумного бастиона, Федька сразу догадался – дело не в том, что поблизости от Кремля угнездилась всякая подозрительная шелупонь. Там можно встретить нищих, которые пособляют мазам и шурам, там можно встретить юродивых, девок можно встретить, на которых и плюнуть-то погано. Эта публика, зная, что в Москве гостит государыня, затаилась – кому охота спознаться лишний раз с батогами или розгами?

Очевидно, Архаров полагал найти след Тимофеевой жены.

Федька безмерно хотел, чтобы эта дурная баба отыскалась наконец вместе с детишками, чтобы Тимофей получил причитающийся нагоняй и чтобы все это дурацкое дело забылось. Но он подозревал, что баба пропала основательно, и крепко чесал в затылке. Амузантная история о том, как Тимофея настырная жена отыскала, да как он от нее по закоулкам прятался, грозила превратиться в совсем неприятное дело. Тем более, что Архаров еще не взялся его раскапывать. А как возьмется...

Когда кто с кем в чумную пору живет в одном бараке, ездит на одной фуре, да еще плечом к плечу орудовал крюком, отгоняя взбесившихся фабричных от бараклов с больными, то возникает связь хуже всякого родства – родственника и послать через два хрена вприсядку нетрудно, а тут куда пошлешь? Совесть ведь тоже быть должна...

Сильно огорченный этой историей и предвидящий для друзей новые неприятности Федька отправился с Макаркою разбираться – где пропал этот таинственный господин де Берни.

Следуя по Макаркиным указаниям и сверяясь с приметам, они оказались на Спиридоновке. Это была улица хоть и старая, однако с домами относительно молодыми. Еще при царе Петре Алексеевиче на соседнем Гранатном дворе взорвалась пороховая казна, от чего начался

жестокий пожар. Прежняя Спиридоновка вся выгорела, и ее до сих пор толком не застроили. Селился тут разный народ – в основном люди не бедные, а ближе к Никитским воротам – и вовсе начали ставить свои обширные усадьбы знатные дворяне.

– Дальше куда? – спросил Федька.

– Вот церковь!

– И что – церковь?

– Колокольня приметная – как три стопки, одна на другой. Я так и продиктовал. И луковка сверху совсем крошечная.

– Церковь ты, стало быть, признал, – невольно в разговоре с младшим подражая спокойствию Архарова, сказал Федька. – А от нее куда?

– Так не от нее, а к ней... – Макарка задумался. – Я когда обратно шел, ее заметил, когда прошел мимо того вон двора... сбился с пути малость, темно же...

Они малость покрутились вокруг Спиридоньевской церкви, единственного на Москве храма, что носил имя этого святого, и нашли искомый двор. Он оказался владением графов Воронцовых и как раз занимал часть немалого пустыря, что возник после пожара между Спиридоновкой и Гранатным переулком.

Гранатный двор погорел не весь – остались от бывшего великолепия каменные руины в самом начале Спиридоновки. Москвичи неохотно наводили на улицах порядок – пока ни у кого не дошли руки до этого приземистого здания, выстроенного «глаголем», в два жилья, с остатками крыши.

К ним-то и вывел Федьку Макарка, предварительно заплутав меж какими-то курятниками.

Федька что-то такое слышал, вроде бы этот край участка принадлежал братьям Орловым, а может, и не этот вовсе. Был бы тут Демка, знавший Москву вдоль и поперек, – у него бы спросили, но Демку Архаров отправил по иному делу.

– Здесь и сгинул, – показал рукой Макарка.

– Здесь же не живут... – с сомнением глядя на заброшенный дом, отвечал Федька. – Сам погляди – сюда и входить-то страшно. Вон, трещина по стене пошла...

Они усталились на древнее здание, столь отличное от новых особнячков и усадеб на Спиридоновке. Хотя оно стояло грязное, закопченное и годное разве что на слом, но светилось на стенке сине-зеленое пятнышко – остатки нарядного изразца. И небольшие оконные проемы, и карнизы, и крыльцо, и каменные трубы-дымники – все было стародавнее, являло образ той Москвы, которой почитай что не осталось более.

– Так, может, он туда проскочил? – Макарка показал пальцем направление.

– Куда тебе туда? Там какое-то учреждение, поди, – глядя на довольно новое здание, сказал Федька. – Ну-ка, сбегай, разузнай.

Пока Макарка бегал, он прошелся взад-вперед, прикидывая, куда мог подеваться ночью на этом страшном пустыре не имеющий фонаря человек.

– Там канцелярия и полковой двор Преображенского полка! – доложил Макарка.

– Ну и на хрена ему туда ночью ломиться?

По всему выходило – странный француз зачем-то притащился в опасную и грозящую рухнуть ему на голову руину. Может статься, у него тут была назначена встреча – только вряд ли что амурная. Весьма неприятно было бы в самый сладостный миг быть погребенным под древними сводами, не выдержавшими любовных сотрясений...

Вообразив себе сие печальное зрелище, Федька засмеялся.

Стало быть, господин де Берни либо прятал тут нечто, либо с кем-то встречался, и вероятнее, что второе. Место такое, что никто туда без особой нужды не полезет. В первом жилье стены, поди, еще довольно крепкие... подвал?..

Федька знал, что при любом пожаре подвал скорее всего уцелеет. Сам лазил по опасным подземельям, когда выслеживали шулерский притон. Вспомнилась Варенька...

Он еще раз посмотрел на стены, сложенные из старого крупномерного кирпича, и представил, каковы могут быть своды в том подвале.

– А посмотрим? – спросил Макарка.

– Не сейчас. Глянь – люди ходят, тут же начнут нос совать. А тут дело такое... – Федька сдвинул брови, придал лицу серьезный вид и завершил: – Государственное.

Оно и впрямь было государственным – если де Берни, уцелев после разгрома притона, вновь пожаловал в Москву – то вряд ли с целью пожертвовать миллион серебром на воспитательное заведение господина Бецкого. Он, скорее всего, рассчитал, что на праздник съедется множество народу, в том числе и дикие помещики из Заволжья, привыкшие самовластно править в своих владениях размерами с какую-нибудь Данию либо Померанию, но совершенно беззащитные перед опытным карточным обманщиком. Но помещики – свои, а вот иностранные дипломаты, коли будут ограблены шулерами, крик поднимут великий.

Как бы то ни было, Федька уже набрался довольно осторожности, чтобы не лезть напролом, а сперва хотя бы узнать, встретился ли Клаварош с этим причудливым господином де Берни да узнал ли что любопытное.

Время было обеденное – может статься, Клаварош сидел у Марфы. А стряпала она замечательно – коли прийти, когда подает на стол свои знаменитые щи, так ведь голодным не отпустят...

Федька завертелся в поисках желтого пятна. И вскоре высмотрел его там, где сходились Гранатный переулочек и Спиридоновка.

Извозчикам было велено красить свои экипажи в желтый цвет, чтобы тем отличаться от господских выездов. Те же, кто экипажа не имел, а выезжал зимой на санях, а летом на дрожках, обязывались зимой носить желтую шапку, летом повязывать желтую ленту на шляпу, и вдобавок поверх кафтана носить желтый широкий кушак.

Добежав до извозчика и остановив его, Федька велел Макарке тоже сесть на дрожки.

Извозчик был не слишком доволен тем, что придется везти архаровцев – они не больно-то любили платить за проезд, хотя стоил он довольно дешево – от архаровского особняка на Пречистенке до полицейской конторы всего пятак, в том случае, если бы кому из архаровцев припала охота с ним расставаться.

Но ссориться с полицейскими было опасно – они могли вдруг вспомнить про все указы государынь Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны касательно извозчиков. Этих указов никто не отменял, а разве что царствующая государыня прибавляла к ним все новые и новые. Иной дядя Порфирий, выросши под пузом у лошади и наплодивши детей, не слезая с облучка, только от архаровцев и узнавал вдруг, что уж тридцать лет как велено, ежели кто на резвых конях ездить будет, тех через полицейские команды ловить и лошадей их отсылать на конюшни государыни. Кроме того, был особый указ, подтверждающий это распоряжение и впридачу запрещающий браниться.

Федька довез Макарку до Рязанского подворья, авось там кому-либо понадобится, велел переодеться попроще, взять Никишку, если тот свободен, и побродить вокруг руины, если же народу рядом не случится – залезть туда осторожненько и выяснить, в каком состоянии дом и подвал. Особо наказал быть поосторожнее – ежели их завалит, откапывать некому. Сам он поехал в Зарядье – искать Клавароша.

Благоухание щей Федька учуял еще за калиткой.

Но француза дома не случилось – исполняя архаровское приказание, он всячески старался подружиться с загадочным учителем и, очевидно, угощал его обедом в каком-либо трактире – в той же «Татьянке», где архаровцев привечали, или в «Ветошной истерии», или еще где.

Марфа уже усадила за стол и девчонку Наташку, и инвалида Тетеркина – она не любила кушать в одиночестве.

– Хлеб да соль! – сказал Федька, входя и крестясь на образ Богородицы.

– Хлеба кушать, – вежливо пригласила Марфа. – Садись, молодец. Наташка, дай ему миску побольше да ложку.

Инвалид Тетеркин, поздоровавшись, отрезал настоящий, правильный ломоть хлеба – во всю ширину ковриги.

А вот дальше был уже доподлинный позор всему архаровскому воинству...

Хитрая Марфа поняла, что коли Федька хочет потолковать с Клаварошем с глазу на глаз – то стряслось нечто значительное. Тут она, с одной стороны, сама себя перехитрила – ей и в ум не вошло, что все дело в ее замечательных щам. А с другой – разжилась новостями полицейской жизни, до коих была большая охотница. Стоило же ей это немногого – дала знак домоладцам, и тут же к Федьке по столу поехали миски и плошки, встала и стопочка с водкой.

Ну что за щи, если им не предшествует эта самая стопочка, если в стопочке нет водки, настоящей дома на травах – ну хоть на том же тысячелистнике? Федька даже забыл от блаженства о своем весьма прохладном отношении к Марфе. Да и можно ли не любить хозяйку, которая наливают таких пахучих щей, с мясом, с грибочками, со сметанкой, с луком и чесноком, густых из-за разумно добавленной мучной подболточки?

– Жаль, что Клавароша где-то нелегкая носит, – сказал он, опрокинув стопочку, закусив соленым рыжиком и приступив с большой ложкой к этим роскошным щам.

– Да самой обидно, душу в них вложила, – отвечала Марфа. – А он и не пришел. Ну, хорошо хоть ты пожаловал, есть кому похвалить, потешить мою душеньку.

– А что, Тимофей не у тебя столуется?

– Ночует, а объедать не желает. Я ему уж говорю – да плати ты мне хоть рубль в месяц, и будет тебе знатный обед. Нет, уперся. Боится он меня, что ли? А вчера так вовсе припелся злой, как черт, разговаривать не пожелал. По службе у него, что ли, неприятности?

– Баба эта, из-за которой Тимофея у тебя поселили, куда-то запропала, ни у тебя появилась, ни у нас, ни в остроге, куда ее посылали. Господин Архаров уже говорил – на тот свет, поди, отправилась.

– Ахти мне! – воскликнула Марфа. – Этого еще недоставало!

– Дура пропала, и с детишками своими вместе, а господин Архаров полагает, что либо Демка ее прикосал, либо Тимошка, либо оба разом. А какого хрена?!

– С детишками? – удивилась Марфа. – Про них-то Тимоша и не сказывал. Ну-ка, Феденька, что за детишки такие? А ты что смотришь? У Феде стопка пустая, подливай!

Это относилось к инвалиду Тетеркину.

– Как не сказывал?

– Да из него лишнего слова не вытянешь. Что за детишки-то с ней были?

Федька не ответил прежде, чем растаяло во рту наслаждение от очередной ложки изумительных щей.

– Парнишка с ней был и девочка. Девочка маленькая... – Федька задумался, припоминая, как беседовали об этом взволнованный Демка и сильно недовольный Тимофей. – Паренек вроде нашего Никишки, годков двенадцати...

– Тимоша ее пальцем не тронул, – сразу объявила Марфа. – Коли с ней дети были. Даже когда бы он супружницу удавил или прирезал, куда-то должен был бы детей пристраивать. А мужики по этой части все, как один, неуклюжие. Вся Москва бы знала, что архаровец с двумя детишками носится. Да и Демка... И Демка вряд ли бы бросил Тимофеевых деток, как щенят...

Но в голосе Марфы было некоторое сомнение.

– Демка хитрый, у него на каждой улице по мартоне, мог к кому-то тут же отвести. Марфа Ивановна, наш пертовый маз точно на Демку думает! Он же ночью для чего-то с Пречистенки сбежал?

Федька наконец-то смог излить все свое огорчение, всю тревогу за друзей.

– Да уж поняла... Теперь им обоим одно спасение – чтобы жена с детишками нашлись. Коли они вообще когда сыщутся... Иван Львович мой сказывал, хотите у китайгородской стены облаву делать?

Иваном Львовичем она звала Клавароша – потому что как иначе кликать Жана-Луи?

– Болтуна бы придержал! – разозлился на Клавароша Федька. – Этак через день все Зарядье будет знать про облаву!

– Нишкни! – прикрикнула Марфа. – Я вот по сей день такое помню – у всей Москвы волосы дыбом встанут, коли заговорю! А вот молчу же! Ты бы так молчать выучился, смуряк обвеченный!

Федька уже знал – когда баба с норовом, вроде Марфы, уткнется кулаками в бока да раскрывает рот, надобно съежиться и сидеть кротко – покуда не кончится ненастье. Чем больше скажешь поперек – тем дольше она будет буянить. Этак и до битья посуды недалеко.

Потому он смиренно молчал, пока Марфа поминала свои былые подвиги да хвалилась Каиновой выучкой.

– Так что я бишь толковала? Про облаву! – вспомнила она. – Коли Тимофееву бабу прирезали или удавили той ночью, так ведь не на глазах же у деток. Коли Демка приходил – так он ее из хибары выманил, куда-то отвел, да так хорошо отвел, что по сей день тела не подняли. Он шур ведомый, он еще не все свои хитрости господину Архарову раскрыл! Но, сдается мне, он за детками сразу же не пошел, детки-то увидят и заплачут: где наша матушка? Может статься, он за ними Тимофея прислал. Или еще кого. А вот теперь поразмысли. Демка в тот вечер поехал сперва к господину Архарову. Был он на Пречистенке, пока господин Архаров не угомонился. Потом обратно побежал, а путь неблизкий, а светает рано. Да пока еще отыскал ту хибару...

– Марфа Ивановна, ты что такое городишь?! Не убивал Демка Тимофеевой жены! – воскликнул Федька.

– Кыш отсюда! – крикнула Марфа Наташке и инвалиду Тетеркину, которые весьма внимательно слушали разговор. – Ишь, затаились!

Домочадцы убрались от греха подальше.

– Молчи, Федя, я то знаю, чего ты не знаешь. У Тимофея зазноба завелась. Он, когда у меня ночевал, за наливочкой проболтался. Он и жениться на ней думает. Коллежского регистратора вдова, по прозванию Волошина.

– Не та ли, у кого Шварц комнату снимает?

– Она самая. Он как раз голову ломал, как двоеженства избежать. И Демка про то знал. Потому оба и переполошились – ну как законная-то дура заявится к зазнобе? Только Архарову не сказывай.

– Что ж они мне не сказали? А я-то, дурак, не пойму – чего они перескудрошились!..

Марфа посмотрела на Федьку очень выразительно, но он не понял взгляда.

– Так о чем это я? – продолжила она. – Облава! Нищие, что в хибарах живут, встают рано – им к церквам расходиться, к всенощной, за подаянием. Может, кто приметил – не бабу, ну ее к бесу! Детишек, парнишку и девочку. Бабы там такие околачиваются – клейма ставить негде, кто на них глядеть станет? А детишек, что мамку искали, могли запомнить. А, может, кто их и прибрал, когда с дитенком – лучше подают.

– Облопался наш Тимоша... – горестно сказал Федька. – Пертовый маз с ним круто разберется, коли так... Да и с Демкой...

– Помяни мое слово, Демка все это без Тимофеева ведома проделал, – убежденно произнесла Марфа. – Я ж тебе толкую – некогда ему было за Тимошей бегать, майская ночь короткая, он сперва ту елтону укусал, а потом уже Тимошу отыскал.

Федька вздохнул – у Марфы все получилось весьма складно.

– Послушай, молодец, – сказала она, как бы сжалившись, – а спроси-ка ты у Тимоши их приметы. Я-то во многих домах бываю и со многими людьми дружбу вожу. Глядишь, хоть детишек отыщем.

– Я к тебе кого-либо из парнишек с запиской пришлю, – отвечал Федька. – Не может быть, чтоб Демка!

– Худо ты своего Демку знаешь, – вздохнула Марфа. – Мало ли, что шур? Шиварища выручить – святое дело...

– Шуры не жулят.

– При нужде – ох как жулят...

И Федька, знавший мазовские и шуровские правила главным образом по рассказам, смутился – Марфе-то виднее, может шур пустить в ход острый жулик, или даже ради спасения жизни не нарушит закона.

На вторую перемену Марфа подала жареную рыбу, на третью – толстые оладьи с медом, на четвертую – сладкую рисовую кашу на молоке и с корицей. Словом, накормила на славу.

Пожалев еще раз, что не встретился с Клаварошем, Федька засобирился прочь. Марфа тут же догадалась, как его использовать, – сложила в миску горячие оладьи, масляные, румяные, полила медом, увязала в холстинку и наказала, что коли Клаварош в полицейской конторе – пусть без промедления съест!

Федька и поспешил, почти побежал, невзирая на избыточно сытое брюхо: не хотел, чтобы его с этим узелком видели. Вот и не заметил, как на углу Псковского и Ершовского переулков проводил его взглядом Яшка-Скес. Правда, Яшка, увидев издали фигуру в знакомом мундире с медными пуговицами, заранее отступил в сторонку – ему вовсе незачем было слушать Федькины расспросы.

А меж тем он раздобыл кое-что любопытное.

Феклушка по его просьбе расспрашивала окрестных баб, а здешняя баба встает рано и видит много. Опять же – Марфа вызывала у соседок немалое любопытство, замешанное на изрядной недоброжелательности. Рассуждая о ее подвигах, каждая старая перечница ощущала себя чуть ли не ангелом небесным. И потому Феклушкины язвительные расспросы никого не удивили. Выяснилось – к сводне кто-то повадился шастать по ночам. И она того человека привечает в старой летней кухне на краю огорода. Прямо в сорочке к нему и выходит, из чего нетрудно вывести – знакомы они весьма близко. Видели, как он оттуда уходит, но лица не разобрали – шляпа ниже бровей надвинута.

Это Скес еще мог понять – Марфа для чего-то встречалась с одним из бывших своих избранников. Но беседы на огороде никак не объясняли десяти грязных чашек из-под кофея. Да и путешествий в карете графа Матюшкина – тоже.

Приласкав Феклушку и попросив ее присмотреть за Марфой, Скес уже собрался прочь из Зарядья, да едва не налетел на Федьку. Пропустив его вперед, Скес пошел за ним следом и прибыл к Рязанскому подворью ровно две минуты спустя.

Там Архаров сводил воедино все полученные от господине де Берни сведения.

Француз признался Клаварошу, что в доме большие строгости, но для чего ему по ночам уходить, какие такие дела завелись у него в Москве – старательно скрыл. Клаварош доложил также, что лишнего этот господин де Берни не говорит, и при расспросах, давно ли в России, преловко сворачивает на другие материи. Притом и руки у него удивительно шустрые. Жеребцов донес, что ночью у дома вдовы Огарковой поставит более основательное наблюдение.

ние. Федьку, едва увидев его на крыльце, Абросимов тут же погнал к начальству. Его донесение о руине на Спиридоновке дополнило общую картину.

– Стало быть, Жеребцов, действуем так. Когда наш мусью вдругорядь ночью в окошко полезет, следить за ним, и как поймешь, что он на Спиридоновку собрался, – тут же хватай, вяжи. И тут же шли человека сюда... Федя, надобно там все обшарить.

– Уже послал Макарку с Никишкой, ваша милость! Через час, поди, явятся! – доложил Федька, страшно довольный, что опередил мысль Архарова.

Обер-полицмейстер невольно улыбнулся.

– Мусью Клаварош, каков из себя этот учителяшка?

– Фигура... – француз изобразил длинными руками нечто настолько знакомое, что архаровцы чуть ли не хором воскликнули:

– Устин?!

– Прелестно. Как только Жеребцов хватает этого затейника, тут же Устин идет к Гранатному переулку. Переодевать его в снятое с француза платье не станем – ночь, кто там разбираться будет, да и трата времени изрядная. Одеться всем для вылазки попроще, мундиры побережь! Нужно позаботиться о знаках... Мусью, что ты торчишь, как Ивановская колокольня, сядь к столу. Сашка! Приготовь бумагу, будешь рисовать!

В архаровском хозяйстве имелось немало карт, более или менее подробных, отыскивали нужную, Саша взял карандаш, и четверть часа спустя был составлен план действий.

* * *

Очевидно, господин де Берни не каждую ночь отправлялся на поиски приключений. При-смотр за ним наладили превосходный, и дом вдовы Огарковой в Скатертном переулке охраняли так, как, пожалуй, и саму государыню не охраняли. Узнали много занятного про вдову, про ее любовника, про семейство отставного гвардейского полковника Шитова, составили расписание – когда француз занимается с мальчиками математикой, когда – рисованием.

Архаров был в гостях у Волконского и застрял допоздна – его-таки усадили за карты. Около полуночи он собрал выигрыш и стал прощаться с хозяевами. Князь и княгиня пожелали ему приятной и спокойной ночи.

Внизу его ждал не только кучер Сенька с лакеем Иваном, но и Клашка Иванов.

– Ваша милость, он из окна полез!

– И куда потащился?

– Да к Козьему болоту и потащился! Только с сарая неудачно соскочил, хромает. Устин Петров у Спиридоньевского храма спрятан, знака ждет. Все как велено!

Архаров вдруг понял, что спокойной ночи у него не будет.

Он был злопамятен – и не забыл, что господин де Берни загадочно исчез из шулерского притона, как вода в песок, как снег на горячей сковородке! Карточная игра немного взбудоражила его, выигрыш обрадовал и привел в занятое состояние – Архарову казалось, что сейчас его во всем ждет удача. И прямо руки чесались – грохнуть кулаком по красному сукну кабинетного стола, чтобы стоящий напротив господин де Берни от страха начал заикаться.

– Ты верхом? – спросил он Клашку.

– Да, ваша милость, на Сивке.

– Прелестно... Ну-ка, братец, – это относилось к лакею, прислуживавшему в сенях, – беги наверх, пусть его сиятельство велит оседлать для меня какую ни есть клячу!

По Клашкиной улыбке Архаров понял – полицейские будут весьма рады, если он при-мчится сейчас на подмогу.

Эта радость имела давнее происхождение – родилась она в ту ночь, когда мортусы брали штурмом ховринский особняк. Архаров сильно удивил их тем, что напялил дегтярный балахон

и первым пошел махать кулаками. И она просыпалась всякий раз, когда он, в кабинете своем – неподвижный, строгий и сердитый, вдруг срывался, оживал, забывал про осторожность, плевать хотел на субординацию, кидался вместе со своими архаровцами в какое-то неожиданное побоище. Этим он словно подтверждал свое право быть их командиром. Да и как иначе?

На своем посту он оставался гвардейским офицером. А офицер должен сам водить солдат, которых вышколил на плацу, в атаку, иначе грош ему цена. Сие немудреное правило Архаров помнил, как «Отче наш». Не всегда, конечно, возникало желание среди ночи вскакивать, куда-то нестись, но уж когда возникало – он давал себе волю...

Наверху возник спор из-за клячи. Елизавета Васильевна хотела дать Архарову лучшую лошадь с конюшни, князь же Михайла Никитич знал, что кавалерист из Архарова никудашний, давать ему дорогую верховую лошадь – значит, сразу служить по лошади панихиду. Поэтому князь велел оседлать спокойного старого мерина, да поскорее.

Карету свою Архаров отправил домой, а сам с Клашкой Ивановым поскакал в сторону Спиридоновки. По дороге дважды останавливались по требованию десятских. Увидев обер-полицмейстера, они уж не спрашивали, отчего эти ночные путники без фонаря.

Ехать было недалеко. Сразу за Никитскими воротами они спешили и повели коней в поводу. Главное было – не поднимать шуму, для того Архаров и отказался от кареты. Через сотню шагов Клашка подал знак пронзительным кошачьим мявом.

Архаров не имел такой привычки к ночной жизни, как его подчиненные, и видел в темноте куда хуже шустрого Клашки. Тот повел его к последней уцелевшей руине Гранатного двора, но не прямо, а в обход, со стороны Спиридоновки. Там шагов через тридцать их встретил Тимофей. Он тоже словно бы не замечал темноты.

– Ну, что? – шепотом спросил Архаров.

– Устин пошел через двор. Они, коли следят, должны его видеть.

– Точно ли они будут ждать в подвале?

– А боле негде. Парнишки все облазили, говорят – наверху только мышам ходить можно, коту уже опасно. Сами чуть из верхнего жилья в нижнее не провалились, Макарка Никишку вытаскивал.

– Веди...

– Держитесь за меня, ваша милость, тут колдобины...

Отдав поводья Клашке, Архаров сердито отодвинул протянутую Тимофееву руку.

– Ступай вперед, я за тобой, – велел он.

Эта часть бывшего Гранатного двора уже заросла могучим неукротимым бурьяном, стволы его были чуть не с большой палец толщиной, и Тимофей, чтобы не возникло избыточного шуршания и треска, продвигался медленно. Вдруг он остановился, и Архаров, не ожидая этого, налетел грудью на его широкую спину.

– Так и есть, ваша милость, – прошептал Тимофей. – Там свет сейчас горел и погас. Не иначе, они увидели Устину и из сеней в подвал полезли.

– Не опасно в подвале? – спросил Архаров.

– Парнишки сказывали – ничего, своды крепкие. Сверху все, того гляди, рухнет, а внизу вроде безопасное место...

Тут раздался заливистый свист.

Это был сигнал, по коему Устин, пока его не признали, должен был падать на пол и откатываться к ближайшей стенке, чтобы архаровцы могли, ворвавшись в подвал, стрелять без опаски.

Тимофей и Архаров побежали, путаясь в бурьяне, через двор.

Узкие двери были под высоким старинным крыльцом, когда-то белокаменным. Там, в развалине, уже перекликались архаровцы, но никто не стрелял. Когда обер-полицмейстер ока-

зался у крыльца, из дверного проема выглянул Федька с фонарем, узнал начальство и улыбнулся.

– Ну? – спросил его Тимофей.

– Ни хрена не понять!

– Сбежали?

– Да тут, сдастся, никого и не было!

– Как не было? – Архаров даже растерялся от такого сюрприза. – А кто фонарь гасил?

– Ваша милость, фонарь сам погас! Мы его первым делом отыскали – там огарок кончился!

– Мать честная, Богородица лесная... – пробормотал обер-полицмейстер. – А ну, свети. Сейчас докопаемся...

Каменные ступеньки, поставленные вкривь и вкось, спускались примерно на ту же глубину, что верхний подвал на Лубянке.

Помещение оказалось немалое, почти пустое, вдоль одной стены составлены были рассохшиеся бочата. Под самым потолком было заросшее землей окошко, на остатках подоконника и стоял погасший фонарь. Пролом в стене вел в другое помещение, где возились архаровцы.

Обер-полицмейстер пошел туда, перешагнул через высокий порог и оказался в длинном коридоре с кирпичными стенами. Туда выходили дверцы крошечных клетушек. Из одной, пятясь, вылез Сергей Ушаков.

– Ты чего там искал? – спросил Архаров, имея в виду, что в столь тесной конурке ничего и быть не должно.

– Дырку, ваша милость. Куда-то же они ухряли...

– А с чего ты взял, что они вообще тут были?

– Кто-то ж зажег фонарь.

– Фонарь могли зажечь днем, – рассудительно сказал Тимофей. – Днем-то его света не видно. А когда стемнело – никто по двору не шастал...

– А разве я не велел за этой развалиной следить? – спросил Архаров Тимофея.

– Ваша милость, с семи пополудни следим, и хоть бы одна собака сюда сунулась, – ответил за Тимофея Ушаков. – Где-то должны быть еще лестницы. Домина старинный, долгий, покоем стоял, тут лестниц много было.

– То бишь, вы через одну вбежали, они через другую выскочили? – Архаров все никак не мог понять последовательности странных событий.

– Похоже, так, ваша милость, да ведь мы все это место окружили. Коли тут кто и был – так в доме и сидит, наверху. Или же через какую-то дырку вверх выбрался, вылез там, где его не ждали, – сказал Тимофей.

– Какого черта раньше сюда не слазили, не разобрались?

– Парнишки лазили, глядели! Ваша милость, парнишки бойкие, они во всякую щель заползут.

– И не нашли другой лестницы?

– Ваша милость, коли не нашли, стало быть, она спрятана. Стенки надобно простучать, – опять вмешался Ушаков.

– И лаз вниз поискать, – распорядился Архаров. – Может, тут, как у нас, нижний подвал.

– Нижнего подвала тут и быть не может, ваша милость, – сказал Тимофей. – Место сырое, коли рыть нижний подвал – в нем не то что лягушки, а рыба заведется.

Ушаков и Канзафаров стали простукивать стенки.

– Где Устин? Он первый шел, что-то же заметил! – догадался Архаров.

Привели Устина. Он честно проделал все, что велели: изобразил, пересекая улицу и двор, хромоту, спустился в подвал (крестя мелкими крестами чрево и бормоча «Спаси, Гос-

поди, люди твоя»), при свисте тут же повалился в грязь. Его-то ругать было не за что, и он открыто глядел в лицо Архарову, даже с известным любопытством – очень хотелось знать, чем вся эта затея кончится.

– Могло быть такое, что они догадались о подмене и даже не стали к дому подходить? – спросил Архаров.

Собравшиеся в кирпичном коридоре Тимофей, Федька, Ушаков, Устин, Степан Канзафаров и даже Клашка, привязавший наверху лошадей к какому-то забору, загалдели. Они сами из разных мест видели, как Устин приближался к крыльцу, и утверждали: шел почти как тот француз, тем более, что Шварц выдал ему длиннополый кафтан, очень похожий на кафтан господина де Берни.

– Прелестно... – пробормотал Архаров, не зная, что об этой истории и подумать. Гневаться вроде было не на что – подчиненные исполнили все его приказания и ожидали новых.

– Пошли прочь отсюда, – сказал он и направился к пролому в стене. Федька полез вперед него с фонарем, чтобы не вышло какой неприятности.

В большом помещении Архаров встал, обвел его взглядом, и обычная его подозрительность наконец проснулась. Нацелилась она на разошедшиеся бочата, кое-как составленные у стенки. В конце концов, коли кто тут и сидел, не поднявшись по несуществующей лестнице, то именно за ними, а то и забрался в самую бочку. Долго ли затаиться?

– А ну-ка, молодцы, раскидайте-ка мне этот винный склад, – пошутил Архаров. – Тимоша, Ушаков, держите угол под прицелом...

Устин вместе со всеми пошел двигать бочата. Ему-то и повезло – отодвинув первый с краю, увидел лежащее тело в длинном буром армяке.

– Господи Иисусе! – воскликнул Устин и перекрестился. – Сюда все!.. Покойник!..

– Ну вот, уже кое-что, – заметил Архаров. – Федя, где ты там с фонарем?

Архаровцы собрались вокруг тела. Устин шепотом читал молитву. Обер-полицмейстер озирался по сторонам, как если бы ему одного трупа было мало.

– Ну вот, сыскали клад, – задумчиво произнес Тимофей. – Устин, что скажешь?

Бывший дьячок не сразу вышел из молитвенного состояния.

– Иде же бо аще будет труп, тамо соберутся орлы, – неожиданно ответил он словами из Священного писания.

– Ага, орлы, – кинув взгляд на свое воинство, подтвердил Архаров. – Взгляни, Федя.

– Посвети, Иванов...

Федька, отдав Клашке фонарь, опустившись на корточки, перевернул тело вверх лицом.

– Гляньте-ка, вся рожа в саже...

– Как это его? – спросил Архаров. – Крови вроде не видать. И не удавили...

– Нет, не удавили, – сразу, хором, определили Степан и Ушаков.

– И не сегодня, – добавил Федька.

– О Господи, – сказал Устин и полез в карман. Добыв оттуда платок, месяца два не бывавший в стирке, он заботливо накрыл мертвое чумазое лицо.

Тимофей, за свою жизнь довольно насмотревшийся на покойников, стал деловито переставлять рядом стоящие бочата.

– Его тут прикопать хотели. Вон – лопаты, – объявил он, и точно, две лопаты стояли прислоненными к корявой стенке. – Ишь, кладбище себе сыскали...

– Дурачество, – задумчиво произнес Архаров. – Чего ж до прудов не донесли?.. Экая новая мода у мазов завелась – отемлелых хоронить...

– Ваша милость, а ими тут работали, – сказал глазастый Федька. – И недавно! Вон, земля налипла и не отвалилась.

– Может, еще какого покойника прикопали? – предположил Тимофей.

Клашка поднял фонарь повыше, свет распространился по всему подвалу.

- Коли тут что закопали и притоптали, то хрена с два найдешь... – буркнул Архаров.
- Ваша милость, есть способ, – сказал Тимофей. – Стародавний. Осечки не дает.
- Муромский, что ль? – уточнил Федька.
- А коли и муромский?
- Цыц, – приказал Федьке Архаров.

Его сейчас мало беспокоило грабительское прошлое Тимофея. Его куда больше заинтересовал способ отыскания закопанного предмета, пусть даже трупа.

– Когда что закапывают, потом землю сверху утаптывают, – начал Тимофей. – И на глаз утоптанную от нетронутой не отличишь. А есть зацепка. Утоптанная лишь сверху гладкая, а воды налить – так она воду всасывает. А на нетронутой лужа долго сохнет.

– Так вы прикопанное добро и искали? – осведомился Архаров.

– И так тоже.

– И воду за собой на коромыслах носили? – любопытствовал Федька.

– Эта вода у каждого при себе, – растолковал Тимофей. – Распускай портки да и того... трудись во благо...

Архаров хмыкнул.

– Ну, кому не лень – валяйте! – приказал он. – Да только подвал велик – запасов ваших не хватит.

– Закапывают в углу или у стенки, ваша милость, глядишь, и хватит, – рассудительно возразил Тимофей.

Он медленно пошел вдоль кирпичной стены – и вдруг резко шлепнул по ней ладонью на высоте собственного носа. На пол рухнула оглушенная ударом крыса. Тимофей наподдал носком сапога – крыса улетела в дальний угол.

– Ну ни хрена себе! – восхитился Федька.

– А ты не знал, что они по стенке вверх взбегают? – спросил Тимофей. – Клашка, нука, сюда посвети...

Клашка поднес фонарь к указанному месту.

– Здесь, что ли, пробовать? – любопытствовал неумный Федька.

– Погоди...

Архаровцы разбрелись по подвалу, время от времени делая пресмешные замечания о способе Тимофея. Архаров остался с Устином.

Сильно ему не нравился весь этот розыск. Трудно, что ли, было злоумышленникам дотащить труп до прудов? Спускать по узкой лестнице было легче и скорее, что ли? И ладно бы труп в состоянии кровавой каши, как бывает, когда в живот попадет пушечное ядро. К такому не всякий прикоснется...

Или же горемыку порешили тут же, в подвале. Что-то, видать, исполнил этот чумазый мужик, и, чтобы не проболтался, на месте и порешили. Парнишки же его за бочатами не заметили. Закапывал он яму, что ли? Вот ведь лопаты со свежей землей... А второго землекопа куда подевали?

С самого начала эта охота на кавалера де Берни была какой-то подозрительной.

Устин стоял над мертвым телом, опустив голову, и тихонько читал что-то совсем заупокойное.

– Сюда! – позвал Тимофей. – Ну, у кого накопилось?

Архаров недовольно хмыкнул. Ему уже не терпелось оказаться в палатах Рязанского подворья, куда привезли арестованного француза. Вопросы к господину де Берни в голове кишмя кишели. А затем следовало докопаться, чье такое тело. На Москве прорва пришлого народа – но может и повезти. Если это тело как-то увязано с французскими шулерами, то может образоваться ниточка, дергая за которую, вытянешь из де Берни кое-что любопытное.

Для чего оставлять труп в подвале – да, если вдуматься, на видном месте? Стоило сдвинуть бочонок – а он и тут?..

Тут было два объяснения. Первое – убийство совершилось в подвале в светлое время суток, и убийца должен был спешно удирать, пока его не прихватили на горячем. Второе... второе – диковинное: убийцей был подросток или же баба... кому не под силу тяжести таскать...

Кабы удавили – так проще. Удавить человека, захлестнув ему горло веревкой сзади, несложно, с этим справится и Никишка. Тем более, коли спускаться с тем человеком по лестнице и идти сразу на ним. Вот ведь и лежит тело в двух шагах от лестницы.

А что делали эти люди в подвале? И для чего бы одному убивать другого?

Вдруг явилось третье объяснение – шулера и господин де Берни, устроившие тут место для свиданий, сами по себе, а убитый мужик – сам по себе, и на тот свет его отправил кто-то вовсе посторонний...

Из дальнего угла послышался хохот – там опробовали Тимофеев способ, и безрезультатно.

– Там я за пивом сбегаю! – завопил Федька. – Братцы-товарищи, я знаю, где хорошее наливают!

– И не уйдем из подвала, покуда весь его не зальем! – поддержал Клашка Иванов.

Архаров невольно рассмеялся.

Не будучи светским кавалером, он любил простые шутки – а эта как раз была проще некуда.

Вдруг странная мысль его посетила...

– Федя, иди сюда. Найдешь там наверху ведро, стяни где-нибудь у колодца...

Колодцев в Москве было множество – даром, что с плохой водой, а для умывания, для стирки, для скотины хорошая, развозная, и не надобна. Непременно где-то поблизости на чьем-то небогатом дворишке осталось ведро на видном месте.

– И за пивом? – изумленно спросил подбежавший Федька.

– Какое вам пиво среди ночи? Нет, за водой. Ухо режь, руда не канет, а что-то тут прикопано.

Эти принятые у шуров и мазуриков слова лучше всякой божбы подтверждали архаровское мнение, потому Федька быстро поклонился и поскакал через две ступеньки наверх. Поскользнулся, припал на колени, вскочил и исчез...

Явился он, ровно вдвое перевыполнив приказание Архарова – притащил два полных ведра. Пока он бегал по воду, Устин, Тимофей, Ушаков и Клашка перетаскали бочата на середину подвала, высвободив все его стенки. Нашли нишу, в нише – низенькую дверцу, в последний раз открывавшуюся еще, поди, при поляках. Дверь утонула в утопанной земле, и отворить ее можно было разве что хорошим зарядом пороха.

– Ну, благословясь... – негромко приказал Архаров.

Он оказался прав – как раз там, где громоздились бочата, земля впитала воду. Осталось лишь взяться за лопаты.

На глубине менее аршина обнаружился большой рогожный куль, еще не успевший протухнуть и расползтись. Его вытянули с руганью – он был довольно тяжел, хотя по очертаниям никак не походил на человеческое тело. Сие обнадеживало – золото легким не бывает.

И верно – в этом куле, завернутые в тряпки, лежали разнообразные столовые предметы. Архарову развернули самый большой – и блики засветились на изумительно отполированных боках большой супницы, весом не менее десяти фунтов.

– И ручки красные, прелестно... – пробормотал он, присев в любимую свою позу и глядя пальцем безупречную яшму. – Тоже ведь художество...

Это точно был ворованный сервиз мадам Дюбарри. Или же – блистательная подделка.

Архаровцы ждали, что он еще скажет. А он молчал.

Сервиз мадам Дюбарри так легко дался в руки, словно сам за Архаровым гнался, забежал вперед и неловко спрятался в подвале.

– Ваша милость, куль не выдержит, дозвольте, я мешки раздобуду, – сказал Тимофей.

– А ты хочешь это отсюда забрать?

– А как же?

– А никак... Ну-ка, все разворачивайте!

Неприменно должен был явиться некий подвох!

Архаров присел на корточки, разглядывая тарелки, чашки, столовые приборы. Устин стоял над ним с фонарем наподобие бронзового канделябра.

– Федя, Тимофей, ну-ка, разложите мне все это добро по ранжиру – большие тарелки отдельно, малые отдельно, блюда – отдельно!

Несколько минут спустя стало понятно – сервиз присутствовал в рогожном куле не полностью, по меньшей мере половины не доставало. Архаров исходил из того, что больших тарелок насчитали восемь, малых – две, ложек – одиннадцать, малых ложек – десять, супниц, скорее всего, полагалась сервизу две, был кофейник – не было сахарницы и сливочника, хотя бы одного. И солонки не сыскалось.

Можно было предположить, что в результате каких-то сложных расчетов между французскими и российскими шурами сервиз был поделен на несколько долей, но ведь шуры не болваны – понимают, что целиком он стоит гораздо больше, чем ежели продавать по частям. С другой стороны, Архаров сразу знал – на такую дорогую вещь покупателей мало, и все они – при дворе. А раскидать его по одной тарелке – оно вроде и надежнее.

Итак, он, как трещала чета Матюшкиных, в Москве и найден обер-полицмейстером.

И что же дальше?

Архаров уже не раз думал о судьбе этого сервиза. Есть в Москве люди, кому он по карману, но сейчас у всех деньги со свистом вылетают из кошельков на всевозможные увеселения. Одна придворная карточная игра в великие тысячи игрокам обходится...

Начать с того, что сервиз могут предложить господину Потемкину, который приобретет его для подарка государыне. Тем более, что повод имеется – празднование Кючук-Кайнарджийского мира. Но с тем же успехом его могли бы предложить и самой государыне – это был бы знатный подарок новому фавориту, который уже не просто фаворит. Третье лицо – наследник цесаревич. Матушка его не балует, но Москва к нему благосклонна – и государыня могла бы по просьбе сына дать ему денег на дорогую игрушку, хотя в день своего рождения, 21 апреля, она подарила на радостях господину Потемкину пятьдесят тысяч рублей, Павлу же – недорогие часы... Ну так и замолила бы грех...

Еще года полтора назад сервиз мог приобрести кто-то из братьев Орловых. Но сейчас они не в чести. Вот разве что Алехан... так Алехан далеко, и когда будет с эскадрой обратно – одному Господу ведомо...

В ближайшее время, впрочем, никто никому ничего дарить не станет. Все награды ждут своего часа – 10 июля, празднуя годовщину Кючук-Кайнарджийского мира, государыня всем своим сотрудникам торжественно раздаст чины, деревни, сервизы, шпаги с драгоценными эфесами, перстни с алмазами и прочее, и прочее...

Есть еще время, дабы предложить ей сервиз мадам Дюбарри.

Но – весь, целиком...

Коли сейчас забрать часть сервиза, то замысел скандала будет опрокинут. Однако есть в этом деле какие-то диковинные мелкие неувязки, их накопилось уж довольно, и каждая сама по себе, поди, гроша ломаного не стоит, а вместе они создают некое общее ощущение...

Архаров вспомнил давний спор между молодыми гвардейцами о куче. Он очень заинтересовался предметом спора и даже велел тогдашнему денщику своему Фомке принести с конюшни миску овса. Высыпав горсти две на стол, он добрых полчаса двигал зерна пальцем,

пытаясь уловить тот миг, когда пропадает понятие «количество зерен», но возникает понятие «куча».

Неизвестно, сколько накопилось тех неувязок, но сейчас они явственно сложились в кучу.

– Ну-ка, орлы, заверните все опять в рогожу и закопайте, – распорядился, выпрямляясь, Архаров.

Орлы переглянулись – приказание было неожиданным.

– Федя, Канзафаров, ползайте туда, – Архаров показал на пролом, – схоронитесь. Ждите до утра. Сдается мне, чего-то вы тут дождетесь. Иванов... Иванов, какого черта ты здесь, а не при лошадях?!

– Ваша милость...

– Пошел наверх! Веди лошадей прямо к крыльцу, да ругайся погромче. Тимоша, иди первым, пальни по кустам разок – как если бы там кого приметил.

Тимофей кивнул и направился к каменной лестнице.

Устин с Ушаковым сгребли тарелки и супницу в рогожу, осторожно погрузили ее обратно в яму, пока закидывали землей – раздался выстрел.

– Утоптать, все сделать, как было, бочата сверху нагромоздить, – велел Архаров. – Федя, слушай меня. Может статься, нам повезет наконец – те, кто эту кашу заварил, решал, что мы все отсюда убрались, и вновь здесь сойдутся. Ничего не затевать! Слушать, глядеть, запоминать, пойти следом. Я вас тут надолго не оставлю – пришлю подмогу. Да и Тимофей с ребятами тут поблизости будут. Знак – мяв кошачий. Петров, Ушаков, пошли отсюда...

И, поднимаясь по лестнице, обер-полицмейстер вдруг заорал благим матом:

– Да что за блядство такое! В нижний подвал к Шварцу всех отправлю! Кто додумался, будто тут шуры слам прячут? Днем, что ли, поглядеть не могли?! К монаху на хрен таких полицейских! Кого вы тут увидеть чаяли, хрен вам промеж глаз?!

И пока поднимался по лестнице, пока ему подводили коня, обер-полицмейстер крыл архаровцев весьма разнообразными сочетаниями общеизвестных слов. Речь его сводилась к тому, что его напрасно вызвали туда, где ничего нет, не было и никогда не будет, окромя рухнувших на голову кирпичных сводов.

Наконец Архаров с Клашкой поехали в сторону Никитских ворот, а Тимофей, Устин и Сергей Ушаков разбежались, перекликаясь и создавая видимость большого количества народа.

– Ну-ка, Иванов, скачи в контору, – порядочно отъехав от Гранатного переуллка, вдруг сказал Архаров. – Вели Гришке запрячь телегу. Кто там дневальные – пусть вместе с ним на телегу сядут и едут сюда. Надобно поскорее мертвое тело забрать к нам в мертвецкую...

В чем причина спешки – Клашка не понял. Архаров и сам не сумел бы объяснить ее вразумительно. А только ему казалось, что с телом – неладно, и чем скорее оно окажется в мертвецкой и будет отмыто от сажи – тем лучше.

Клашка ускакал. Архаров так и остался, не давая коню никаких приказов, не посылая вперед, но и не удерживая на месте. Почтенный спокойный мерин встал, опустив голову, и замер без движения, а обер-полицмейстер на нем также не шевелился, и оба представляли собой образец для конной статуи.

Архарову виден был храм Феодора Студита, виден был и дом близ храма, где во втором жилье горели два угловых окошка. Возможно, это была спальня Варюты Суворовой; возможно, сам Александр Васильевич только что вернулся и, никому не дав о том знать, поспешил домой, к жене; возможно, они были там вдвоем... Он заслужил это право – примчаться к женщине, которая готовится родить ему ребенка, и Архарову стало грустновато от мысли, что сам он разве что в Пречистенский дворец спешит или к Волконскому на Возвиженку.

Такое томное настроение неминуемо должно было навести на мысли о Вареньке Пуховой, но тут со стороны Гранатного переуллка раздался выстрел.

Архаров даже обрадовался – сейчас загадочные обстоятельства могли наконец проясниться! Шпор он на башмаках, понятное дело, не носил, потому ударил мерина каблуками в бока и с немалым трудом поднял его с ленивой рысцы в галоп.

Ловушка сработала, кто-то в нее, кажется, попался!

Когда он при выходе из подвала устроил шум, велел Тимофею стрелять по бурьяну, сам орал, как умалишенный, то цель он имел одну: отвлечь внимание тех, кто, несомненно, наблюдал за архаровцами, от арифметики. Эти супостаты, что прятались во мраке, скорее всего, наблюдали в какую-то дырку за поисками и выкапыванием сервиза. Странное шумное поведение обер-полицмейстера и опасность должны были отвлечь их от простейшего подсчета: в подвале было семь человек, наружу вышли пятеро...

Мерин был бестолков – как сперва с трудом понял, что от него хотят галопа, так потом – что нужно остановиться. Архаров соскочил с него уже у самого крыльца, сильно удивившись, что чертова скотина не прошибла башкой закопченную стенку. То-то было бы грохота!

В подвале галдели знакомые голоса.

– Эй, света мне! – заорал обер-полицмейстер, уже наощупь спускаясь по каменной лестнице. – Оглохли вы, любить вас всей ярмаркой под гудок да волынку?!

Внизу появился Устин с фонарем.

– Ваша милость, я не виноват! – сразу воскликнул он. – Я за длинным погнался, так он прочь побежал, а откуда этот взялся – Христом-Богом, не ведаю!

– Кто еще взялся?

– Пузатый, ваша милость!

– А ну, пусти...

Казалось бы, сколько времени отсутствовал Архаров? Четверть часа, не более. И в подвале ждали всяческих сюрпризов Федька со Степаном. И вокруг развалины караулили трое архаровцев. Однако и противник был ловок – рядом с покойником в буром армяке, с измазанным сажей лицом, уже лежал брюхом вверх другой, воистину необъятный. У этого лицо было чистое, вот только ниже – сплошная рана: кто-то весьма грамотно перерезал ему глотку...

– Урожайная, мать бы ее, ночка, – сказал, подходя, Тимофей. – Ваша милость, а ведь я этого детинку знаю. Это Скитайла.

– Мать честная, Богородица лесная...

Архаров лично не был знаком с удачливым мазом, про чьи подвиги докладывали то Демка, то Яшка-Скес. До сих пор Скитайле удавалось от него уходить. Он время от времени возвращался в Москву, но шалить тут остерегался, а занимался делами: сбывал slam, проводил переговоры с братьями по ремеслу. Была тут у него и мартона, которая иногда заглядывала к Марфе. Впрочем, мартон у него имелось несколько – и в Твери, и в Калуге, и в Щелкове, и в Черкизове.

То, что Скитайла не от старости помрет, в общем-то было ясно. Но какого черта он среди ночи забрался в подвал и дал себя зарезать именно здесь, над сервизом мадам Дюбарри? А главное – кто его, болезного, на тот свет отправил?

Это не могли быть Федька со Степаном – они бы всячески постарались доставить этого голубчика к Шварцу в подвал живьем. Стало быть, либо – свои мазы, и это можно было хоть как-то увязать с закопанным сервизом, либо в дело вмешался кто-то вовсе непредвиденный.

Степан и Федька на зов явились не сразу – кого-то гоняли за бурьянами. Архаров, не имея ни малейшего желания таращиться на двух покойников, вышел из подвала и строго допросил их снаружи, во дворе.

– Ваша милость, сидели тихо, как мыши! – отвечал за двоих сильно возбужденный Федька. – А эти трое прямо так и полезли в подвал, даже не прятались, с фонарем, сразу как вы изволили уехать!

– Трое?

– Трое, ваша милость, – подтвердил Степан. – Но только они не знали, где сервиз прикопан, повсюду разбрелись, переговаривались. Ваша милость, они за нами не первый день следили. Потому и сюда попали – за нами шли и ждали, покуда мы уберемся.

– Да, а пришли они как раз за сервизом! – перебил Федька. – Стало быть, не они его закопали!

– Погоди, не трещи, – приказал Архаров. – Вошли, значит, трое, и один из них был этот грешник Скитайла?

– Именно так, ваша светлость, – отвечал Федька. – Его уж ни с кем не спутаешь. И они стали обходить подвал, и еще смеялись, что его какие-то малашельные загадили, в охно бы ногой не ступить.

– А фонарь поставили на бочонок, а сами шли вдоль стенок, – подхватил Степан. – И тут фонарь погас. Я думаю, в него куском кирпича запустили. Они заорали...

– А это вслед за ними кто-то спустился вниз и из-за угла глядел! – стал объяснять Федька. – И он на них кинулся...

– Один на троих?

– Ну так, выходит, не один, ваша милость! И мы вылезать сразу не стали, а только к пролomu подкрались, и тут кто-то прямо мне в руки, я с ним схватился, упали оба, о порог запнувшись!..

– А я вижу – надо наших звать, я и заорал котом, – доложил более спокойный на вид, но внутренне взволнованный Степан. – Заорал и полез в большой подвал, они ведь вдвоем через порог перевалились...

– Все бока ободрал, ваша милость! – пожаловался Федька. – А он, скотина, все равно как-то вырвался, ловкий оказался, руку мне так завернул – из глаз искры полетели, я громче Канзафарова взвыл...

– То бишь, пришли трое, одного кто-то зарезал, двоих вы упустили, – перебил Архаров. – Хороши полицейские! Какого ж хрена я вас тут оставлял?

– Ваша милость, я за одним погнался и подстрелил его. В бурьянах, поди, валяется, – доложил Степан. – Я слышал, как он кричал, а кричал, уже лежа.

– Пошли, поглядим.

Федька сбежал за фонарем, все трое забрались в заросли бурьяна и там нашли обещанного Степаном покойника.

Тем временем прочие архаровцы, обшарив, насколько это было возможно в потемках, окрестности руины Гранатного двора, собрались у крыльца и спорили – кто полезет наверх.

– Вы полагаете, кто-то сидел наверху и оттуда за нами следил? – спросил сразу всех Архаров. – Да там все сгнило, разве что кот удержится. Чего тебе, Устин?

Хотя фонари не давали довольно света, он уловил на лице бывшего дьячка некое смятение. Словно бы и желал Устин доложить о своих подвигах, а словно бы что-то запрещало ему...

– Из подвала длинный такой выскочил, я за ним погнался, ваша милость, да он к Спиридоновке побежал. Он быстрее меня бегает... – сумбурно отвечал Устин, избегая обер-полицейстерского взгляда. – Так, ваша милость, их двое было.

– Кого – двое?

– Тех, что возле подвала околачивались. Они на Спиридоновке сошлись.

– То бишь, внутри – трое, снаружи – двое, – задумчиво произнес Архаров. – Молчать всем. И без вас голова пухнет. Ну-ка, взять фонари, пройти вокруг – мало ли о какого еще покойника споткнетесь...

Он остался с Устином у крыльца – ждать, пока вернутся архаровцы.

– Длинный, говоришь?

– Бегать он горазд, ваша милость, мне не поспеть.

Это было правдой. Но не всей правдой.

– А что ж не стрелял?

– Так у меня и пистолета не было...

– А что было?.. Петров, еще раз пойдешь ночью на дело без оружия – выпороть велью.

Устин съезжился и потупился. Числился за ним этот странный грех – он не любил ни пистолетов, ни клинков. Когда прочие архаровцы со знанием дела толковали о свойствах кавалерийских, охотничьих и целевых пистолетов, одноствольных и двуствольных, с простыми гранеными и дорогими дамасковыми, что было еще в диковинку, стволами, даже такими короткими, что иной английский пистолет помещался в кармане, но служил главным образом для выстрела в упор, – так вот, во время этих бесед Устин, случившись рядом, смотрел в землю и беззвучно произносил какой-либо из ему известных псалмов.

Архаров, не имея времени и желания докапываться до причин Устиновой хандры, дал бывшему дьячку подзатыльник и закричал, созывая подчиненных. Но первым отозвался посланный за телегой Клашка. Он подсказал и доложил, что телеге никак к крыльцу не подобраться, так что придется выносить тело на руках и тащить его чуть ли не на угол Гранатного и Спиридоновки.

– Три тела, – поправил его Архаров. – Слезай с коня, поможешь.

Он остался возле руины один – архаровцы попарно унесли покойников. Ему было о чем поразмыслить.

Какого беса полез в подвал Скитайла? Коли он следил для чего-то за полицейскими – так ведь была причина?

Кому не угодил Скитайла, за что его по глотке полоснули? За то, что суется в полицейские дела?

Кто, в таком случае, защищает от Скитайлы московскую полицию?

Два коня топтались рядом – полицейский Сивка и мерин Волконских. Архаров машинально поймал поводья. Смутные дела творились вокруг – вот каким-то образом кавалер де Берни и сервиз меж собой увязались, да и не весь сервиз, а дай Бог, чтобы треть. Ну, что один французский мошенник, спрятавшись в благородном семействе, сотрудничает с другими французскими мошенниками, притащившими сервиз в Москву, неудивительно. Однако как-то все странно...

Архаровская подозрительность еще не взяла следа, однако уже проснулась и обрабатывала все скопившиеся сведения.

Он стоял неподвижно, заполняя собой едва ли не все пространство под крыльцом, заслоненный лошадьми, незримый для всех. Он сосредоточился на своих рассуждениях – и потому не сразу услышал, что над головой что-то происходит.

По наружной лестнице можно было взойти на крыльцо и попасть в покои второго жилья через давным-давно пропавшую дверь. Так раньше строились на Москве и деревянные, и каменные здания.

Дом, потерпевший от пожара, был опасен для чудака, решившего заглянуть в горницы. Каждый шаг мог стать смертельным. Архаров знал это и, ругая подчиненных за то, что не осмотрели все строение, сам не слишком верил, что наверху угнездился какой-то злодей. Но сейчас, стоя под крыльцом, он сообразил, что могло произойти. Некто подозрительный поднялся наверх по каменной лестнице и затаился в верхке от дверного проема. Снаружи его не видать – темно, а внутрь он не полез – остановился там, где ему еще не грозила опасность.

Архаров не видел этого человека, что почти беззвучно крался по лестнице, – но и человек не видел Архарова. В поле его зрения были разве что лошади – и он полагал, что они просто привязаны к какому-то случайному торчку в стене.

Этот незнакомец перекинул ногу через каменные перила, помедлил, перекинул другую с явным намерением перебраться в седло Сивки. Архаров подловил миг, когда сапог незнакомца уже навис над седлом, схватился на него и с силой дернул в нужную сторону.

Его противник свалился с перил лицом в грязь.

Архаров тут же кинулся на него, впечатал в землю поосновательнее, прижал коленом и закричал, созывая полицейских.

Тут-то ему на спину и рухнул сверху еще один приятель...

Спина Архаров имел крепкую, широкую, основательную. С такой спиной впору на пристани по сходням мешки с пшеницей таскать. Плохо было лишь, что злодей пытался придумать обер-полицмейстера.

Архаров отцепил руки от своего горла, но вывернуться из-под врага не сумел и повалился набок, увлекая его за собой. Таким образом он выпустил на свободу свою жертву – и, что хуже всего, он, затеяв эту драку, отпустил конские поводья.

Но на его крик уже бежали архаровцы.

Тот, кого обер-полицмейстер не допустил сесть в седло, поднялся на четвереньки, вскочил и, выхватив нож, устремился к Архарову, едва успевшему стать на одно колено. Причем на архаровских плечах еще повис незримый злодей. К счастью, он оказался полегче мешка с пшеницей.

Ноги у обер-полицмейстера были хоть и короткие, но сильные, он знал это о себе, втайне гордился стальными икрами и бедрами, однако не ожидал, что способен на такие прыжки. Умные кулаки, как всегда, обрели свой разум. Архаров одновременно стукнулся обеими подошвами рядом о землю и нанес удар. Удар был со свилью – с резким разворотом всего туловища, и обратным движением Архаров достал локтем незримого противника за своей спиной.

– Имай его! – заорал, подбегая, Федька.

Вооруженный ножом противник, видя, что дело плохо, кинулся наутек.

Дальше началось сущее безобразие. Мерзавца понесло бурьянами, вдоль забора, и вынесло напрямик на воронцовский двор. Архаровцы бежали следом.

Тайный советник Воронцов держал голосистых кобелей. Мало того – беглец переполошил кур, и на всю Спиридоновку заорали петухи. Сторожа выскочили из привратной будки и дважды выпалили из ружья наугад. Раздался дикий вопль. Из усадьбы выскочили какие-то неодетые люди с фонарями и факелом.

– Кого тут черти несут?! – закричал мужчина в шлафроке, вооруженный саблей.

– Это мы, архаровцы! – заглушая лай и топотню, зычным голосом отозвался Тимофей.

– Чтоб вы сдохли! Ни днем, ни ночью покоя от вас нет!

Меж тем Архаров помогал вязать второго злодея, так нерасчетливо покусившегося на его жизнь.

Все вышло не так, все пошло прахом, и все же обер-полицмейстер был в этот миг счастлив: хоть какая – а добыча.

– Тащите его к телеге, и поехали, – распорядился он.

– Ваша милость, ваша милость! – к нему, размахивая фонарем, бежал Федька. – Погодите, ваша милость! Надо телегу поближе к дому подогнать!

– Что там еще?

– Злодея нашего чуть кобели не загрызли! Его сторож ранил, он упал, два кобеля к глотке полезли. Чуть жив...

– Мать честная, Богородица лесная, – пробормотал Архаров. Ночка выдалась совершенно безумная.

Наконец на телегу нагрузили всю добычу – трех покойников, одного связанного пленника и окровавленного беглеца.

– Ваша милость, чего прикажете? – спросил Тимофей.

– Едем все в контору. Садись сбоку, как на чумной фуре сиживал... Канзафаров! Побудь тут до рассвета. Вряд ли, что после всего шума сюда кто-то сунется, но ты погуляй вокруг, авось чего заметишь...

– Учителишка, поди, уже у нас в подвале, – заметил Тимофей, взбираясь на телегу. – Вот бы сразу и допросить...

Но Архаров мог держать пари, что кавалера де Берни изловить не удалось!

И точно – оказалось, что зловредный француз, ранее повредивший ногу, угодил в какую-то колдобину, не отойдя и полусотни сажен от дома вдовы Огарковой. Постоял, потосковал – и заковылял обратно, да так шустро! Архаровцы, следившие с немалого расстояния, не успели добежать – а он уже колотился в дверь и вопил по-французски весьма пронзительно.

– Клаварош, чего он вопил? – спросил Архаров.

– Требовал впустить. Кричал, как будто за ним разбойники гонятся.

– Ничего больше?

– Именно это, ваша милость.

– Черти б его драли... Кой час?

– Третьи петухи уж прокричали, ваша милость, – вместо Клавароша ответил Тимофей.

До восхода оставалось часа два, не более. Архаров подумал – и велел ехать за Матвеем, может, еще удастся спасти раненого. Сам же потребовал к себе в кабинет пленника.

Пленник, как он и думал, оказался из мазов, из тех, что промышляют не в самой Москве, а окрест нее. До сих пор этот детина с московским обер-полицмейстером не встречался и понятия не имел, что столь значительная персона умеет орать на байковском наречии, применяя все его заковыристые словечки весьма точно.

Архаров велел позвать Сергея Ушакова и оставил его в кабинете с пленником, чтобы тот растолковал пользу немедленного и чистосердечного признания. Сам же отправился в мертвецкую, откуда за ним прислали.

– Ваша милость, не думали, не чаяли... – так встретил его смотритель мертвецкой Агафон. Этот крепкий старик жил тут же, при Рязанском подворье, выполняя еще и обязанности сторожа, и его сразу призвали для приемки троих свежих покойников.

– Что там у тебя?

– Ваша милость, я-то знаю – одежду повреждать не велено... я тряпицей лишь...

Старик был взволнован.

– И что ты сделал тряпицей?

– Харю ему протер, гляжу – а он баба...

– Кто – баба?

Агафон подвел обер-полицмейстера к лавке, где лежало тело в распахнутом армяке. Сажа с лица была кое-как стерта.

– Баба, и все при ней, я пощупал, ваша милость... И стриженная, без кос...

– Дожил ты, дед Агафон, покойниц щупать, – пошутил Архаров. На самом деле он был сильно озадачен – мало ему было недоразумений вокруг подвала, так еще и переодетая мужиком баба.

– Так одежду повреждать не велено...

– Посвети-ка.

Баба оказалась немолодая. То есть, в ее годы придворная особа была еще девицей на выданье, но крестьянка уже приближалась к роковому порогу, за которым получала звание старухи. Изношенное тело и худое жалкое лицо не вызывали более у мужчин приятного волнения, а когда этого у бабы нет – тогда уж точно старость.

Архаров проявлял к женщинам довольно необычное любопытство. Ему нравилось исподтишка на них поглядывать, отмечая уловки кокетства – смех, ужимки, игру веером. Как всякий здоровый мужчина, он был рад случаю заглянуть в декольте, рад увидеть ножку выше колена.

В гостях у отставного сенатора Захарова он от души порадовался французским картинам: пейзаж красивого парка в модном аглицком стиле, к толстой ветке привязаны качели, на качелях девица раскачивается, высоко задирая ноги, так что видны подвязки. Но все женщины и девицы были для него, в сущности, на одно лицо. В свое время он не признал на улице Дуньку, выскочившую к нему из кареты. Теперь – наверняка не признал бы тех девиц, с которыми бывал близок в Санкт-Петербурге. Вот разве что запомнилось одно необычное личико, тоже, кстати, суховатой лепки, с выдвинутым вперед острым подбородком... Так, может, потому и запомнилось, что среди бело-розовых и кругленьких – диковинка?..

Однако эта покойница в армяке чем-то была знакома...

Архаров некоторое время вглядывался в ее лицо, чтобы убедиться – она именно та, кого он уже не первый день числит в покойницах, да только все руки не доходят разобраться с Демкой и Тимофеем.

Память ничего внятного не подсказывала, но похоже, что перед ним лежала Тимофеева жена. Не по приметам, а по чутью...

Он особо не всматривался в нее, когда гнал прочь от крыльца полицейской конторы, он просто полагал, что именно так она должна была объявиться – в заброшенном подвале, задушенная.

Ничего не сказав Агафону, он пошел прочь из мертвецкой.

– Клашку ко мне Иванова, живо!

Прибежал Клашка.

– Скачи ко мне на Пречистенку, разбуди и доставь сюда моего Ивана... стой! Пусть Сенька закладывает экипаж... Сенька, Иван, Сашка... – Архаров задумался, припоминая, кто еще из его дворни был с ним в тот вечер, получилось, что лишь эти трое. Опять же, домой после ночных проделок лучше возвращаться в карете, а не в седле.

Клашка убежал, а Архаров пошел обратно в кабинет.

Там Ушаков уже успел потолковать с пленником и внушить ему, в чем его выгода.

– Ваша милость, прикажите позвать писаря, он все доложит, как было, – сказал Ушаков. – Звать его Данилой Журавлевым, по прозвищу Циглай, из коломенских мещан. Он, понятно, все без разбору валит на покойного Скитайлу, да только, ваша милость... он такое городит, что проверять придется...

– Ну и что он городит? – спросил Архаров, садясь за стол. – Станови его предо мной, Ушаков, да все свечи зажги.

– Божится, будто Скитайла прознал про клад с золотой посудой от кого-то из наших.

– Прелестно, – сказал, помолчав, Архаров. – Теперь ты сам говори, Циглай.

– Я, барин милостивый, от Скитайлы слыхал! У него дружок какой-то у вас тут, и он Скитайле наговорил, будто полицейские клад ищут, и чтобы Скитайла поглядывал, его на место наведут, а слам – пополам...

– Выходит, кто-то нас выслеживал для Скитайлы, чтобы знать, где мы розыски ведем? – спросил Архаров. – Ну, ловко... додумались, сукины дети... Что скажешь, Ушаков?

– Мудрено уж больно, ваша милость. Ведь что вышло? Мы из подвала, и ваша милость изволила говорить, что понапрасну туда лазили, а они – шась в подвал, где заведомо ни хрена нет?

– Так кто искал-то? – перебил его Циглай. – Одно дело вы, поглядели да и бросили, а иное дело Скитайла, он умеет клады отыскивать, у него и ладанка на кресте висит заговоренная на клады.

– Вот что, Циглай. Сейчас тебя отведут вниз, седи, вспоминай, что ты про Скитайлина дружка помнишь, – велел Архаров. – Будешь умен – легко отделаешься. Начнешь запираяться – для таких случаев у нас господин Шварц имеется, слыхал?

– Слышал... – прошептал Скитайлин подручный. И по роже было понятно – что именно слышал.

Циглая увели.

– Ваша милость, позвольте внизу до утра пересидеть, – сказал Ушаков. – Скоро Чкарь придет, будет кашу варить, самовар вздует, хлеба даст.

– Ступайте...

Проводив взглядом Ушакова, Архаров вздохнул – ему вдруг захотелось есть, и в ожидании экипажа стоило, пожалуй, присоединиться к полицейским. Непременно они знают, где Чкарь прячет свои припасы.

Он вышел из кабинета, больше всего на свете желая съесть ломоть ржаного хлеба, присыпанный солью, – давнее полузабытое удовольствие. Но в коридоре ему попался Устин Петров, и Архаров тут же вспомнил – с Устином связано некое недоразумение... он не догнал длинноногого мошенника, но к досаде примешалось еще что-то...

– Поди-ка сюда, Петров. Доложи внятно, как ты мошенника упустил.

Устин, повесив голову, встал перед начальством.

– Упустил по своей дурости... и бегаю плохо, ваша милость, виноват...

– А вот взял бы пистолет – и не упустил бы.

– Да, ваша милость.

– Вперед без оружия на дело не выходи. Не то с Вакулой спознаешься.

– Да, ваша милость.

– Ну так как же ты за ним гнался?

Архаров ощущал состояние Устина точно так же, как если бы Устин ему громко докладывал: при первых вашей милости словах я перепугался безмерно, а когда понял, что более вопросов о моем промахе не будет, расслабился; однако вопрос прозвучал, и мне вновь стало жутко при мысли, что придется сказать правду.

Устин не врал, признаваясь в своем неумении резво бегать. Однако тут была еще какая-то правда, которую он безнадежно пытался скрыть. Архаров вспомнил, как Устин чумной осенью пытался пострадать за убийство митрополита Амвросия, выгораживая тем самым истинного убийцу. Сейчас творилось нечто весьма похожее.

– Увидел, побежал, кричал ему, он не послушал, выскочил на Спиридоновку, а там и другой... они далеко от меня были, я лиц не разглядел...

– А что, должен был разглядеть?

– Да... там в окне свет горел...

– Так и ушли?

– Так и ушли, ваша милость.

– В какую сторону, к болоту или к Никитским воротам?

– К болоту...

– Дважды ты соврал, Петров, – спокойно сказал Архаров. – И лица ты видел, и не к болоту они убежали. Приди в себя и отвечай без вранья. Кто они были таковы?

– Лиц я точно не видел, ваша милость! – воскликнул Устин.

– А какого хрена тогда выгораживаешь, коли не твои знакомцы? Говори как есть, видишь, я тебя не пугаю. Кого ты признал? Из своей церковной братии, что ли?

Архаров даже пошутил – лишь бы Устин успокоился и заговорил прямо.

Ответа обер-полицмейстер добился не сразу. Как не сразу и догадался, в чем загвоздка: Устин признал в преступнике кого-то с Рязанского подворья.

– Петров, будет тебе вилять. Там ведь кто-то из наших был. Хочешь, чтобы я всех перебрал? Ну? Кто он?

– Ваша милость, я глазами слаб... – очень вовремя вспомнил про это горе Устин. – Я ошибиться мог, темнота, далеко...

– Ну?

– Клаварош, ваша милость...

– Мать честная, Богородица лесная! Вот утешил!.. Ладно, ступай. Впредь не ври.

Но Устин вздохнул и никуда не пошел.

– Ступай, говорю, – велел Архаров, уже подбирая в голове доводы против француза. Доводов этих было довольно – и в первую очередь его подозрительное прошлое, ведь не от хорошей жизни он удрал из своей родной Франции на север, к варварам, которые три четверти года ходят в шубах, а по улицам их диких городов слоняются бешеные медведи.

– Ваша милость, я, верно, обознался...

– Ступай, дурак.

Сейчас допросить Клавароша Архаров не мог – француз доложил, что де Берни по причине хромоты никуда не пошел, и отправился восвояси, возможно, к Марфе. Эта самая связь с Марфой была вторым доводом против француза – мало ли какую интригу затеяли эти двое.

И, коли так, следовало тщательно проверить все то, что рассказывал Клаварош о господине де Берни. Намешал там правды и недомолвок – поди знай, что на самом деле рассказал ему учитель, а главное – что наговорил учителю сам Клаварош. И не было ли устранение де Берни от событий этой ночи заранее продуманным действием?

Как будто Архарову мало было загадочной покойницы в мужском наряде, что лежала сейчас в мертвецкой...

Стоило вспомнить о ней – послышался голос Никодимки. Архаров сперва ушам своим не поверил – что делает его камердинер в полицейской конторе перед рассветом? Оказалось, Клашка Иванов, посланный за экипажем на Пречистенку, рассказал, что господин обер-полицмейстер, сражаясь с мошенниками, извозился в грязи. Пока закладывали экипаж, Никодимка притащил чистый кафтан со штанами и даже чулки. Причитая, что их милости Николаи Петровичи, шлепнувшись в грязном на сиденье, изгваздают внутренность кареты так, что потом не отчистишь, а карета нужна ежедневно для важных визитов, он в конце концов сам забрался вовнутрь и поехал переодевать барина.

Ругаться было бесполезно. Тем более, что правота камердинера была очевидной.

Пока Иван с Сенькой ходили в мертвецкую, Архаров позволил снять с себя кафтан, действительно весьма грязный, и облачить себя в другой, чистый и теплый. А потом все ему вдруг стало безразлично, даже то, что они признали в бабе ту дуру, что перепутала полицейскую контору с острогом, и он поехал домой, желая лишь одного – добраться до постели. Даже размышления о Клавароше – и те отложил на завтра. Сказал себе, что утро вечера мудренее, – так и вышло.

Он собирался хоть немного поспать, он даже разделся и лег, но сон не шел, опять же с каждой минутой в спальне делалось все светлее. А когда обер-полицмейстера все же разморило, со двора донесся какой-то шум. Архаров крикнул Никодимку, тот прибежал босой, в одних портках и рубахе, сдвинул ставни, задернул шторы и добился вполне приемлемого мрака.

Поспав всего часа два, Архаров потребовал кофею и, сгрызя всего один сладкий сухарь, велел закладывать экипаж.

Утро было превосходное, солнечное, истинно майское утро, но он сидел в карете с задернутыми занавесками, видеть не желая красоты мира – да и какая красота, коли в Москве творятся необъяснимые безобразия? Того гляди, государыне донесут, что обер-полицмейстер не выполняет обязанностей.

Саша, сидевший напротив, видя эту хмурую рожу, громко дышать боялся.

Прибыв в полицейскую контору, Архаров прежде всего осведомился, что с раненым. Ему доложили – приехал доктор Воробьев, в меру пьяный и недовольный, разругал в прах тех, кто делал перевязку, и хотел было увести горемыку с собой, но ему не дали. Так что пленник,

правильно перевязанный, лежит и хрипит разодранной глоткой в верхнем подвале, удастся ли от него добиться толку – одному Богу ведомо.

Буркнув нечто непотребное, Архаров потребовал к себе ту команду, которой было приказано поймать господина де Берни. Но начал не с Клавароша, а с новенького, бывшего десятского Евдокима Ершова. Этот парень не был повязан круговой порукой и не имел резонов выгораживать сослуживцев. Но он еще не наловчился читать карту, и с Архарова семь потом сошло, прежде чем Ершов разобрался в геометрических фигурах, ее составляющих, и точно указал пальцем, где был он сам, где – прочие, и в котором месте хромящий господин де Берни раздумал идти к Гранатному двору.

К тому моменту, когда в кабинет вошел Клаварош, Архаров уже знал, что француз какое-то время был незрим для прочих архаровцев, и вычислял – успел бы он добежать до руины Гранатного двора, да еще вернуться оттуда, куда его загнал преследующий Устин, – со Спиридоновки, или же сей подвиг был под силу лишь крылатому ангелу. На беду, ни у кого из архаровцев не было при себе часов, и сам обер-полицмейстер тоже не догадался на них лишний раз посмотреть, и потому он никак не мог совместить действия обеих команд. Вроде бы получалось, что в то время, когда откапывали сервиз, господин де Берни уже отказался от ночной прогулки, так что Ершов, Клаварош и Захар Иванов вполне могли счесть долг исполненным и разбрестись в разные стороны. Коли так – Клаварош имел прорву времени для всевозможных ночных походов... особенно коли знал заранее, что де Берни вернется домой...

Француз вошел в кабинет и встал перед архаровским столом точно в такой позе, которая не помешала бы самому обер-полицмейстеру при аудиенции у ее величества: спина прямая, плечи развернуты, руки готовы к элегантным маневрам с табакеркой, одна нога выставлена вперед, и общее ощущение – будто Клаварош не столько стоит на полу, сколько подвешен над ним, чем и объясняется удивительное равновесие его фигуры.

Была в его движениях некая тщательно выпестованная беззаботность, предмет зависти всех архаровцев, полагавших ее неслучайной принадлежностью светского человека. На сей раз обер-полицмейстеру почудилась в повадке французского фальшь...

Архаров задал несколько вопросов, услышал совершенно правдивые ответы, и уже собиравшись приступить к строгому допросу, как вдруг заметил, что Клаварошевы штаны прорваны на колене.

– Вели Марфе зашить, – приказал он, тыча пальцем в прореху. Еще только недоставало, чтобы архаровцев вся Москва честила оборванцами, а вслед за тем и оборванцев – архаровцами. И так уж скоро всех задир и забияк начали архаровцами звать...

– Она мундир чинит, – отвечал несколько удивленный Клаварош. – Фортуна ко мне неблагосклонна. Я напо... напал на гвоздь. В темноте, у стенки.

И показал пальцами длину этого выдающегося гвоздя.

– Мундир? – переспросил Архаров. Только сейчас он заметил, что Клаварош стоит перед ним в простом черном кафтане.

– Да, ваша милость.

– Ты ночью был в мундире? – уточнил Архаров, точно помнивший, что приказывал всем одеться попроще.

– Да, ваша милость.

Архаров не мог бы объяснить полет своей мысли – а, точнее, совместный полет нескольких мыслей словно бы в обнимку. Но вывод, ими преподнесенный, был вполне земной и очень неприятный.

– Ступай, кликни там нашего дьячка.

И, когда Устин явился, Архаров уставился на него весьма свирепо. Взгляд же у него был таков, что молоденьким девицам впору без чувств на пол валиться.

– Петров, как ты догадался, что тот человек был Клаварош?

– Признал... – прошептал Устин.

– В лицо признал?

– Так он же в мундире был...

– А лица ты не разглядел? – уже сильно негодуя, продолжал Архаров. Негодовать тут, впрочем, следовало на самого себя. Он же с самого начала знал, что попорченное чтением книг зрение Устина ночью бесполезно. И признать Клавароша бывший дьячок мог только по ярким и несомненным признакам – росту, фигуре, ловкости движений и мундиру.

– Нет, ваша милость.

– То бишь, ты видел высокого человека в полицейском мундире? Прелестно! Пошел прочь с глаз моих...

Много всяких пакостей преподносили шуры и мазы московскому обер-полицмейстеру. Но вот архаровцами еще не рядились.

Коли они возьмут себе такую моду, в Москве вообще все кубарем пойдет, всякая сволочь начнет колобродить, а валить все станут на архаровцев...

Позвольте... Было же не так давно нечто весьма похожее! Но что, но что?..

Раздумья были подобны тому, как если бы кто шарил шестом в заросшем пруду, надеясь добыть со дна нечто ценное, а вытаскивал то старый башмак, то собачий труп.

Архаров мучительно вспоминал – и вспомнил-таки вспомнил брюхатую девку и как с хохотом выходили из шеренги полицейские. Что-то тут было не так, он еще тогда подумал – странно, что девка рыдает, но имени соблазнителя не называет. И тут же явилась в памяти смущенная рожа Клашки.

– Иванова ко мне! – приказал Архаров.

– Которого, ваша милость? – спросили в приоткрывшуюся дверь.

– Клашку.

Несколько минут спустя обер-полицмейстер уже имел перед собой сильно растерявшегося подчиненного.

– Девку помнишь? Подрядчикову дочь, что приходила на вас, дармоедов, просить?

– Помню, ваша милость...

– Кто ее обрюхатил?

– Не знаю, ваша милость.

– Врешь. Ну, чьих трудов дело?

– Не знаю, ваша милость.

– Врешь.

Клашка стоял перед обер-полицмейстером, повесив голову.

– В глаза гляди, скотина, – беззлобно приказал Архаров. – Ты потрудился?

– Христом-Богом – не я! – Клашка, выпалив это, перекрестился на Николая-угодника.

– Прелестно... А кто же?

Полицейский молчал.

– Слушай, Иванов, ты не девка, чтоб тебя уговаривать. Кто этой дуре брюхо набил – ты знаешь, да выдавать не желаешь. Говори добром – не то скажешь у Шварца в подвале.

– Не я, ваша милость!

– Знаю, что не ты. А кто?

Клашка уставился в пол.

– Ты ведь не из мортусов, – подумав, сказал Архаров. – Это их круговой порукой повязали. Чтобы все за одного были в ответе. Ты уже потом пришел. И коли ты полагаешь, будто сейчас совершаешь подвиг, так это вранье... Говори живо, что про это дело знаешь, не то... И Шварца не понадобится – прямо тут с тобой и разделаюсь. А кулак у меня тяжелый.

Клашка вздохнул и засопел так, что Архаров встревожился – не зарыдал бы этот вертопрах и не пришлось бы его холодной водицей отпаивать!

– Сгинь с глаз моих, – приказал он. – Подумай в коридоре четверть часа. Более я ждать не намерен.

– Ваша милость, это кто-то из наших, да только я сам не доберусь никак, кто именно! – воскликнул Клашка.

– Прелестно. Теперь докладывай вразумительно. Ты девку давно знаешь?

– Давно... соседями были, потом в чуму наш дом сожгли, я к крестному ушел...

– Далее, – приказал Архаров.

– Я к ней открыто приходил! Все видели, вся улица, – мы у калитки стояли! И дядька Трофим меня не гонял! А потом мне Ванюшка Портнов и говорит – ты, Клашка, говорит, с ней не водись, Фимка твоя с другим сговорилась и все там сладилось, а бегают на сеновал к дяде Фаддею. А было это уже осенью...

– А у тебя с ней?..

– Не было ничего, я жениться на ней, на дуре, хотел.

Клашка не врал, хотя менее опытный дознаватель, чем Архаров, вряд ли поверил бы ему. Летнее стояние у калитки, пряники и ленточки в подарок, вызывание свистом к забору известно чем кончаются. Опять же, и сеновал дяди Фаддея близко.

– Так. Значит, осенью ты понял, что девка твоя уже под ракитовым кустом повенчалась, дальше что было?

– Перестал туда ходить.

– Потом?

– Потом случайно узнал – что забрюхателя Фимка. И сказывали, от кого-то из наших.

– Ванюшка Портнов донес?

– Ваша милость, он того человека сам не видел, а соседки приметили – в полицейском мундире.

– Так, – Архаров кивнул, ощущая даже некоторое удовлетворение от того, что наконец все стало складываться. – С девкой не говорил?

– А что толку? Коли она уже порченная?..

– Дурак. Сейчас беги... где этот подрядчик квартирует?

– На Якиманке.

– Беги на Якиманку, выпроси всех соседей. Стой. Максимку-поповича с собой возьми. Он бабам нравится, ему они поболее расскажут... Стой! Никуда бежать не надо...

Архаров крепко задумался. Клашка смотрел на него исподлобья.

А тут было над чем поразмыслить. Репутация у архаровцев сложилась лихая – и если двое из них пойдут выпрашивать о некоем третьем, то наслушаются самого неупотребного вранья: кому охота мешаться во внутренние затеи полицейской конторы?

– Иванов, лови сейчас же извозчика, поезжай в Зарядье, привези Марфу. В кои-то веки и от нее польза будет.

Клашка, видя, что ему более неприятности не угрожают, резво поклонился и выскочил из кабинета.

Архаров расположился было хорошенько обдумать свои дальнейшие действия – в частности, призвать канцеляристов, чтобы раскопали ему все жалобы на полицейских за последние полгода. Но тут доложили о визите почтенного гостя – коли судить по кафтану, не ниже графа. Его прозвание было Архарову памятно еще по Санкт-Петербургу – сей господин, несколько послужив для приличия в Конногвардейском полку, вышел в отставку и выгодно женился. Кроме того, они встречались и даже раскланивались в Пречистенском дворце.

Встав из-за стола, обер-полицмейстер пошел навстречу недовольному гостю. И вдруг встал столбом – над плечом этого господина светилась восторгом круглая рожица Левушки Тучкова.

Не сказав ни одного приветственного словечка, Левушка проскользнул в кабинет. Был он, как всегда, щегольски одет, изящно причесан, чистенько выбрит – да там и брить-то было нечего, борода и усы у него росли слабо и негусто. Вот разве что не соответствовала модному наряду длинная шпага – так ведь стыдно гвардейцу носить легкий игрушечный клинок, славный только тонкой работы эфесом.

– Что это у вас, господин Архаров, купцы совсем распоясались? – не перекрестя лба на образ Николая-угодника и не поздоровавшись толком, начал гость. – Сговариваются и обижают дам совместно!

Архаров, удивившись такому приступу к беседе, даже не произнес обычного «добро пожаловать».

Левушка же, видя, что Господь послал невежу, отошел к окошку. Он был готов и поклониться, и поздороваться с этим господином, коего встречал в петербургских гостиных, однако не хотел потворствовать недостойному обхождению.

– Обижают дам совместно? – повторил Архаров. На ум пришло нечто вовсе непотребное.

– Да, составляют заговоры! Тетушка моя вчера пала жертвой, не чаяли, что жива останется, а она дама светская, она хочет жаловаться государыне!

Архаров понял, что для полного счастья ему недоставало только жалоб от пожилых и вздорных светских дам. Левушка же наострил ухо.

– Садитесь, сударь, и изложите внятно, – сказал он.

Гость, так и не представившись, уселся в кресло.

– Тетушка моя желала купить ткани и поехала в суконную лавку. В прошлый свой приезд в Москву она заметила хорошие лавки, где можно недорого взять сукно на ливреи дворне. Она поехала туда же и попросила снять с полки штуку зеленого сукна. Приказчик же выкладывает ей красное да просит полюбоваться глубиной и красотой зеленого тона, клянется, сукин сын, что вовеки не вылиняет. Тетушка, видя, что детина со вчерашнего пьян, тут же отправляется в соседнюю лавку и просит показать зеленые сукна. Ей и там выкладывают красные, разных оттенков. Когда же она, возмущившись, принялась объяснять приказчику его ошибку, все бывшие в лавке тут же подтвердили, что сукно доподлинно зеленое. С тетушкой случился припадок, она дама немолодая... еле до дому довели... подумайте – даму упрекают в том, что она выжила из ума!

Левушка отвернулся к окну. Он от природы был смешлив, но сейчас не дал себе воли – тут не светская гостиная...

– В третьей и четвертой лавке ваша тетушка услышала бы то же самое, – сухо сказал Архаров. – Таким способом московские купцы сражаются с покупателями, которые чересчур усердно торгуются в лавках. Вашу тетушку, очевидно, запомнили, и тайно отправили посыльного в соседние лавки. Обыкновенно они сговариваются, краснить или зеленить товар. Вот и вся интрига.

– Их надобно примерно наказать!

Архаров сам недолюбливал шалости московских купцов, сам, случалось, мог изругать такого затейника в прах или заехать в ухо наглому приказчику, высказывающему на улицу, чтобы завлечь богатого покупателя. Но он знал твердо – купцы на него жаловаться не станут, тем паче – императрице. Это были устоявшиеся отношения, исполненные даже известного благородства. Отдавать шалунов на растерзание какой-то пока еще безымянной тетушке Архаров не желал.

– Не советую вам, сударь, добиваться наказания купцов, – сказал он сухо. – Вот наилучший способ сделать вашу тетушку посмешищем всей Москвы.

– Что же, коли так – про безобразия купцов ваших будет доложено государыне.

Тут Левушка не выдержал.

– И превосходно, сударь, – сказал он, – государыня будет весьма благодарна, она любит подобные истории про дам. А особливо коли история московская – тут же в дело пойдет.

– Ты про что, Тучков? – спросил ошарашенный этой речью Архаров.

– Про то, господин обер-полицмейстер, что государыня, как вам известно, пишет премилые комедии, вон, коли угодно, «О, время!» – как раз из московской жизни, – и Левушка повернулся к посетителю. – Видели, поди, в Зимнем на театре? Два года назад, помню, комедия имела огромный успех, да «Именины госпожи Ворчалкиной» – такой же. Особливо государыня любит наших барынь изображать. Приключение тетушки вашей с купцами наверняка будет выведено в новой комедии... а государыня на язык остра, коли помните... весь двор снова в восторг приведет!

После этого возгласа в кабинете воцарилось молчание.

Посетитель встал.

Положение его было незавидным – коли по чести, он должен был благодарить поручика Тучкова за своевременное предупреждение. Стать посмешищем двора и пребывать в сем звании, покамест на сцене Малого театра идет злоехидная пьеса, для пожилой дамы смерти подобно. А уж что будет с племянником за столь неловко исполненное поручение – и вообразить страшно.

Архаров видел, что посетитель угодил в дивное по степени неловкости положение. И, чтобы поскорее избавиться от этого вертопраха, пришел ему на помощь.

– Я велю полицейским командам наблюдать, дабы купцы следили за поведением сидельцев и приказчиков в лавках, – сказал он с таким видом, что и пень бы понял: аудиенция окончена. – Коли угодно, оставьте в канцелярии «явочную».

– Эй, кто там! Сопроводите его милость в канцелярию! – крикнул Левушка.

Менее всего посетитель ожидал, что молодой долговязый щеголь с высоко взбитыми волосами, с модными воздушными буклями, неизвестно зачем нацепивший к дорогому нежно-голубому кафтану длинную шпагу с простым эфесом, распоряжается в кабинете обер-полицмейстера, как у себя дома.

Вошел Саша с бумагами.

– Отведи его милость к Щербачову, – сказал ему Архаров, – да возвращайся поскорее. Дверь за растерявшимся от такой наглости гостем захлопнулась.

Архаров и Левушка, оба почему-то до последнего глядевшие на движение дверной ручки, повернулись друг к другу.

– Ну, слава Богу! – сказал Архаров. – Я уж думал, ты не приедешь.

– Николаша! – заорал Левушка. – Да как ты мог такой вздор в голову посадить!

И кинулся к приятелю, и облапил его длинными руками, и даже звонко чмокнул в щеку.

– Мы в Клину ночевал, думали к тебе вечером быть, эта старая рухлядь едва не развалилась, мы колесо потеряли! – рассказывал возбужденный Левушка. – Остановились в какой-то избе, не чаяли живы остаться – тараканы там поротно и побатальонно выступали, да в ногу! Чуть рассвело – выехали, а на Пречистенке Меркурий Иванович докладывает: барин-де дома не живет, приезжает кофею попить. Тут они за нас взялись – Никодимка твой, Меркурий Иванович, бабы, вмиг все спроворили, утюги разогрели...

Архаров слушал, кивал и тихо радовался. Он соскучился без взбалмошного, жизнерадостного, говорливого Левушки. А коли честно – устал быть суровым, всезнающим, за все московские недоразумения отвечающим начальником. Отдохнуть душой же, как он недавно обнаружил, было не с кем. В гостиной Волконских он был желанным гостем, даже беседовал там с Варенькой Пуховой, но это была именно гостиная, налагавшая определенные обязанности и требовавшая светских манер. Михайла Никитич его уважал и ценил, но их беседы не были дружескими, вольными, веселыми – толковали все о делах и о житейских надобностях,

а Елизавета Васильевна деликатно, однако настойчиво пыталась переделать Архарова из хмурого увальня в галантного кавалера.

С Левушкой Архаров мог быть самым собой – по крайней мере, ему казалось, что приятель возвращает его в давнее гвардейское время, по нынешним понятиям – вполне беззаботное. Да Архаров и был тогда моложе на четыре года... четыре года московской жизни, кажется, поставили здоровенный крест на его молодости...

– Ты не один, что ли, приехал?

Левушка хлопнул себя по лбу, от волос поднялось нежное облачко пудры.

– Ну да! Ты Лопухина помнишь? Из наших? Ну так я его с собой привез. Прямо к тебе, твой Меркурий Иванович ему и комнату отвел.

Архаров опустил глаза, припоминая все офицерство Преображенского полка. И выплыло-таки из памяти нужное лицо. Однако странно было, что офицер из столь известного рода не имеет на Москве довольно дядюшек и тетушек, чтобы остановиться, а просится на постой к обер-полицмейстеру.

– Петрушу, что ли? – на всякий случай уточнил Архаров. Все-таки он четыре года не был в столице – мало ли каких недорослей прислали в полк?

– Петруша наш уж капитан-поручик, – сказал Левушка, и как будто без зависти, как будто даже с уважением, да только Архаров прекрасно понял, в чем дело: капитан-поручик был очень молод, возможно, Левушкин ровесник, сам же Тучков – все еще в поручиках ходит. Понятное дело, столь знатной родни не имея, каждого нового чина по десять лет ждешь...

Архаров хмыкнул.

– Ну, своему брату преображенцу я всегда рад, – сказал он и вдруг вспомнил, что и родного-то брата Ивана целую вечность не видал. А что делать – у обоих служба...

– А знаешь ли, какая у нас главная новость? – спросил Левушка и сам же ответил: – Эскадру ждут!

Когда я уезжал, толковали, что их со дня на день следует ждать в Кронштадте.

– Какую эскадру?

Левушка уставился на друга, выпучив глаза: как можно не знать вещей общеизвестных?

А меж тем Архаров, невеликий любитель читать столичные газеты, и впрямь имел о военных делах, когда они его напрямую не касались, темное понятие. Когда к Москве приближалось войско маркиза Пузачева, он посылал к князю Волконскому за свежайшими реляциями и пытался извлечь из них нужные себе сведения. Но морские сражения за тридцать земель были ему любопытны разве что в общих чертах: кто одержал победу да какой с того прок.

Он коли и слышал о событиях семилетней давности, но их не помнил. Он знал, что Алехан Орлов, генерал от кавалерии, отродясь не командовавший даже яликом, исхитрился одержать победу в бухте Чесма над вдвое превосходящими силами турок. Но он не задумывался, что тому предшествовало.

Ему было известно, что Алехан незадолго до войны уехал в Европу для поправки здоровья. Но не знал, что граф Орлов путешествует по Италии под чужим именем. Братец Иван, бывший при Алехане, о том не писал... Не задумался Архаров также, какая болезнь может потребовать для исцеления тайных встреч с греческими эмиссарами, а о том, что русские офицеры под видом купцов приезжали в Черногорию и Морею, где становились военными советниками при повстанцах, и знать не мог. Не знал Архаров, разумеется, и того, что Алехан в самом начале войны писал государыне, предлагая отправить в Средиземное море российский флот. Это должно было способствовать восстанию православных балканских народов и греков, которые помогли бы разбить турок.

Флот Алехан получил. И равным образом право давать офицерские чины грекам и славянам, отличившимся в борьбе с турками. Вся Европа потешалась: куда лезут эти обезумевшие русские? И куда они побегут, когда турецкий капудан-паша Гассан-бей потопит их корабли?

Бежать никуда не пришлось. Орлов и адмирал Спиридонов одолели Гассан-бея в Чесменской бухте. Вступая в бой, оба знали, что отступать некуда. Сражений, собственно, было два – в Хиосском проливе и в самой бухте. Викторию даже озадаченная Европа признала безоговорочной: более двадцати крупных военных турецких судов и множество мелких сгорели и пошли на дно, прочие были взяты в плен. Турки потеряли весь флот и десять тысяч человек, русские – одиннадцать матросов. После чего три фрегата орловской эскадры зашли в бухту Наварин, где в крепости Неокастро обосновались турки. Установив береговые артиллерийские батареи, моряки шесть дней обстреливали противника, потом подошло подкрепление – и крепость пала. Внутри обнаружилась православная церковь, лишенная креста. Отложив прочие заботы, крест смастерили и заново поставили на куполе. Немудрено, что греки едва ли не боготворили прогнавшего турок Алехана, считая его своим освободителем.

Это Архаров уже знал, он только не сообразил сразу, что эскадра, которую Алехан увел в Ливорно, должна в конце концов как-то воротиться домой.

– А что в столице говорят про Орловых? – спросил он.

– То и говорят, что не сумели своей фортуны удержать. Государыня ведь, ты знаешь, все графу Григорию прощала... ну и допрощалась... Из всех Орловых только граф Алексей при ней останется – вот что говорят.

Архаров покивал. Алехан уже давно был ему симпатичен. Прочие братцы Орловы могут преспокойно подавать в отставку – ни пользы от них особой государству не было, ни вреда их отсутствие не принесет. Алехан же был не только умен и догадлив – он был по внутренней своей сути способен на беспредельную верность. Архаров не мог бы объяснить, как он учуял в Алехане это качество. То же самое ощущение присутствия верности было у него и при встречах с Суворовым, и, довольно часто, при беседах с Волконским.

Он охотно бы послушал новости об Алехане Орлове, но Левушка перескочил на иное – стал рассказывать, что к сестрице Мавруше уже сватаются, и одновременно расспрашивать Архарова о Вареньке Пуховой.

– Медальон-то еще носишь? – спросил Архаров.

Левушка засмутился.

Он действительно не раз надевал на шею этот портрет на темно-вишневой ленточке. Почему, для чего – сам толком не знал. Ему нравилось нарисованное Варенькино лицо, нравилось внимание светских прелестниц к портрету. Медальон словно делал Левушку более загадочным и желанным для них кавалером.

Опять же – именно этот медальон спас ему жизнь, и Левушка не хотел с ним расставаться как с предметом, приносящим удачу.

Но амурный разговор был прерван Шварцем, который доложил: сегодня-де вздымают над крыльцом архива железный глобус, он сам проходил, видел – народ толпится, непременно где ротозеи – там и шуры, так не угодно ли его милости отрядить полицейскую команду для поддержания порядка?

– Мог бы старый черт Миллер и предупредить, – буркнул Архаров. – Мало мне с ним было хлопот...

И точно, хлопот за почти четыре года архаровского обер-полицмейстерства хватило.

Федор Иванович Миллер достался ему в наследство от бывшего обер-полицмейстера Юшкова, сбежавшего от чумы, вместе со всеми затеями неугомонного немца. К тому времени знаменитый путешественник, историограф, академик был уже не столь красив и силен, как в молодости, сильно болел, но по-прежнему бывал то язвителен, то чрезвычайно весел, склонен к остроумным и причудливым мыслям, но при этом – вспыльчив и суров. Кстати сказать, первоначально был он отнюдь не Федор и не Иванович, а Герард Фридрих, но Россия с европейскими именами не церемонилась.

Десять лет назад Миллер был назначен главным надзирателем московского воспитательного дома, с оставлением при Академии Наук в звании историографа, а через год определен начальником Московского архива иностранной коллегии (ныне Московский главный архив министерства иностранных дел). Архив находился в самом бедственном положении. Ценнейшие документы, хранившиеся в подвалах старых кремлевских приказных палат, были в запустении. В год шелковой революции их извлекли оттуда, перевезли в бывшее Ростовское подворье на Варварке, на углу Рыбного переулка, и едва не погубили – место было низменное, неподалеку от Москвы-реки, да и сложили сундуки с дубовыми грамотами в подварах да в каких-то ветхих амбарах. Подвалы затоплялись в половодье, а в амбарах бумаги нещадно истреблялись мышами и крысами. Четыре года пришлось сжечь собранные в девять сундуков остатки архивных дел, причем сгребали их и укладывали в сундуки лопатами – до такой степени все сгнило и расползлось.

В Москву Миллер просился уже давно, сознавая важность для науки кремлевских архивов и страстно желая их раскопать. Переехав и определившись на службу в Московский архив иностранной коллегии, он ознакомился с состоянием дел, ужаснулся и стал настаивать на приобретении нового здания. Когда государыня в 1767 году приезжала в Москву для открытия Уложенной комиссии, Миллер выпросил у нее денег для покупки дома князя Голицына в Холмовском переулке. Дом, стоящий особо, в отдалении от иных построек, и потому безопасный от пожаров, был куплен на средства из постовых доходов, а далее началось самое страшное – починки, переделки и исправления. Княжеские хоромы немало обветшали, пришлось чинить и стены, и фундамент, для бережения от пожара в двух палатах деревянные полы заменили чугунными и каменными, навесили железные двери и решетки на окна, причем ради похвальной экономии взяли и листовое железо для кровли, и решетки, и оконные железные затворы, и чугунные плиты для полов, и даже лестничные ступени из разобранных кремлевских приказных палат.

Все эти работы проводились с той степенью безалаберности, которая прямо-таки восхищала Архарова в первые месяцы его обер-полицмейстерской службы: даже не удосужились обнести забором двор, и через него ходили все, кому не лень, прихватывая все, что плохо лежит. И более того – в пустых и не запертых палатах повадились прятаться голицынские крепостные девки. К новым владениям архива примыкала усадьба управляющего московскими именьями Голицына – оттуда они и прибегали, спасаясь от побоев. «Явочные» о нахождении этих девок в пустых палатах и ссорах чиновников Московской конторы иностранных дел с управляющим как при Юшкове поступали в полицейскую канцелярию, так и при Архарове продолжали поступать – с кратким лишь перерывом на время чумы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.